

Нонна Мордюкова

Записки актрисы

НОКТЮРН

Я родилась грузчиком и до поры до времени была как мальчишка: широкоплечая, мускулистая, порывистая.

Маму любила и жалела до слез; провинюсь, бывало, накажет, не говорит со мной больно было, стерпеть невозможно. По бедности взрослые трудились до упаду и неминуемо вынуждены были звать детей на помощь. Безоговорочно я подхватывала мамины-мамочкины поручения, но постоянным было желание выгадать минутку, чтоб прыгнуть в речку, поскакать по поляне и сделать вид, что не слышала ее зова.

Пошли братики и сестрички рождаться... Хорошенькие, беспомощные.

Стала и их на закорках таскать, и хворост, и кукурузные початки только поспевай.

Я делила трудности со взрослыми. И не я одна все мои сверстники.

От работы уйти было некуда, как от своего имени и места рождения.

Таскала и помогала...

А мама ругалась. Возле мамы чего не сделаешь! А ей надо было больше заботиться о маленьких.

"Ты, кобыла здоровая, зачем надкусила пряник?" "Это не я..."

"Брешешь зубы твои отпечатались".

Крыть нечем.

Однажды вдруг рассмотрела я свою руку и увидела, что некрасива она, уже натруженная.

Школу я воспринимала, как курорт: училась неважно, так как главным моим стремлением было по звонку сигануть из окна, кричать, чудить, прогулять урок...

По русскому и литературе тем не менее сыпались хорошие отметки.

Это было для меня легко сочинение написать, словно прыгнуть в палисадник.

Такие "математики", как я, как-то раз собрались и написали письмо Сталину, чтобы отменил этот предмет. А пока Ольга

Пастухова из года в год выручала. И как у нее все быстро решалось!..

Однако и я в передовых была, когда надо было полы мыть или парты таскать. Только и слышишь: "Мордюковочка!" Бригаду в момент организуешь и работа закипела.

Перетаскав парты, босиком мчусь по пустому коридору, аж в ушах свистит.

От меня постоянно ждали хулиганских выходок, хотели, чтобы отмочила что-нибудь. Один раз чуть не утопилась в Азовском море.

В уборной кто-то написал слово на букву "х". Вызвали меня в учительскую и стали пытаться. Сколько слез пролила, молила поверить, что это не я. Не выдержала и побежала к маме.

Мама! Я в море утоплюсь!

Мама заплакала. Пошла в школу. Завуч "подбодрила":

Мы верим, что не она писала, но на нее подумать вполне можно.

Собирай книжки, и пойдем отсюда! тихо приказала мама.

Стала учиться я в другой школе, надеялась начать новую жизнь.

Посадили меня за первую парту. Только учительница повернулась к доске, как я с силой кинула галошу назад. Она полетела, ударилась с хлопком о заднюю стену. Я, как памятник, не шелохнулась. Общий смех. Вот тебе и новая жизнь!

Когда много лет спустя затеяли обо мне фильм снимать, классная руководительница сказала: отзывчивая и компанейская, но школу не любила и все...

Кончилась война. В товарном вагоне ехать в Москву да еще без билета хорошо! Делились хлебом, песни пели. Колеса крутятся по назначению едем. Чего еще надо?

В институте уцепилась мертвой хваткой за специальные предметы.

Хвалили, а потом раз и собрание о моем исключении из института.

Общеобразовательные предметы путались у меня в ногах, мне не хотелось даже входить в ту аудиторию, где чернявая тетка показывала слайды с камнями, поросшими мохом и травой, это предмет "история искусства". Шесть двоек нахватала, хлебной карточки лишилась и чуть не сдохла с голоду. Принудили пересдать, выдали карточку, и жизнь потекла дальше.

Мы считали, что и война нашим мечтам не помеха, а она и после того, как кончилась, прихватила сильно. "Владимир Ильич с кусочком сухаря пил чай, а пост свой не оставил!" писала мама, когда я позволила пожаловаться в письме на невыносимую жизнь.

По сценическому движению "норму перевыполняла", и однажды преподаватель Иван Иванович сказал: "Переходи к нам в физкультурный, из тебя получится хорошая спортсменка". Куда там!

Моя душа уже принадлежала Катюше Масловой, Катерине в "Грозе",

Берте Кузьминичне из спектакля Михаила Светлова "Двадцать лет спустя"...

В общежитии минус три, есть хотелось беспрестанно. А шурымуры все равно крутили. Я рано вышла замуж. Дали нам комнату шесть квадратных метров в институтском общежитии в Лосинке. Стал расти у меня живот, муж недоволен, на курсе смятение. Начали подсчитывать: разрожусь ли к защите диплома? Женька Ташков принес книгу, где сказано: месяцы берутся во внимание не обычные, а "лунные", то есть 24 дня.

Но роль в пьесе Гейерманса "Гибель надежды" репетирую и езжу в

Лосинку в общежитие. Раньше автобус не ходил, и сорок минут надо было топать до электрички. Муж оставался в институте, играл в шахматы. Иногда и ночевал там.

Родилс ребенок точь-в-точь, как Женька посчитал: еще полтора месяца оставалось до защиты диплома.

Сыночек в медпункте лежал. Нянчили кто придется. Пеленок за весь день накапливалось много. Вечером темень непроглядная, плетусь, держу дорогого и любимого мальчика и узел с пеленками. Войду в наш чуланчик, истоплю печку, постираю пеленочки. Тепло станет, ребенок загукает, завизжит. Толстенький. Неизвестно, откуда молоко у меня набиралось. Правда, хлеб и сахар с чаем тогда уже были доступны.

Попали мы с сыночком как-то в больницу. У него диспепсия, то есть летний понос. Меня с ним тоже положили как кормящую мать.

Дети умирали, потому что единственный способ спасения это кормить ребенка грудным молоком. А где его взять? Мамы голодные и худые. А я, поди ж ты, молочной оказалась. Вызвала меня главврач и беседу провела, чтоб я излишки молока отцеживала или кормила чужого ребенка. Ну, я стала сцеживать. Больше полстакана набиралось после кормления.

И однажды парень приходит незнакомый и преподносит мне отрез на платье. Я не взяла. А банку меда взяла. Муж пару раз приходил, и, помню, выставлю в окошко повыше личико сына: смотри, мол, какой букетик. А сынок в поддержку мамы улыбнется. Отец таял...

Думала, после больницы станет хвалить меня, больше любить... Но нет. Сухарь сухарем, молчун молчуном.

Опять иду ночью со станции по колдобинам. Угодила обеими ногами в яму, выкопанную для столба, провалилась. Извернулась кулек с ребенком держу на вытянутой руке выше ямы. Положила я его на край, вылезла вся испачканная. Ничего не поделаешь: надо идти дальше. Однако впервые за долгое время заплакала,

горько-горько... К приходу мужа слезы высохли, а иначе и быть не могло. Есть такие слова, которые не забываются: "Родила на свою, а не на мою голову поняла?" Потом, правда, полюбил сыночка.

Играл с ним. Сын смеялся громко и радостно, тянул ручки к нему.

Отец носил его по комнате, и на лице его появлялась сдержанная улыбка...

Стали актеры потихонечку ездить от общества "Знание" с творческими вечерами. Ну и я тоже. Сестре велела вести подробный дневник о каждом мгновении жизни сына...

Потом дали нам комнату в коммуналке. Внимания ко мне у мужа от этого не прибавилось. Но куда денешься, раньше ведь считали: ребенок это связь навек.

Как-то разболелась я, крутилась на тахте, стонала в подушку. Муж с моей подругой играл в шахматы. Я старалась давить в себе боль, видя его назидательную спину. Он никогда не верил, что у мен что-то болит; смотрел всегда с иронией: дескать, тебя и дрыном не добьешь.

А что, если стонать, легче становится? не повернув лица, спросил он.

Зойка! закричала я не в силах терпеть. Скорей "Скорую"! Вызывай

"Скорую"!

Подруга кинулась к телефону, а муж смотрел на меня с раздражением... Я поняла, что так и должно быть, не любил он меня никогда. И все же, как в палату поместили, думала, что он тут где-то, в больнице, переживает, бедный. Куда там! Не было его.

Один раз только и пришел, но я не обижалась привыкла...

К выписке из больницы передала мужу листок список, что надо принести из одежды: ведь увезли меня на "Скорой" в одной ночной рубашке. Больные всегда глазают: кто приехал забирать, в чем одета "на гражданке". Приехал он за мной на такси, но одежду не привез. Снял с себя болоньевый плащ и надел на меня. Зато алюминиевый двухлитровый бидон не забыл, чтоб на обратном пути колхозного молока купить на базаре, он без него жить не мог. Сам остался сидеть в такси, а мне протянул бидон как само собой разумеющееся. Утренняя прохлада прошла по моему животу и голым ногам. К вечеру у меня поднялась температура 39,5. Я испугалась, позвонила в больницу. Я всех там знала и любила. Мы там дружили и врачи, и нянечки, и медсестры. Не скоро взяли трубку.

Саша, ты? Позови дежурного врача. Кто сегодня?

Дорофеева. Здравствуй, ты чего?..

Ниночка Иосифовна!подавилась я слезами. У меня температура высокая!

Сейчас Галка подъедет. Не плачь...

Завидую тем женщинам, которые умеют напугать так, что все близкие сокрушаются из-за любого твоего недомогания, даже самого незначительного. Я же проморгалась, выпрямилась и вперед!

Никогда ни от кого не ждала помощи ни в чем. Всегда досадовала на любопытство людей. Они не понимали, изумлялись, как это я живу без мужика и без "мерседеса". Никогда не придавала значения отсутствию чьей-нибудь заботы обо мне...

Муж мой за врем нашей совместной жизни ни разу не ездил на подработки считал, что это принижает духовное начало актера. Но потом для другой женщины и дл другой семьи стал-таки ездить, и очень ретиво.

Помню, поехала я в Прибалтику с творческими вечерами от общества

"Знание". Нарва. Шесть утра. Выхожу на перрон никто мной не интересуется. Значит, не встречают. Выплывает макушка оранжевого солнышка наладилось выглянуть из-за горизонта: как мы тут и можно ли к нам?.. Прохладно, пар идет изо рта, но стелющийся туман предвещает теплый и ясный день. Ничего, пойду и найду местное общество "Знание"... Господи! Свят, свят! со свистом и скрежетом тормозит легковушка с широкой полосой на капоте. Из машины выходит здоровенный бугай и смеется. Красивый такой, синяя рубашка, синие джинсы и плетеный ремень на тонкой талии.

Лет ему не больше тридцати. Приветливый, но улыбается как-то не по-нашему половину приветливости оставляет у себя.

Испугались?спросил, целуя мне руку.

Да нет. Нашла бы как-нибудь ваше общество "Знание".

Но оно в Таллинне... Впереди хотите сесть или сзади?Он подцепил мои вещи и в багажник.

Тембр голоса не дается мужику просто так. Тембр характеризует мужское начало. А если еще и говорит с легким акцентом просто праздник души.

Я так думаю: очень мужественны американские пастухи ковбои и северные богатыри скандинавы, прибалты, этакие супермены.

Недаром же, когда в фильме нужен образ мужчины "мужчинистого", то приглашают актера оттуда, из Прибалтики.

Поехали, красавица?заигрывая, обратился он ко мне.

Поехали...

Бывают мужчины настолько обаятельные, обходительные, что женщина воспринимает знаки внимания с их стороны как оказанные исключительно ей одной. Я уже знала таких и любезность встречающего отнесла на счет хорошего воспитания. Смотрю на окне сзади лежат соломенная шляпа, теннисная ракетка и красные яблоки.

С места в карьер скорость сразу сто. Тут дороги, как в Германии, гладкие, просторные, с яблонями по сторонам. Яблони обсыпаны яблоками. Они вроде бы ничьи, но думаю, и здесь, как в

Германии, закон: "Яблоки могут рвать без разрешения только солдаты и беременные женщины".

Когда в лифте застревают два незнакомых человека, между ними возникает контакт, одинаковые мысли: "Где застряли?" "Почему погас свет?" "Не вижу вас, не интересуюсь"... Появляется принудительное общение оба объединены одним и тем же происшествием. Стук, возгласы о помощи, страх и в конце концов доброжелательный финал. Если потерпевшие мужчина и женщина примерно одного возраста, на них печать нового знакомства.

Случилась "лифтовая", "аварийная" близость...

В машине тоже принудительное уединение.

Не холодно, красавица? И прибавил скорость. Стрелка спидометра задрожала между ста тридцатью и ста сорока.

Ой, не надо, не надо! взмолилась я.

Упрямая широкая спина не отреагировала. Я положила голову на спинку его сиденья. Сердце рвалось из ушей, душила обида. Слышу тормозит. Я вышла наружу и направилась в обратную сторону, чтоб не показать слез. Он подошел сзади, положил руки мне на плечи. Я молча вернулась к машине. Усевшись на сиденье, в сердцах хлопнула дверцей и едва не отрубила мизинец. Заойкала, заплакала, замахала окровавленной рукой и дала волю слезам.

Сквозь слезы вижу бинт, йод и его необычайной красоты кисти рук.

Забинтовал мой мизинец.

Перелома нет.

Ой! Жжет!

Ничего. Скоро пройдет.

Дал выпить валерианки, чмокнул в щеку и сел за руль. Постояли немного, и машина поплыла на скорости семьдесят восемьдесят километров. Долго ехали молча. Потом он откупорил минералку и протянул мне.

С удовольствием выпила полбутылки. Остальное вернула. Видать, валерианка подействовала я подобрела: я обычно быстро перехожу от слез к веселью, и наоборот.

Успокоились?

Я взглянула на его улыбающееся лицо, а "досматривала", глядя вперед, на дорогу.

Что у вас за полоска на капоте?

Участник ралли... Это спортивные соревнования на автомобилях.

Представляю себе...

Смотрю, останавливается.

Выходи, красавица, обедать будем.

В дремучем лесу стоит маленькая закусовая всего четыре столика.

Брынза, миноги, зелень и вино; потом взбитые сливки и кофе.

Всего понемногу и очень вкусно. Почему он перешел на "ты"?

Садись со мной... ласково говорит он.

Я, как под гипнозом, повинуюсь и сажусь. Теперь уже вижу подробнее синюю парусиновую рубашку только что из-под утюга.

Вижу кулак, регулирующий скорость, и слышу запах не то хорошего мыла, не то еще чего-то... Хоть и рядом едем, но я уже завоевала право быть спокойной и независимой. Подумаешь красавец! Что ж теперь, не жить на свете, что ли?.. Ничего прорвемся.

Опять тормозит возле какого-то теремка. Там я увидела бусы, кофейные чашечки, косынки с эстонской эмблемой. Он купил косынку, и мы пошли к машине.

Надень, попросил, включая газ.

Я накинула косынку на голову, концы подвязала под подбородком.

Так идет мне. Взглянул оценивающе, провел пальцем по щеке, убирая прядь волос, и нажал на скорость.

Это по протоколу?

Не обратил внимания, а на спидометр показал взглядом.

Семьдесят видишь?

Вижу...

Вот и пионерский лагерь. Сегодня праздничный костер. Маршрут моих выступлений начинался с хуторов, районов и заканчивался

Таллинном. Визг детей, букеты полевых цветов, приветствия на русском и эстонском языках. Меня облепили дети, цитируют фразы из фильмов. А моего "водителя" схватили в объятия хорошие пионерожатые. Хлопали его по плечам, тараторили. Он возвышался над этой группкой довольный, но со всеми одинаково любезный, значит, ничей.

В лесу раковина для выступлений артистов, лекторов и кого надо.

Все подтянулись к сцене. Смотрю в белых халатах нянечки, поварихи, официантки. В это мгновение мы с ним увидели друг друга. Мне показалось невидимая нить между нами натянута... А может быть, я ошиблась.

Мне от мамы достался талант рассказчицы кого хочешь увлеку выступлением, любую аудиторию. Распалась, вдохновилась.

Аплодисментов, смеха от всей души и понимани долго ждать не пришлось. "Синяя рубашка" расположилась "на галерке": сел на землю, сложил ноги по-турецки и слушал меня с любопытством, изумлением и настороженностью, смотрел, как смотрят на циркачку, идущую по проволоке. Потом посыпались вопросы. И тут я не ударила лицом в грязь. Девушки-пионервожатые кинулись обнимать меня, когда я спрыгнула со сцены на траву. Загальдели довольные.

Зацепила-таки... И сама никак не отдышусь, и они заряжены моим нервом... Дальше по плану был костер, но еще не село солнце, и мы направились ужинать.

"Синяя рубашка" села на другом конце стола, но я ее видела боковым зрением. Взяла гитару и вдохновенно спела "Сронила колечко". Попросили еще, но я чувство меры имела всегда передала гитару другим.

Ионас! Ионас! заплодировали девушки.

Он руками изобразил крест, это значит отбой, петь не будет.

Просьбы усилились. Но он поднялся и ушел. Как только его могуча фигура скрылась из виду, заговорили по-русски:

Нонна, что это такое?! Оставайтесь ночевать. Всегда лекторы ночуют у нас...

Мне все равно, девочки, решайте.

Тебе на шефский, это в совхозе, недалеко от его родителей... Но ехать три часа. Утром бы и поехали...

Ну, что ж, раз Ионас решил, поедет сегодня, без сожаления ответила я.

Мы сели в машину и поехали.

Значит, вас Ионасом зовут?

Он улыбнулся в ответ.

У меня есть друг, оператор Ионас Грицус, он снимал на "Ленфильме" "Чужую родню" с моим участием. Литовец.

Мой папа тоже литовец, а мама эстонка. Я видел этот фильм в Доме кино в Ленинграде.

Он потом снял "Гамлета" и получил Ленинскую премию, добавила я.

Да, я знаю. Я с ним знаком. И с тобой тоже...

Как?

Ты же была на премьере тогда... Мне та девушка понравилась, которую ты играла. А когда вы все потом вышли на сцену, я влюбился в тебя... Все актрисы помнят о своих глазках и бедрах, сначала преподносят эти достоинства, а потом уж играют. А ты не заботилась о своей внешности и не подозревала, как была хороша!

В лесочке останавливает машину, жестом приглашает выйти.

Погуляй немного, яблок нарви.

А можно?

Конечно, можно. Я кое-что приготовлю для дальней дороги.

Я пошла к яблоням. Давненько это было, наверное, три или четыре года прошло, как были мы с фильмом в Ленинграде. А он помнит...

Быстро опрокинулись сумерки. Темнота закрыла лес и дорогу. Яблок нарвала, а идти к машине не решилась. Не зовет значит, подожду.

Блаженство... Хорошо пахнет, и попутчик прекрасен. Слышу сигнал, поднимаюсь с пенечка и не спеша иду.

Господи! Я обмерла. Спинка сиденья опущена назад, получилась кровать... Клетчатый комплект постельного белья, красный плед с длинным ворсом.

Прошу!

Я еще не хочу спать. Я еще бы посидела.

Мало ли что "ты бы...". Располагайся! Сейчас поедем, дорогая...

Ой, Боже!.. Какой грозный! Ноги у меня все в пыли.

Сударыня, я полью тебе из термоса.

Большой-пребольшой термос поставил на траву, дал кусок мыла.

Пойдем к пенечку.

Льет из термоса на мои ноги. Вода теплая. Стараюсь, мою, угождаю... Ионас бросил на пенек сиреневое махровое полотенце, я тщательно вытерла ноги и полотенце положила на пенек.

Улеглась и ощутила, что под простыней нежный пухлый матрац.

Какое горькое наслаждение испытала я, когда красавец наклонился, чтобы подоткнуть плед мне под ноги. Так же деловито отошел, помыл яблоки и поставил их возле меня в соломенной шляпе.

Поехали, красавица?

"Самое мертвое слово красавица", подумала я.

Поехали. Я еще не хочу спать.

Не спи. Поговорим.

Я не знала, как лучше лечь: на спине не люблю, отвернуться от него вроде бы невежливо... Легла на левый бок и, чуть усилив голос, спросила:

Ты работаешь в обществе "Знание"?

Нет. Я окончил Институт культуры в Москве и преподаю живопись в художественном училище.

Значит, ты художник.

Я тебя познакомлю с настоящим художником. Он выставляется. Мой близкий друг.

Художник? Только чтоб не зарисовал...

Впервые он захохотал в голос.

Если не захочешь, никто тебя рисовать не будет, давась от смеха, ответил он. Чудачка! Ему позировать это большая честь.

Ой, ой, ой! Не надо! Я это прошла... Со мной уже было такое.

Женька Расторгуев сейчас известный художник. Привязался, проходу не давал дл защиты диплома просил меня позировать. И жена его

Тамара просила. Я согласилась. Вид у него был оригинальный: рваный деревенский полушубок, подвязанный веревкой, и валенки в заплатках. Живописно, в общем. Из деревни приехал, окончил

Суриковское. И все в полушубке и валенках. Тамара тоже художник, мультипликатор. Она-то и уговорила. Какая это мука для непоседливого человека! Многие из его баек об их профессии узнала. И про лессировку и грунт, и биографии всяких художников.

А кстати, и про вашего одного упоминал.

Про кого?

Когда он о жанрах стал говорить. Графика, например. Красаускас знаешь?

Еще бы!

Говорил: прибалты это сказка. Обнаженные мускулистые торсы крупных мужчин. Топоры в руках. Ветры, навек построенные хутора... Могучие и прочные люди, и устои их непоколебимые.

Молодец твой Женька Расторгуев!

Несколько месяцев преследовал. Я все же не выдержала. Хватит, думаю. Убежала. У меня этот портрет дома висит.

Хорошо получился?

По-моему, темновато... А Женька потом объездил много стран и в

Италии получил приз за картину. Может, потому, что на медной табличке было выгравировано: "Лауреат Сталинской прэмии". Вместо буквы "е" выгравировали "э". Кто ни посмотрит, спрашивает: а почему "прэмии"?

Лаурэат Сталинскай прэміі, без інтонацыі сказаў Іонас.

Там яшчэ памылка ёсць. Рукі не мае, а Тамаркіны, і ногі, і пальцы... Воўплыве жэны худохнікоў іногдa суецяцца возле мяня.

Жэна Піменова нэдаўно падстэрегла...

Зачэма?

Чтoб я сагласілася пазіраваць ёе мужу.

Отказалася?

Конечна. Я ж гаворю: Жэнька навсёгдa отбіл охоту. Сколькo можна тэрапэць! Ему-тo хорoшо сідзі сабе! Рісуў!

Іонас склoніл гoлoву к рулю, пoсігналіл в пустоту і рассьмелся от душы. Я замoлкла: можа, хватіт тарахтэць?

Долгoнькo ехалі мoлча. Уж і нэ смoтру на спідoмэтр машына, кажацца, лётіт, нэ касаяцца зямлі. Іонас врэмя от врэмя пoдаецца вперэд, рукі гдэ-тo внізу, будтo руль бэз управлэня.

Любавацца можна і прыродой, і чoлoвекoм. Я радавалася, чтo яшчэ цэлых п'ят' днэй быць с Іoанасoм "взапэрти".

Накoнэц пріехалі. Залаялі сабакі, пoдбэжалі к машыне. Іонас вышл, овчаркі ластілісь к нэму. Із каліткі пoказалісь дэвoчка, мужчына, пoхожый на Іонаса, очевідно, брат, і мoлoдая жэньчына навярнoе, жэна брата. Пoздoравалісь, пoзнакoмілісь. Пoдoшлі к oгpoмным вoрoтам кажацца, дo нэба. Брат'я отвэлі мoгучыя двэры пo стoрoнам, і oткрыўся хутор, oсвещэнныў лунoй. Он был пoхож на дэкарацыю із сказкі.

Мужчыны пэребросілісь парoй фраз мэжду сабoй на эстoнскoм языкe.

Легкo вкатылі рукамі машыну. "Ветер... Ветер, тoпoры, сільныя спіны мужчын, рубівшых дoбрoтныя хуторa..." Так гoворіл Жэнька

Растoргуев.

Ну, чтo, ветэрок нэ сшыбаэт с ног?

Нэт. Хорoшо. Ветер тэпльў і дoбрый. Красаускас, oднeм слoвoм...

Красаускас і Жэнька Растoргуев, пoложів ладoнь мнe на плечo, м'ягкo сказал Іонас.

Пoзнакoмілісь с пoжылoй хoзяйкoй дoма. Она старалася гoвoр'іть тoлькo пo-рускі. Тут я впервыя услышала слoвo "сауна". Нэ тoлькo услышала, нo і сразу oчуцілася в нeй. Я раньшe знала, чтo этo баня. Нo баня нeобычнaя.

Мoлoдая жэньчына пo імeні Ада і дэвoчка пріветл'іво oб'яснілі, как дeйствoваць, і я сeла спэрва на н'іжнюю пoлку. Обдалo жаркoм с запахoм укpoпа і сoсны. Само сабoй как-тo замoлклі. Пэрвoе oщущэнне oб'ят'іе дoбрoй тэплoты. Шeвeліцца нэ хoчeцца. Хорoшо!

Папа, вы здэсь? спрэсіла дэвoчка.

Здесь, послышалось рядом, так близко, что, казалось, дыхание доходило.

Оказывается, мы парились все вместе, перегороженные чугуновой решеткой в мелкую клеточку.

...Что за чудо сауна! Правду говорят будто заново на свет родился. Я стала легкой, как пушок, и радостной, как в детстве возле мамы. Ада, пошелестев целлофаном, принесла из предбанника махровые халаты и, когда мы вытерлись хорошенько, приказала запахнуть халат и накрутить на голову полотенце; поставила возле моих ног полусапожки на плоской подошве. Вошли в дом. Гостиная с камином. Дрова горят. Вокруг кресла поставлены.

Садись, пригласила Ада.

Огонь, поленья трещат... Утонула в пахучем халате и соглашаюсь со всем, что происходит. Братья подкатывают к огню стол, похожий на журнальный. Но большой. Как они оба красивы! Уставили стол разными яствами, и, как завершающий аккорд, мать внесла две бутылки вина; протерла их и поставила в центре стола. Ионас усадил ее в кресло и что-то буркнул по-эстонски. Выпили вина. А хлеб какой! Темный, круглый, кисло-сладкий... Голова моя стала клониться вбок захотелось спать.

Теперь по протоколу, как ты говоришь, надо спать, улыбнулся Ионас.

Старший брат подводит меня к высокому шалашу. Шалаш не простой, из тюля.

Не верится, пролепетала я.

Это все ребята придумывают руки у них золотые, пояснила Ада. И я с вами, попросилась девочка.

Конечно, конечно! сказал Ионас и принес раскладушку.

Вошли в шалаш, уселись на кровати и на тебе! Шалаш поехал тихим ходом и остановился в центре пруда.

Ничего себе! Да еще по рельсам идет!..

Не бойтесь, успокоила девочка. Никакой комар не укусит...

Вскоре я, накрывшись пуховым одеялом, утонула в мягкой постели.

Платок надень, подала мне Ада теплую шаль.

"Неужели это я?" подумалось. Сон улетучился, вспомнила свою житуху в Москве, и стало так жаль себя. Эх, казанская сирота!

Что ж я так мотыляюсь, никому не нужная? Хоть и знала, что нет виновных, но душу жгла обида на мужа. Всех нянчить, за всех душой болеть, а стакан чаю еще никто не поднес. Никто и никогда...

Утром проснулась счастливая. Вкусно позавтракали. Хозяева ко мне со всей душой я это чувствую сразу.

Когда поедем?

Скоро. Тут недалеко. Будешь "шефака давить"! засмеялся Ионас. Вижу, и девочка, и мать собираются ехать с нами. Выяснилось, что он нас завезет на кладбище, а сам поедет в совхоз, чтоб проверить, все ли готово к моей встрече.

Подышишь воздухом. Тут хорошо. Я приеду часа через полтора. Вскоре мы оказались у кладбища. Плиты лежат на земле. Небольшие, почти одинаковые по размеру. Тут все равны. Разве что семейственность соблюдается.

Ну вот и карашо, вот мы к вам и пришли... Вот мой папа лежит, вот брат, здесь сестра... А вот мое место... Ну и карашо, все карашо. Давайте молочка прохладного попьем, сказала мать.

Она опустилась на землю. Разлила молоко и приготовила хлеб. Все карашо. Садитесь на траву, земл теплая.

Попили молока, посидели, потом она встала и начала убирать могилы. Протерла надгробия влажной тряпкой. Высветлились все фамилии.

Вот и карашо... все карашо... Вот тут мое место... Вытерла потное лицо и предложила: Ноня, наливай молока и себе, и нам.

Попьем еще.

Послышалс шум машины. Полчаса всего прошло... Ионас идет к нам.

Я вернулс с полпути. Собирайтесь, поедем вместе.

Душа моя почувствовала: приревновал меня к природе, к чему-то происходящему без него. Это предчувствие любви и есть счастье...

Уселись в машину. Тронулись.

Ионас! чуть не крикнула я. Кони!

Да. Здесь совхоз коневодческий. Уже подъезжаем. Наши две лошади пасутся тоже здесь. Летом.

А седла? Седла есть?

Все есть, улыбнулся Ионас. Хочешь покататься?

Еще как!

Не упадешь?

Прошу не оскорблять! Во-первых, на лошадях не катаются, а ездят, во-вторых, у меня диплом об окончании школы верховой езды при ЦСКА.

Давным-давно прошли кинопробы к фильму "Комиссар". Я получила тогда диплом по верховой езде.

Вот не знал. Сейчас разберемся.

Сердце забилось. У меня манера немедленно добиваться желаемого.

Вижу: Ионаса облепили люди. Ни слова по-русски, но ясно, что планируется что-то. Потом Ионас подходит к какой-то женщине, та удаляется, и через некоторое время всякие ремешки и железки

кучей падают к ногам Ионаса. Это все нужно, чтобы запрячь верховую лошадь. Ионас посмотрел на меня, и я подошла. Подвели коня. "Смирный", сообщил Ионас. Я взяла седло и накинула на круп коня. Мы вместе с дяденькой затянули все подпруги, через седельник. Я защелкнула уздечку и направилась в сарай. Там меня поджидала молода женщина с синими брюками. Сапоги великоваты. Это надо обязательно учесть скорректировать ступни ног в стремях. Поводок, правда, один. А я училась с двумя: второй для мизинцев. Это не беда. Справлюсь. Хорошо, что команды для оседланных лошадей повсюду одинаковые. Подошла к своему незнакомцу со стороны морды, ласково приговаривая, дала хлеба, сахару. Он нежно снял еду губами с моей ладони.

Подстрахуй, Ионас! Подведем его вон к тому заборчику. Круп высокий.

Послушный конь! Дала ему команду на школьный шаг, и мы прошли круг на глазах у всех. Тут я приказала в галоп, и он взял. Галоп самая хорошая позиция и для лошади, и для седока. Мы будто сливаемся и легко летим. Тут я, распалившись, решила покинуть подворье и умчаться за ограду. Простор, ветерок... Галоп это что надо! Вообще лошади, как люди: загораются, жаждут пошалить, прибавить скорость. Молодец я не осрамилась...

Подскочили к озерцу, ослабила повод и тихо посвистела, приглашая коня попить. Мне бы за этот свист тренер дал жару команды разрешены только руками, ногами. Конь замотал головой, не захотел пить. Вижу: за ушами пена выступила. Поехали обратно рысцой. Тут я вспомнила: разве можно предлагать лошадям пить в разгоряченном виде? Сначала лошадь должна успокоиться, отдышаться. Я виновато потрепала коня за холку, как бы извиняясь.

Прибыли к ожидающим нас обычным беговым шагом. Ионас взял коня под уздцы и повел к заборчику. А хозяйка синих брюк повела меня в душ. Стою под струей и хвалю себя: "Молодец! Ай да я!"

Справились, не забыла..." Причесалась, заколола сзади "конский хвост", подчипурилась немного и с горячими щеками вышла из сарая.

Необъятный круглый стол накрыт. Он ниже обычного, к нему подставлены небольшие кресла. Запах цветов, еды... В центре сидит кудрявый симпатичный мужчина. Видно, местный начальник.

Меня сажают рядом с ним.

Первое отделение вы с честью выполнили, говорит он. Переходим ко второму.

С вами легко, отзывается я.

Беседа прошла как никогда. Все у меня вышло пылко, художественно. Рассмешила всех и развлекла. Остались довольны.

Вот мы в Латвии снимали фильм "Председатель", воспользовались пустующим павильоном, сказала я. И вообще по всей Прибалтике наши кинематографисты бывают. Любуются вашей жизнью, культурой. В любое время у вас можно найти место, где перекусить. Везде чисто, вкусно, уютно.

Когда из Москвы пришел указ об уничтожении личного хозяйства, наши республики наполовину не послушались. Понятно? спросил мой сосед.

Понятно.

Бурные аплодисменты, смех...

Включили радиолу. Пустились плясать национальный танец, ритмичный, незамысловатый. Ионас ушел куда-то, стало как бы пусто, а вернулся, я не глядя почувствовала его присутствие.

Распрощались дружески, договорились встретиться в Таллинне, в погребке. Сердце сжалось не хотелось думать о конце путешествия...

Смешливый парень открыл заднюю дверцу машины. Я села. Он спереди.

Парень одет просто, но со вкусом. Усики у него, узкие черные брови. Похож на культуриста. Статный, хотя и роста невеликого.

Наверное, занимается спортом.

Наконец Ионас садится за руль, и мы едем по гладкой дороге.

Перед нами уходящее темечко солнца. Оно, будто спокойно за жизнь обитателей, прощается до завтра...

Отто, только не зарисовывай! погрозил над головой указательным пальцем Ионас.

Ни в коем случае! засмеялся наш спутник.

Это, наверное, тот художник, о котором почтительно рассказывал

Ионас. Он был очень кстати: наши "добрососедские" отношения были уже на пределе. Наедине стали помалкивать говорить не хотелось.

Значит, вас зовут Отто?

Та...

Не жил ли ты на Дону или на Кубани?

Не только жил, но и родился там. Папа мой, проклятый оккупант, полюбил казачку. Немец, а поди ж ты... Сейчас, как приедем, покажу фотографию как две капли воды на тебя похожа... Упрямая попалась казачка. Сильно любили друг друга, а мама не посмотрела ни на что: родился мальчик Отто. Отто Карлович. Сам Карл погиб в

Берлине. Мама ни на кого и не взглянула. Одна живет. Сохранилось единственное письмо от отца, написанное под диктовку на русском языке. У матери оно.

Хороший сын получился...

Ионас остановил машину и по-эстонски обратился к Отто. Перевода не требовалось. Отто сел за руль, и Ионас на заднее сиденье ко мне. Как отъехали, подложил мне руку под голову и наклонил к себе на плечо.

Они стали громко говорить по-эстонски, спросив у мен разрешения.

А мне бы только не шелохнуться, чтоб, не дай Бог, показать, как нравится лежать на плече Ионаса. Так и доехали до какого-то продолговатого одноэтажного дома с темными окнами. Я подняла голову: где мы? Ионас ответил спокойно:

Я согласился переночевать у него за то, что посмотрим его домашнюю картинную галерею.

Видала? хохотнул Отто. Накорми его, спать уложи да еще картины покажи!

Свет засветился во всех окнах одновременно. Меня усадили в кресло, укрыли пледом и включили телевизор.

Мужчины удалились на кухню. Звякала посуда, накрывали на стол.

Что-то зашкворчало, поплыл запах еды. "Только что ели... Пусть им виднее..."

Прежде чем сесть за стол, прошли по галерее. Что-то я смотрела вежливо, что-то с интересом.

Остановилась перед небольшой картиной.

Ведь это Ионас!

Такой здоровенный, а картинка такая маленькая! захохотал Отто.

Сели за стол. Ой, и вкуснота! Я пила грузинское вино. Разговор зашел о "наивном искусстве".

Я все вспоминаю одну бабушку, говорю, выставляется она по всем странам. Вот картина: в ночи лицо женщины между кустами, освещенное одним источником света сбоку. Но какое лицо и как выписано! Сын у бабушки моряк. Так она сделала тарелку, а по ней плывет на плотике морячок, управляя веслом...

Ну и что?

А вот что тарелочку она сделала овальной, наподобие лодки... А один умелец все коней вырезает. В воскресенье надевает лаковые туфли, пиджак и несет их на базар. "Сколько стоит?" спрашивают.

"Нисколько, отвечает. Это я к тому, чтоб люди не забывали, какие они, кони..." Я видала этих коней и создателя их в докумен-

тальном фильме Вячеслава Орехова. Да что говорить! Мне кажется, обучение в творческих вузах надо начинать с так называемого "наивного искусства". Орехов где только не лазит: и по бурьянам, и по крышам, и по деревням... Ищет, снимает.

Драгоценно все, что он фиксирует на пленке. Не называйте это искусство наивным.

Отто стал совсем другим сосредоточенным, вдумчивым.

Вы правы, Нонна. Я собираю такие картины и не замечаю, где наивные, а где мастеровые.

Я и не заметила, как он, держа в руке всякие карандаши, шуршал ими по толстой белой бумаге.

Запели с Отто в два голоса казацкую песню. Ионас слушал очень внимательно, не шевелясь, глядя на нас исподлобья. Я стала рассказывать что-то, чудить. Аж жарко стало такая расталантивая я была в этот вечер, а вернее в ночь.

Утро. Ионас подчеркнуто берет мен под руку и ведет к двери ванной.

Прими душик, Викторовна, а мы пока соберемся.

Боже мой! Зеленая керамическая ванна, сиреневый кафель, по стенам распростерлось какое-то синтетическое растение. А душ брызнул из букета искусственных ромашек. Немного подкрасилась, надела что посимпатичнее и спустилась вниз.

Горячий кофе с крекером. Позавтракав, уселись в машину. Когда тронулись, Ионас поставил на мои колени картину, понравившуюся мне.

...Вот и Дом культуры. Входим в кабинет директора, а Отто поехал домой, взять жену на мою встречу. Смотрю, суетится девушка, похожая на мальчика. Поздоровавшись, она повесила мое платье, туфли поставила, постелила цветную салфетку на стол и водрузила овальное зеркало.

Узенькая, как рыбка из аквариума, небольшого роста, с "зековской" прической.

Ноготками кто-то поскреб по двери. Она высунулась. Это Ионас позвал ее. Они больше не вернулись. "Какой понятливый! Знает, что птичка может быстро надоесть..." подумала я.

Услышала его голос, объявляющий мое выступление. Пошел фрагмент из фильма "Молодая гвардия". Стою за кулисами в темноте и вижу, как Ионас открыл дверь кабинета и ищет меня возле экрана. "А, вот ты где... Всего хорошего!" выдохнул он и чмокнул меня в ухо.

Чего там говорить душа полетела к Богу в рай.

Я сразу взяла зал в руки. После третьего фрагмента возликовала.

Аплодисменты зала не давали договорить фразу.

Встреча прошла на ура. Букеты не объять, не донести. Ионас забирает их у меня, я иду раскланиваться, вижу бегущих за кулисы, чтоб взять у меня автограф. Призадержалась, дала автографы и с облегчением направилась к директорскому кабинету.

Запахло едой, зеленью, розами. Директор русский, с боевыми колодочками на пиджаке. Появилась немолодая женщина.

Супруга моя. Садись, Катюша, вот сюда.

Ионас вскочил и вскоре привел Отто с женой.

Знакомьтесь, это Вера, сказал Отто. Моя мама нашла ее на грядочке...

Правда, правда, подтвердила его молоденькая жена. Тетя Наташа заметила меня, когда я в десятый класс пошла. И в поле на работе она гостинцы мне разные давала...

Это мама моя, загремел Отто. Слушаем, рассказывай дальше!

Она продолжала:

"Вот приедет мой сын в отпуск, сразу возьмем тебя замуж!" Ну, и пошло. Отто и раньше приезжал, но я с ним не знакомилась. А тут он приехал на попутке ночью. Тетя Наташа взяла его за руку и к нам. Разбудила всех, велела, чтоб на стол готовили. Сели мы с

Отто рядом, познакомились, понравились друг другу и наутро в сельсовет, регистрироваться... Вот третий год пошел...

Да, казачки такие!

Вдруг вбегают небезызвестная девушка-мальчик и садится к Ионасу на колени.

Пленка в машине, банку для цветов водой наполнила, все о'кей! отчиталась она.

Ионас был невозмутим, как будто к нему на колени уселся кот.

Другие не обратили внимания, а чуть сознание не потеряла. У них тут своя жизнь. Они помоложе меня, и национальность другая. Она хорошенькая...

Как могла, взяла себя в руки, но чаю выпить не смогла перехватило горло. Вспомнила давнее-давнее мамино рассуждение: крупные мужики всегда тянутся к маленьким женщинам; вспомнила

Сакуна главного редактора нашей газеты "Горячий ключ" и его жену. Высокий он был, красивый, а жена маленькая блондинка. Мама любила все красивое, восхитилась им и выразила свое восхищение статейкой о колхозных достижениях. Послала меня к ним домой, чтоб я отдала заметку Сакуну лично в руки. Я разинула рот.

"Откуда он взялся, такой большой и красивый?" удивилась, хоть мне было всего девять лет.

На что я претендую? У мен семья, а эта маленькая женщина подходит ему как раз по закону природы... Ионас встал и вышел. А на пороге появляется мальчик с букетом цветов, за ним его

мама.

Я обрадовалась: Маргарита! У нас с нею была "закулисна дружба".

Мы часто ездили вместе выступать.

Вот тебе тво Мордюкова! воскликнула она.

Все засмеялись.

Представляете, такой националист, это Маргарита о своем сыне, смотрит только американские фильмы и эстонские, но если Мордюкова бросает все!

Я взяла букет, поцеловала мальчика.

Здравствуй, Скайдрида, поприветствовала моя подружка "помощницу" Иоанаса, как живешь?.. Слушай, поедem ко мне, обратилась она ко мне. Поболтаем, коньячку выпьем.

Ты как с неба свалилась. Благодарю Бога! обрадовалась я.

Входит Ионас с разными бумагами.

О, мадам! Сколько лет, сколько зим!

Ионас, дорогой, завези нас с Нонной на ночевку к моей маме!

Он поднял бровь: дескать, вмешиваетесь в программу, но сдержался. Расстегнул пуговицу пиджака и не дрогнув застыл: внезапно Скайдрида прыгнула на его спину, обняла за шею. Он сказал сухо: "Осторожнее пиджак помнешь". И вышел, неся на спине свое сокровище.

У нее латышское имя? спросила я у Маргариты. А, впрочем, какая разница?

Тут, Нонночка, как и у вас, неразбериха: и женятся, и работают, и дружат скопом латыши, русские, эстонцы.

Вернулась Скайдрида. Покосившись на выпивку, предложила:

Давайте выпьем. За тебя, Нонна, ты женщина у-ух! Ты такая...

Одним словом, русская женщина.

"Кон на скаку остановит, в горящую избу войдет"? Некрасова знаешь? спрашиваю.

Не знаю, но сказано точно. Давайте выпьем за русскую женщину!

Но меня уже понесло.

Знаешь русских?.. И то, что русские оккупанты, тоже хорошо знаешь?

А это прежде всего! полоснула она наотмашь.

Боковым зрением я увидела входящего Ионаса.

Запомни: пацаны наши не хотели умирать на чужбине. К маме им хотелось, домой хотелось, на родину рвались... Но пул сразила русского парня здесь, не объяснив, почему здесь и за что! Ты не хотела бы умереть в России, а он не хотел в Эстонии...

Я латышка, растерянно пролепетала она.

Не важно! Принесла ли ты хоть раз цветок на могилу русского парня? Забудете, затопчете, предадите забвению могилы тех, кто вас от фашистов спас, Бог вас накажет...

Я опустила лицо, чтоб не видели слез...

Попрощались с Отто и его женой Верой. Договорились встретиться в

Таллинне. Мальчик сел рядом с Ионасом, а мы с Маргаритой сзади.

Вот и остановка небольшой дом с крыльцом. Мы с подружкой и ее сыном вышли. Ионас нажал на газ.

Мама Маргариты приняла меня очень хорошо.

Она гостям рада и любит русское кино. Проходи, будь как дома.

Мне отвели отдельную комнату, я наконец легла, и тут же нахлынули мысли об Ионасе. Ни к чему это... Распустилась.

Увлеклась... Поставила себе на грудь командировочный приемничек

"Селга", тихо плачу, прощаюсь. Больно. Очень больно...

"Ноктюрн", объявляет голос. Красиво играет квартет. Сердце забило, да так сильно, что я села. Пошарила глазами по неосвященной комнате, по колышущимся веткам за окном и пошла к окну... Ты здесь!.. Под окном "наша" машина. Вгляделась, увидела: дверцы распахнуты, кое-где белеют кусочки простыни, свесился плед... Спишь, рыцарь мой? А я лью теплые слезы... Как я люблю тебя!.. И тебя, твою силу и красоту, и Прибалтику...

Тихо, сладко, хорошо пусть хоть на миг.

Легла в постель, но уснула лишь под утро. Как только услышала стук в дверь, сразу догадалась, что это он, Ионас.

Викторовна! Кофе на столе...

Сейчас, сейчас! Я схватила косметичку, одежду и, пряча лицо, рванула в ванную... Облилась хорошенько, навела легкий марафет и вышла. Маргарита подмигнула мне и фальшиво удивилась:

Представляешь? Ночевал под окнами!

Знаю! ответила и слегка прикоснулась губами к его щеке, как будто впереди были не сутки, а вечность.

Мы с Ионасом словно переболели каким-то недугом, тяжело молчали, не разговаривали. Поблагодарили за угощение, попрощались, Ионас пошел к машине. Ах, дорога, ах, лето, ах, несчастье! Мы как бы уговорились, не уговариваясь. Все ясно.

Большую часть пути ехали молча, иногда говорили о незначительном. Маргарита рассказала мне о трагедии в личной жизни Ионаса. Полюбил молоденькую еврейку, родился сын. Жили счастливо. Захотелось ей в Америку он ни в какую! Хуторские не уезжают. Страдал. Потом пришел в себя...

Вот и Таллинн...

Председатель общества "Знание" и Скайдрида в синих джинсах и желтой водолазке поджидают нас у гостиницы "Таллинн". Свободных мест в ней никогда нет и не будет. Тут же отправились во Дворец культуры.

Все пошло по накату: в актерской комнате чай, кофе, сладости, цветы. Я стала листать увесистый альбом с фотографиями гостей города, знаменитых артистов, и автографами на память. Кого там только не было!.. Сколько знакомых, родных лиц из разных республик...

Вышла на сцену. Зал битком. Актеры любят выступать на этой сцене всегда аншлаги. Я вдохновилась... Овация. Повалили желающие получить автограф. Ионас сдерживал напор. Похвалы, цветы, рассуждения о кино... Как обычно.

Потом Ионас и Скайдрида повезли меня в гостиницу. Ионас внес в номер все мои вещи, вплоть до коробки с пленкой. Прежде она у него была постоянно в багажнике. Сердце забило так сильно, что я слышала его.

Я вернусь через семь минут, сказал он и поспешил догнать свою подружку.

Значит, он придет ко мне?.. На ночь... Как это?.. Останется у меня... Ополоснулась под душем так, чтоб не капнуть на лицо, - пусть буду в легком гриме. Надела крепдешинное платье в цветочек и лаковые туфли. Не успела закончить сборы, как в белой, как снег, рубашке и с влажными волосами встал в дверях

"мой" красавец.

Мы едем на корабль, сообщил он.

И машина, смотрю, блестит, как мои туфли.

Приезжаем на берег. У причала стоит небольшой корабль с ярко освещенными иллюминаторами. Гремит музыка. Ионас берет меня под руку, и мы входим в уютный зал. За столиками молодежь. Некоторые сидят на коленях друг у друга. Курят, смеются...

Ионас усадил меня за двухместный столик, а сам направился к буфету. Заставил стол и сел. Разлил по фужерам грузинское вино и, не глядя на меня, сказал:

У тебя увлажнились глаза, и ты стала еще красивее.

Я едва сдержала слезы.

Когда я жила на Кубани, сказала я, на танцы к нам приходили морячки. Меня никогда не приглашали: в ходу были пухленькие с кудряшками девочки. А вот когда мы вечерами крали яблоки в чужих садах или рассказывали что-нибудь, шутили, тут уж я занимала первое место мальчики все были мои.

Там был и я. Просто ты меня не заметила...

Мы чокнулись, выпили прекрасного вина "Хванчкара".

Вдруг сзади к Ионасу подошла Скайдрида и прикрыла ему ладонями глаза.

Вот вы, оказывается, где! торжествующе сказала она.

Ионас встал, усадил ее на свой стул и пошел за другим. Принес стул для себя, присел. Они заговорили вполголоса по-эстонски.

Потом поднялись и быстро пошли к выходу. Внезапно Ионас вернулся и приказал мне:

Не шевелись! Я отвезу ее, она живет в глухом переулке. Не шевелись! Я мигом туда и обратно.

Ей хорошо она такая маленькая, незащищенная. Таких всегда спешат полюбить, спасти, сберечь... А я как на броневике. В меня кидают букетами цветов, аплодируют, порою обожают... Пора! Пора бежать от этих красавцев, от этих прибалтов с невестами!..

Позвала официанта, расплатилась, схватила такси и была такова. В номере, не зажигая света, уткнулась лицом в подушку и разрыдалась. Я увидела Москву, дом и алюминиевый двухлитровый бидон... "Ионас, Ионас, я никогда не забуду тебя, всегда буду любить тебя, мужчина мой..." Вдруг опомнилась, поняв, что больше видеть его нельзя, выяснения и упреки не пристали незабываемой сказке. Зажгла свет. О ужас! Лицо красное, буграми. Верхняя губа раздулась, ноздри тоже... Подставила лицо под холодную струю.

Посмотрелась в зеркало никакого воздействия... Надо бежать отсюда. Не хватало еще ему застать меня в таком виде! Быстрее на улицу, смешаться с толпой!

Распахнула дверь и увидела немигающие глаза Ионаса, застывшего напротив, на краешке кресла...

БАСМАЧ

Абхазия. Сажу на балконе актерского Дома творчества "Пицунда" и волнуясь. Откуда-то нахлынул дождь. Загрозил, засверкал молнией.

Белые высокие волны угрожающе вздымались к потемневшему небу.

Хорошая примета, тихо сказала соседка по балкону.

Трахнула гроза, не веля рассуждать по поводу ее действий. Сердце колотится... А почему? По дурости. Придет ли машина, обещанная директрисой, чтоб побыстрее добраться до аэропорта? Вовремя ли будет взлет, да как дальше, что там в Москве?.. Дурной характер все не верится в благополучный исход...

Любая услуга мне в тягость. Помню, когда еще в баню ходила, бывало, от всей души старательно терла мочалкой чью-нибудь спину, а как мне начинают тереть вся "скукожусь": стыжусь траты на меня сил чужого человека. "Спасибо, спасибо!" говорю и отбираю мочалку. "Давайте, еще бочок!" "Нет, нет... пойду попарюсь..."

Когда сын был маленький, няньку нанимали, так я кидалась выполнять за нее все дела. Как это человек на тебя работает?!

"Потому у тебя и няньки не уживаются. С ними надо построже, с ними уметь надо", учила меня одна дама.

А я не умела.

К примеру, жила у нас, нянчила сына Нина. Первым делом дружить.

Как же иначе? В выходной день она "чистила перышки" и шла на свидание с таксистом. Однажды жду ее с нетерпением: скажет ли она ему так, как мы сговорились? История банальная: забеременела

Нина от своего ухажера. Мы с нею решили, что в 28 лет пора рожать. Будем растить ребенка вместе с моим сыном.

Приходит Нина заплаканная, вешает беретик и плащ.

"Подкупил" он ее весною вполне мужским и красивым поступком.

Подрулил на незнакомой улице к большому кусту сирени и стал ломать ветку за веткой.

Не надо, что ты делаешь?! испугалась Нина.

В окне первого этажа, подперев рукой лицо, улыбалась старушка.

Пускай ломает это его куст.

Правда, правда, я его сажал, и я ухаживаю.

Краткой была пора сирени. Осень пришла...

Нина протирает мокрое от слез лицо платочком. Чистенькая она была, аккуратная. Я суечусь как ненормальная, тарыхчу участливо:

"Ну а ты ему, а он тебе?"

На мои сто слов она одно. А я уж и сыну готова была сообщить радостную весть о появлении ребеночка. Долго не могла уснуть от сознания дружбы с Ниной и предстоящего объяснения со своим неразговорчивым мужем.

Утром вхожу на кухню, чтобы сказать, что ей делать, пока я буду на репетиции.

Нинок, вот двадцать пять рублей. Это все до зарплаты. Сходи разменяй, мне тоже деньги нужны.

Она молча заминает луночки на беретике, соседка косится на нас, помешивая что-то в кастрюле.

Нин, чего молчишь? Поняла, о чем прошу?

Разменяю так разменяю, а не разменяю так не разменяю.

Соседка пошла в свою комнату, вернулась с кошельком.

Я разменяю, сказала она.

Спасибо. Вот, Нина, тебе двадцать, а мне пять.

Она молча взяла деньги, и дверь за нею захлопнулась.

Чего ты с нею нянчишься? буркнула соседка.

Магазин только что открылся. Может и не разменять, виновато ответила я.

Душа человека неисповедима: "подруга" моя заявила об уходе, отработав положенные две недели. Нечего советовать, нечего быть умнее всех! Поделом мне. Мое внимание и ласка казались Нине унижением.

К слову сказать, какие типажи являлись вереницей по объявлению!

Одна приходит поднятая бровь, лет сорок пять на вид. В шапке-ушанке, морском бушлате. Садится на табуретку, шлепает ладонью по клеенке на столе.

Так. Я сектантка. Выходной понедельник. В воскресенье четвертинка, премия за хорошую работу.

Соглашаюсь: заступайте. Через неделю со слезами признаюсь, что она не подходит. Привычная к отказам, она торжественно собирает пожитки и перед дверью бросает:

Не держи деньги на виду! Уходит.

Следующая деревенская, ничего вроде. Но сын стал ночью вскакивать и кричать: "Не стреляй! Не стреляй!" Оказывается, у нее в кармане фартука был детский пистолет с пистонами. Если сын не хотел есть, она медленно наводила на него пистолет.

Будешь есть?

Буду, буду! Он склонял голову к тарелке и съедал все до конца.

Удивительно там, где строго, богато, домработницы живут вечно, лишаются личной жизни, полностью принадлежат хозяевам. Где бедно, где с ними, как с подругами, они не приживаются, хоть и оплата та же самая. Уж по найму, так по найму: ты хозяин, а я тебе угождаю за определенную плату. Свойскую да простенькую хозяйку домашние работницы не уважают.

Стали приезжать с Кубани сестры. А их аж три! Приезжали по очереди: то одна, то другая. Тут уж мы управлялись и песенки пели, и готовились к поступлению в институт.

Прошли годы. Сидим как-то в гостях у режиссера, обсуждаем будущую картину, мою роль. Вдруг входит моя постаревшая Нина с румяными пирожками на блюде и улыбается.

Нина?

Ниночка наша, поясняет жена режиссера. Уж лет пятнадцать у нас.

...Опять трахнуло в небе, мазнула молния, вновь посыпался на деревья дождь.

Это к счастливому пути, ворчит соседка.

Словно бы я виновата все мое пребывание здесь было ясное небо, теплое море, и вдруг за пятнадцать минут белый свет опрокинулся.

Наколдовала я будто. Глядь высветился белый цветок магнолии, крепко запахло морем, цветами, травой. Слышу внизу пунктиром сигналит автомобиль.

Асхан машу рукой.

Асхан водитель машины дома отдыха. Ворота сами расходятся, машина въезжает, он хлопает дверцей и пальцем показывает на циферблат часов: дескать, точно, как в аптеке на весах. Скрылся в здании, через минуту стук в дверь.

Спускаемся. Внизу отдыхающие вышли проститься со мной. Обменялись любезностями, я захлопнула дверцу машины, мы помчались.

Повезло: накрыло дождем и тут же солнце. Это подарок Бога все горит и сияет искрами бывшего дождя. Ветер крутится по салону машины. Для того и родился человек, чтоб видеть эту красоту, слушать Асханчика, как он простодушно рассказывает о своей молодой жизни.

Чувствую: что-то не договаривает.

Можно, закурю?

Ах, ах, нельзя!

Он смеется, сует сигарету в рот. Закурил, постучал ладонью по сигналу курица с дороги вон.

В тех краях уже витала угроза нарушения гармонии жизни. Человек так устроен, что не замечает плохого, не верит в него.

Опрокинутые киоски и сожженные доски объявлений привычны по этой дороге было и прошло, больше не будет. Все это воспринималось как элементы движения жизни: гроза, ссоры и тишина навек.

Видя, что я еще напряжена, Асхан успокаивает:

Зря волновались. Я ведь не опоздал? Не опоздал. Заправился? Заправился.

Дурные мы, советские люди, Асхан. Все плохого ждем. Справку какую-нибудь подаешь в окошко, чтоб печать поставили, и то сердце в пятках: ждешь швырнут обратно, что-то не так, еще раз приходи. Я, когда курортную карту оформляла, сижу, маюсь у кабинета врача. Рядом пожилой тощий человек. Губы сухие, кадык на шее то вверх, то вниз пить хочет. А ему, видно, рентген желудка назначили сутки не ел. Неоднократно выходила сестра, он звал ее, но она и внимания не обращала. Наконец подошла к нему, взяла направление. Держа вверх тормашками, оглядела и звонко посоветовала прийти завтра. "Как "завтра"?" перепугался мужчина.

"Вы что неграмотный?" "Ах ты, бикса чертова!" вскочила я. "Не хулиганьте, товарищ Мордюкова!" "А ну-ка, веди его на рентген!

Человек сутки не ел, не пил!" Я взяла его под локоть, а он ни с места. Окаменел весь. Сестра скрылась за дверью рентгеновского кабинета. Вышел врач, почесал затылок. "Вы Сенчаков?"

"Я". Мужчина встал. "Заходите".

Асхан от души расхохотался.

Ну, дали вы ей, Нонна Викторовна! Гадюка она!

Да, я терплю, терплю, а потом как включусь... И родилась такой, и не меняюсь с годами.

Не меняйтесь. Вас люди такой и любят.

Ты молодой. Тебе море по колено. Слушай. Пригласило нас американское правительство с фильмом "Комиссар"...

Асханчик вежливо слушает.

Обслуга люкс! Сам помощник Рейгана принимал. Идем, значит, мы вечером на показ фильма. Вернее, едем, правда, до машины несколько метров, а на улице дождь.

Дождь? Не везет вам. И там дождь?

Не говори! Вижу, переводчик подошел к портье, дежурному по ключам, значит. "Зонтик просит", подумала я. Поговорили они, и переводчик вернулся ко мне. "Не дали?" "Что?" "Зонтик?" "Да вот он, на столике у выхода лежит!" засмеялся он. Смотрю зеленый, в тон моему платью, даже расцветку специально подобрали. Вот это да! А мы живем только и готовимс от ворот поворот получить.

И вы тоже?

Конечно.

Вы же казачка, правильно? Казаки это будь здоров! А по национальности кто?

Русская.

Асхан смеется.

Разве на Кубани бывают русские? У вас там сбор блатных и шайка нищих. Русская! Посмотрите на себя в зеркало! Отдыхающие с севера розовые, белые, глаза голубые... А вы?

Это правда, на Кубани и осетины, и чеченцы, и айсоры. Моя близкая подруга Райка Микропуло турчанка. Кавказ весь такой. Ты чеченец?

И чеченец, и абхазец, а по матери айсор. Вон сколько таскаю!

Какой ты хорошенький!

Что я, девчонка, что ли? Я джигит! "Хорошенькая" у меня девушка.

Знаете, как ее зовут? Ма-жи-на улавливаете?

Мажина?

Догадайтесь, какой национальности? Грузинка. Чистокровная!

Он засиял.

Красть придется.

Почему?

Отец ее ни в какую! Мать ничего, а он... Подсовываю ему нарды счастья до неба! А я не люблю нарды. Нудно. Играю из подхалимажа.

И Мажина рада?

Ну, что вы! Она станет над нами, брови сдвинет и наблюдает, как учительница в школе.

Любишь, значит?

А как же? Жениться собрался. Беда, по-грузински разговаривать никак не научусь. Опять же отец ее требует, а мать помалкивает.

Ну, Мажина как заведет: грузины самая главная нация.

А ты соглашайся. Они и вправду красивые, гордые, с древней культурой.

Я соглашаюсь, но ей мало. Расплатится и твердит: грузины из всех людей люди. Дядю ее айсор зарезал в драке. Националистка страшная. А в меня втрескалась. Требуется кради меня скорей, кради!

Смеемся.

Я говорю: подожди, слушай, куда красть? Мой флигель опять курортникам сдали. Как я ненавижу курортников, клянусь мамой!

Сколько помню себя, кто под столом спит, кто на крыльце.

Это все от бедности: и вы бедны, и те курортники бедны, если могут оплатить только лежанку.

Он зевнул и похлопал себя ладонью по губам.

Я сегодня ни минуточки не спал... Не бойтесь, я молодой, выносливый. Ох, что я перенес этой ночью!

Ну, ну?

Брат уехал в рейс и поручил мне смотаться в аэропорт, встретить его драгоценную женушку с сыночком. Сыночек не его, но это не важно. А знаете, где он ее выбрал? В городе Горьком. Поехал новую машину получать. Все на заводе оформили, собрался отчаливать. Тут маленький пацан с криком "Папочка!" ухватил его за колени. "Игорек! окликнула его мама и не спеша подплывает к брату. Извините, у него был папа, похож на вас". "Давайте я понесу его". "Спасибо". Она пошла впереди, он за нею следом, держа на руках пацана. Ну, и все. Разглядел клевая женщина. И я так считаю. Высокая, стройная. Русская красавица, одним словом.

Уже четыре года живут. Родила ему мальчика. В детсад ходит.

Молчаливая, хозяйственная. Любят друг друга без памяти. А меня считают баламутом, уверены, что я не только работаю в доме отдыха, но и пользуюсь машиной для гульбы с девочками. Слушайте дальше. Припарковалс я и бегом в зал, к назначенному рейсу.

Туда, сюда смотрю нету ее! Рейс тот, в телеграмме указан.

Опустел зал, трап отъехал. Нет человека. Что делать? Домой нельзя! Скажут, опоздал из-за гулянок своих. А брат убьет, и машины мне больше не видать, и на работу заявит, чтоб перевели на другое место куда-нибудь. Верите, чуть не заплакал! Решил ждать следующего рейса, а он через четыре часа. Стал как вкопанный у входа и смотрел на небо. Чем больше стоял, тем обиднее было. Накурился до тошноты. Слава Богу, подруливает горьковский. Впиваюсь глазами в высадившихся пассажиров. Моих нет. Схватился за голову, сел в машину. Эх, будь что будет!

Поехал на малой скорости домой. Остановил машину за углом, а сам пополз, как змея, к окнам. Окно высоковатое, подтянулся на руках, вижу: родители спят. Еще не совсем рассвело. Абрек собрался гавкнуть, я его шепотом остановил. Заглядываю в другое окно спит наша красавица, на сундуке сынок старший, в кровати младший. Я чуть не закричал. Как же так получилось?! Одумался, взял себ в руки. Главное вернулись целые, невредимые. Зачем их будить, пусть спят.

Дорогой Асхан, ты настоящий мужчина. И вправду, зачем выяснять ночью? Разбуркал бы их, нарушил сон, утолил свое любопытство, как басмач...

Побойтесь Бога, Нонна Викторовна!

Значит, не басмач?

Ни в коем случае!

А Махмуда Эсамбаева знаешь? И он не басмач?

Басмач это бандит!

Верю, верю, Асханчик.

Он закурил, и дальше мы поехали молчком...

Да, Махмуд Эсамбаев это явление. Бывало, сидим в президиуме, вижу его под каракулевой шапкой, с прямой спиной не шевелится. У горцев высока каракулевая шапка образ гордости, бесстрашия, амбиций. А ведь под этой шапкой не гордость и не чеченец сидит.

Под шапкой сатана сидит, думу думает: "Скорей бы все это кончилось..." Пишу ему записку: "Махмудя, чего сидишь как каменный? Боишься, шапка с головы упадет?" Бедняга рядом с вождями в первом ряду, смех распирает, а смеяться никак нельзя.

Я-то подальше от начальства, могу и носовым платком смех прикрыть.

А раз пригласил он меня в гости. Адрес: Москва, гостиница

"Россия", этаж такой-то, номер такой-то. Вхожу в номер в углу барашек стоит и глазками моргает. Сноп всевозможных трав, дыни, пирамидой арбузы, фрукты, вина. Кавказские джигиты без пиджаков, в носках, пластично вершат подготовку пира. Пир Махмуд закатывает, будто на вечную память. Да еще в углу шкурки норки в мешке для подарков женщинам. А мужчинам национальные ножи в чехлах. "Отдыхайте, наслаждайтесь, гости дорогие, начинает хозяин. Я не ворую, чтоб я так жил! Деньги мне дают мой талант и родовая плантация цитрусов. Самое большое богатство это видеть друг друга. Правильно? Давайте выпьем!"

До чего насыщенный человек! Сколько доброты, юмора, ежеминутных выходок: крутит, заводит, смешит. Поездили мы с ним немало по

Союзу. То декады, то открытия важных строек, то концерты... В гостиничном номере у него всегда завал всяких яств. При нем повар, костюмер, официант. Его близкие горцы служат ему верой и правдой. Люкс не закрывается на ключ никогда, и каждый страждущий поправить здоровье заходи! Бывает, он еще и не сказал ничего, а уж смешно. Да еще как смешно! Забавляется сам и забавляет гостей.

"Махмуд, расскажи о Париже!" "Я никогда не вру. Чтоб я так жил!"

Это его всегдашняя присказка. Как они мне осточертели с этим Лувром! Я неграмотный, я из аула! Посылают с разными делегациями. Первое это Лувр. Ну что ты там набегаешь за час?

Только наши каблуками стучат, потому что бегут все время. "Ах,

Лувр, ах, Лувр, я был там!" А что ты там видел? Мне же от коллектива откалываться нельзя. Ну, и хожу то с Большим театром, то с "Березкой". Я Лувр знаю наизусть. Не по содержанию, а по количеству залов. Сощурюсь так, голову набок, отойду от картины, "оцениваю". В последнем зале сяду на стул и сижу. Слава тебе, Господи, Лувр проскочили. Вот однажды сижу, как обычно, на этом стуле, жду наших. Подходит ко мне благообразный старичок в пенсне и заговорщически говорит: "Давно за вами наблюдаю. Я из

России, но живу в Париже сорок лет. Вы очень интересуетесь живописью". "Да, да..." "Как я вам Лувр покажу, вам его не покажет никто!" "Спасибо, спасибо. Очень рад! В следующий раз".

Старик протягивает мне визитную карточку. Слышу, наши бегут к выходу. Попрощался я с ним и первый сел в автобус. Фу-у!

Пронесло! Следующего раза не будет. Не будет, и все! И вот приезжаю с концертами в Ленинград. Отработал, усталый еду в гостиницу, принимаю душ. Ребята чаек заваривают. Стук в дверь.

Выходит согнутый старик, двойник того, что в Лувре подходил. И лицо такое же, и пенсне. Только этот постарше. Смотрю, что-то держит в руках, прикрытое мешковиной. Фанера или картина.

Откидывает тряпку и поясняет: "Мальчик у пруда". Омовение Осетии, третий век до нашей эры. Брат позвонил из Парижа.

Попросил меня этот шедевр предложить вам". "Сколько вы хотите за него?" "Это оценщик назначит". "К оценщику нет! Говорите цену!"

"Я думаю тысячи полторы". "Прекрасно! Вынул кошелек не хватает. Хлопцы! А ну-ка быстрее, выкладывайте!" Набрали полторы тысячи, отсчитали. Старик взял деньги, но от картины едва оторвали его. Приезжаю к себе в Грозный с шедевром. Подняли меня на смех. Жена пристроила картину на кухне. Тогда я решил купить картину посolidнее и купил. Дорогая, сволочь, но зато видная; лежит голая женщина, а вокруг нее яблоки и груши. Опять не попал в точку, больше живописью насиловать себя не буду".

Помню, Махмуд возвратился из какой-то поездки и взвыл, как волчонок: "Ох, Нонночка, дорогая, как борщику хочется! Я вечно голодный! Вечно! И все из-за фигуры, из-за талии. Я танцор. Я ж не виноват, что на конкурсе за лучшее исполнение испанского танца испанец получает серебряную медаль, а я золотую. Руки мои сравнивают с руками Майи Плисецкой. В Америке мне преподнесли презент путевку в кругосветное путешествие. Я отказался в пользу оплаты багажа, который в десять раз превышал положенный вес.

Чтоб я так жил не вру!" "А как там, в Париже?" Показывает большой палец: "Я теперь хожу, куда хочу. Сейчас же свобода, ты знаешь?" "Пока нет, мой дорогой!"

Конечно, талантливых людей немало, но столь расточительных, щедрых для друзей, для всех встретишь редко. Махмуд Эсамбаев это не только гений в танце, но еще и лекарь. После общени с ним хорошо живется.

Однажды мы собрались у кого-то дома. Приехали Махмуд с друзьями, чтоб угощение наладить. Всех, а женщин особенно, поразил один красавец из его свиты. Он в носках стоял на кухне, вежливо всем кланялся. Я тоже пару раз заглянула на кухню, спросила о какой-то чепухе. Он не отреагировал.

Пригласили к столу.

Идемте, обратилась к красавцу шустрая балеринка.

Тот слегка поклонился, приложив руку к груди, что означает отказ.

Я не выдержала и шепчу Махмуду:

Чего парень-то ваш на кухне стоит?

А где же ему быть?

С нами.

Он не войдет сюда, пока я здесь. Не лезь в наши обычаи! Если аксакал находится в главной комнате, он не войдет.

До утра?

Может, и до утра. Вот когда я встану, пойду на кухню, приглашу его, он появится, но не сразу, а так через часок... Дружим с тобой, а обычаев наших не знаешь.

Я много знаю, ведь выросла на Кубани, среди разных народов. Там и чеченцы были...

Если скажешь чеченцу, что ты его знаешь, он рассердится.

Чеченец не любит, чтоб его знали, это как раздеть догола при всех.

Прикажи лучше тост поднять.

Вот это другое дело!

Тут он снимает свою шапку Мономаха и как ни в чем не бывало обнажает лысину во всю голову. Она так сияет, будто и не росли на ней волосы никогда...

Сейчас на дворе горе лютое Чечня!

На Кубани много народностей, но чеченцы всегда особенные. Помню, принесла передачу в родильный дом для мамы, сидят на кроватях молоденькие мамаша, кормят своих детей грудью, улыбаются.

Нонк! Слышишь, как орет? Чеченец родился.

Крик его можно услышать за тридевять земель. Он будто и рождается с кинжальчиком, громко сообщает о своем первенстве.

Он горец, он крепкий и мудрый. Как правило, мудрость свою и силу чеченцы проявляют только на родной земле. Они не мыслят властвовать в России. Их душу и глаз ласкают только горы, они верны обычаям предков.

А уж если унизишь горца хоть словом, хоть взглядом держись! Свою воинственность они придерживают до поры до времени, но всегда готовы к бою. И не только к бою какими только уловками они не пользуются, чтобы достичь цели.

Горы и скалы формировали этот народ. Он молчалив и непобедим.

Нарушишь его статус изощренно отобьется, беспощадно расправится.

Бывало, чеченец поделитс с тобой последним куском хлеба, отдаст последнюю рубашку, защитит, не разбираясь, русский ты или еще кто. Но это до тех пор, пока не унизишь его, не встанешь поперек пути.

В прошлом веке "нарвались". Что из этого получилось? Не один год кровь лилась.

Пока есть земля, ни одна национальность не изменится. По задиристости и амбициозности всегда на первом месте будет чеченец. Однако с чеченцем всегда и договориться можно, обходной маневр, так сказать, найти. Но это получится только в одном случае если ты досконально знаешь, глубоко изучил нравы, обычаи этого народа.

Главный "командир" над всеми нами солнце. Мы поднимаем головы, ищем НЛО... А солнце ходит над нами, и рождаются под ним разные человеческие особи. Где солнце припекает шибче люди со смуглой кожей, черными чубами, карими очами, темпераментные, вспыльчивые... У помора своя статья он не сразу решает, не сразу дает отпор, но если решится, то вряд ли уступит горцам.

Как же так не знать, с кем живешь? Да что там, мы и партий не знаем, которые сейчас пышным букетом расцвели. Десятки лет нас учили истории КПСС, лишали стипендии, гнали из института за то, что не сдал за семестр эту дисциплину. Мето'да преподавания не разработана учить историю партии было тяжело и уныло. Материал сухой, неувлекательный. Трешь, трешь, бывало, в потной ладони заготовленную тобою же шпаргалку и ни черта не понимаешь. Но находились такие верткие, что поняли: не ухватишьс за эту цацку тут тебе и конец. Помчались за красными корочками достойные и недостойные, карьеристы. Для них партбилет был как воплощение святого единения, призыв к честности и труду. Другие считали красную книжку пропуском на все времена.

Помню очередные сокращения в нашем театре. Коммунистов не трогать! Сколько там засело бездарей! Из-за них и театр лопнул.

Я, как поняла, что они партбилетами спасаются от увольнения, так и не вступила в партию. Мама и брат шепотом спрашивали, изумляясь: "Ты не в партии?.." прямо враг народа. Помню, вызвал меня в кабинет секретарь райкома партии, я молча сидела и наблюдала, как за окном желтые листья клена медленно падают вниз.

Секретарь призывал вступить в партию, потому что я уже себе не принадлежу, а являюсь достоянием народа. Так и не проронив ни слова, я пожала ему руку, как полагается, и закрыла за собою дверь. Ах, КПСС разлюли малина для тех, кто вверх хотел! Вверх и только вверх! Они рьяно учили наизусть каждую строчку и Ленина, и Сталина, и всех, кого надо.

Помню прохладные, никем ни разу не открытые экземпляры работ

Владимира Ильича. По соседству с нами жила большая еврейская семья. Как-то я позвонила им в дверь, чтоб узнать, нет ли у них сочинений Ленина: надо было выловить парочку цитат приближался зачет.

Ну, какая же прилична семья не держит у себя Ленина?! удивилась пожилая хозяйка. Пошла в глубь квартиры с громким вопросом:

Какой тебе том?

Любой, говорю.

Их много! Очень много!..

Вынесла первый, и я пошла "работать". Не мытьем, так катаньем и нерадивым что-то влетало в голову. "От каждого по способности, каждому по потребности" это же лафа!" думали люди.

И сейчас лафа не надо мучиться, изучать программу той или иной партии: за что радеть и ночь не спать, чтоб с чувством глубокого удовлетворения опустить в урну бюллетени.

Партий никто не знает, а выходки думцев на уровне плохого цирка.

Как важен магнит телевизионных передач, и как обидно, что понятие "гласность" путают порой с преднамеренным крушением наших идеалов...

Да, надо знать обычаи, нравы тех, среди кого живешь. На факультете журналистики этому не учат. Ползут по-пластунски с кинокамерой только что испеченные журналисты: рискуют жизнью, гибнут на войне, а снимают очень часто брак. Разве можно растерзанного человека снимать? Издавна люди торопятся прикрыть погибшего. Справедливо упрекнул Буш журналистов,

впившихс в его лицо, когда ему стало плохо. "Это невежливо",- сказал он.

Помню, в детстве, когда мы самодельные пистолеты наставляли на кого-нибудь, нам говорили: "В человека целиться нельзя". Давно это было... Сейчас же дуло оружия направляют с экрана телевизора прямо на сидящих перед ним. С легкой руки комиссара журналистики из Питера, как стали кишки перебирать и в мозгах копать, так и докатились до самого "выразительного" метода показа трагедии. С понятием "гласность" нужно уметь обращаться. На телевизионном экране идет преднамеренное перенасыщение патологией. Секс ли это или расчлененное тело человека, выловленное из колодца.

Закордонные сюжеты так же подобраны: авиационные катастрофы, пожары, стрельба, изувеченные трупы. Слишком ударились в анатомию. Воистину воспитывают непредсказуемый тип человека.

Экран приучает "к натуре" гибели человека. Приучают детей и подростков с легкостью лишать жизни себе подобных.

Не согласитесь ли вы, что нельзя распоротое тело погибшего выставлять напоказ? "Без его разрешения..." А может быть, и мама его, и отец не согласились бы свое дитя показывать в таком виде?

Вот сейчас в Чечне и соединились незнание чеченцев и вольный стиль снимать, показывать мясорубку.

...Я очнулась от воспоминаний и раздумий. Мы с Асханом подъезжали к аэропорту.

АСКОЛЬДОВА МОГИЛА

Однажды сидим в кустах, ждем какого-то неведомого дядьку. Кругом немцы, оккупация, голод проклятый замучил. Мама наказывает съездить к сестре, тете Паше, и выпросить "кабак" (тыкву) и кукурузу.

Ближе к ночи он подъедет, напутствует мама семилетнюю сестру. Мотоцикла не бойся. Сядешь сзади верхом и ухватишься за его одежду... А там семь километров и все. Тут тебе и Широчанка.

Я подростком была, хотела ехать вместо маленькой сестры, но мама ни Боже мой! Наконец видим, мужик переступает ногами, а между ними мотоцикл. Подрулил, занес правую ногу назад и прислоняет мотоцикл к стене. Поворковали с мамой, чиркнул спичкой, закурил; потом снова занес ногу за мотоцикл и пригласил сестру сесть сзади. Мама трепетно помогла ей устроиться.

Держись за мои карманы, посоветовал мужчина.

Сестра села, и он опять пошел ногами по траве. Прошел метров сто, мотор крякнул, затарахтел, и маленькая фигурка сестры растаяла в темноте вместе с брезентовой спиной седока.

Уехали, вздохнула мама.

Главное до Широчанки. А утром тетя Паша подсадит на товарняк я встречу. Грузить на старшую было обычным делом. Основным подручным была я. Кряхтела, пробиралась, доставала, таскала. Как немцы ушли легче не стало.

Бери что попало. Тут разберемся. Прячься, чтоб не поймали...

Законы были безбожные: оставшееся зерно после убранного урожая брать нельзя. Пусть лучше на поле померзнет и сгниет. Немцы так не требовали, а наши... Многодетные семьи не выдерживали есть хотелось с утра и до ночи, поэтому посылали детей красть рассыпанное в поле добро. Объездчики, как и все люди, получившие власть, вскакивали на коней и "Аля-улю! Бей, кроши...".

Неудержимой была страсть гонять, отбирать оклунки с зерном и напоследок хлестануть батогом поперек спины. Выпивший и стрельнуть мог. И стреляли. Убили школьника, вся станица хоронила, и вся станица плакала. Мама была молодым коммунистом, и не дай Бог, чтоб поймали ее детей. Могли исключить из партии.

Эти слова "исключили из партии" до сих пор помню, как что-то самое страшное в жизни человека...

Сидим с подружкой в лесополосе, трусим, ждем, когда объездчик минует нас. Ей-то хорошо у нее родители не коммунисты... Зато отмучаемся, принесем каждый в свою семью подкрепление. Вечером пируем: оладьи, мамины рассказы всякие. Наедемся, и

на утро останется. Утром мама уже в поле, а мы глаза продерем, и кто первый одним прыжком к комоду. Там в верхнем ящике олады.

Расхватываем, и опять думать надо, как еду доставать. Не помнили, когда последний раз выдавали что-нибудь на трудодни... Однажды народная почта сообщила нам, что за рекой Уруп учительница по литературе приберегла яблоки. Отправилась, яблоки взяла, несущая за спиной, боюсь: что несешь да куда?.. Откуда ни возьмись "рама" пожаловала. Низко надо мной сделала круг, немецкие летчики рукой помахали... Стоило им стрелкнуть и капец.

Добралась до дому герой! Радость принесла. Накинулись все. Горят огнем яблоки красные, желтые. Всю хату украсили. А запах! Запах обнадеживал на лучшую жизнь, но она все никак не улучшалась.

...По окончании института жили сперва в бараке, потом комнату дали в коммуналке в четырехкомнатную квартиру вселились четыре счастливые семьи. Радовались и мы, хоть нам и досталась проходная комната. Десять лет через нас ходила чужая чемья. По условиям пожарных перегородку ставить было нельзя. Висел на шпагате фанерный лист. Четыре семьи, четыре метра кухня, и четыре конфорки на газовой плите. Не дотянуться бывало хозяйке ложкой до своей кастрюли. Маленький сын из-под фанеры выглядывает и зовет: "Ма-а-ма!" Сладкий был этот голосок, самый главный и самый дорогой. "Иду, иду!" отвечаю.

Материально было тяжело. Крутились. Перед получкой аж пот проберет от беготни по этажам с надеждой занять денег. Бывало, заплачу и взмолюсь молодому неприспособленному мужу: ну сделай хоть что-нибудь, хоть какие-нибудь меры прими! Но он не знал, что делать. Все укорял: родила без моего согласия, теперь вертись. Однажды в отчаянии сунула руку в карман его пиджака, а там в паспорте десятка притаилась. Не почувствовал моим слезам...

Подросток сын, стал во двор выбегать с ключечкой. Двор хороший, безопасный. Убираюсь, вожусь. Слышу голос с заднего двора:

Ма-а-ам!

Высовываюсь в форточку: стоит моя радость, улыбается, ямочка на щеке. Сбавив громкость, спрашивает:

Ты меня любишь?

А как же, сыночек? счастливая, отвечаю. Он, довольный, уходит.

Конечно, счастливая. Любимее нет никого на свете. Теплый бальзам грел душу: ел ли сыночек, рассказывал ли что-нибудь. Бывало, обидится на кого-то, заплачет, еще слезы висят на щеках, а он торопится поделиться. Всхлипывая, переходит на радостный лад:

Мам! У нас в школе медицинский осмотр был. У одной девочки швы в голове нашли.

Швы?

Да. Ее маму вызвали, чтоб вывели ей.

А... так это вши...

Нет, мама, швы.

Ничего, это просто вывести.

Отец хоть и стал любить его, но он все льнул ко мне. Мой сын.

Как расхохочемся с ним за столом или перед сном удержу нету!

Замолчите!

Куда там! С полувзгляда, с полуслова понимали друг друга, на одной волне были, как говорится. У нас были наши "коды", жесты, мимика. Помню, пришла в гости к соседям маленькая девочка Лиза.

Ничего особенного. Толстая, кокетливая. Вбегают мой сын, рывком берет мою ладонь и тащит на кухню.

Мама! Не говори, что мне восемь лет... Я ей сказал, что мне девять.

Почему?

Он шепчет в ухо:

Потому что ей девять.

Ладно. Если спросят...

Он успокоился и пошел к соседям. Все хорошо, все хорошо... Уютно, радостно ребенок рядом, на репетициях в театре хвалят.

Вдруг влетает мое дите и радостно сообщает:

Мама! Буду деньги тебе зарабатывать! После уроков почту разносить по квартирам. Весь класс будет конверты разносить.

В меня будто выстрелили... Смотрю на него, дух перевести не могу. Небо пересохло, коленки ослабли... Мы впились глазами друг в друга, как током пронзенные. Вижу, как его радость сменилась испугом, изумлением. Мне слышалось не "почта и конверты", а сообщение о сожжении всех мальчиков на костре.

Почту? Какую почту? Ни в коем случае! Села на стул и закрыла лицо руками.

Ладно, ладно! Не буду, не буду...

Как я тогда посмела не воспринять, не поддержать его! Я, такая артельская, работающая, вдруг испугалась, воспротивилась, запретила. Невпопад запретила. Пресекла то, что надо было поощрить. Не сосредоточилась, не потрудились разобраться. Перед сном гладила его спину слава Богу, не дала, не пустила: "Спи, детка, проживем и без почты..."

Потекла жизнь дальше. Моя опека крепчала: сыночек сыт, обут, одет.

Остальное ясно, как день, приучайся к труду. "Ты моя, я твой" излюбленный девиз сына. С детства и навсегда.

С годами и "тыльную" часть жизни каждого знали. Моя битва за жизнь, за искусство, его две женитьбы и пробы стать актером не лишили нас нерушимого сосуществования.

Теперь вот непрестанно является личико второклассника, все слышу его известие о почте. Как укор, как удар в сердце. Как показатель невнимания матери.

Сажу как-то у телевизора и смотрю рассказ-интервью матери Василия Шукшина. Крепкое русское лицо пожилой женщины безучастно. Монотонно, едва шевеля губами, она вспоминает лютое горе и тяжелую жизнь, разговор с Васей, еще мальчиком. "Нарядили его водовозом. Хлеб не на что было покупать. Вся семья надрывалась от зари до зари, но денег не хватало... Трусится, но не возражает. "Бочка высоко, сынок..." "Мам, как дырку достать?"

"На колесо, Васенька, станешь... Ох, ведро тяжелое!" "Ничего, мам, я буду набирать по полведерка". "Правильно, сынок... Жаль было его. Худой, маленький, десятый годок пошел... Не на смерть же, думаю..."

Она разрешила, а я нет. Пока ребенок дышит кожей матери, можно направить его, куда твоей душевнице угодно. Я это не принимала во внимание. Меня же никто не направлял! Это не совсем так. В селе упрощенная схема жизни: не работать срам. Вот дом твой, вот работающие с детства люди, игры на поляне, тут тебе песни, сказки, привозное кино и парное молоко на ночь. Десятый класс я заканчивала в городе Ейске. Мама не ленилась проследить, с кем я пришла после танцев и во сколько. Могла и опозорить. "Ах ты, чертова сволочь по химии двойка, а ты тут с морячками хаханьки справляешь!" Только стук начищенных ботинок по камням мостовой остается от новоявленного кавалера... А жернова большого города сильнее человека. По Москве и ходить нужно по-другому. Тут сам по себе не заладится человек.

Помню, горели леса Подмосковья. Долго горели. "Это туман или дым?" с испугом выходили москвичи на балконы. "Дым, дым!" Какие только сообщения не витали по радио и в устных рассказах. Тушили пожар все, кто мог. Торф предательски тлел под толщей земли.

Однажды полный солдат грузовик заехал на поляну и тут же, окруженный дымом и огнем, стал оседать в тартарары. Крики солдат, взмахи рук! Тщетно... Грузовик все погружается в крошечный жар. Спасатели, пожарные мечутся. Солдатики кто окаменел, кто волосы на себе рвет, по земле катается. Кричат в агонии, помощи просят, спасатели им в глаза смотрят... А помочь не

могут. Ни достать, ни кинуть что-нибудь. Ничего сделать нельзя... Я осталась на твердой почве. Не катаюсь по земле...

Я крепко ухватилась за кровать, на которой лежит мой сын. Он скрипит зубами, стонет, мучается. "Чем тебе помочь, детка моя?"

Хочется приглубить его, взять на руки, походить по комнате, как тогда, когда он маленьким болел. Теперь на руки не возьмешь.

Большой на всю длину кровати. Хочется погладить, приласкать, но взрослого сына погладить и приласкать непросто. Помощи не просит...

Мам, похорони меня в Павловском Посаде.

Ой, что ты!.. Что ты говоришь?

Потерпи.

Я чмокнула его волосатую ногу возле щиколотки, горько завывала.

Потерплю, потерплю, потерпим... Бывают же промежутки.

Больше не будет, мама. Выхода нет... Ты моя, я твой...

К рассвету он примолк.

Я на раскладушечке неподалеку, смотрю: подымается одеяло от его дыхания или нет? Решила не жить. Как и зачем жить без него?

Потом заорала на всю ивановскую, вызывая "скорую". Быстро приехали по знакомому уже адресу. Вставили ему в рот трубочку, она ритмично свистела. Дышит. Теплый. Живой... Мчимс по Москве.

Когда вносили в реанимацию, я в последний раз увидела его ступни, узнала бы из тысячи... Помню, грудью кормлю его, держу его ножку и думаю: запомню поперек ладони в аккурат вместила его ступня от пальчика до пяточки... В коридоре холодно, лампочка висит где-то высоко. Темно, неудобно. У входа в реанимацию, откуда доносится свист, его свист, стоит лавка. Я иссякла. Прилегла и подложила ладонь под щеку. "Зачем мы здесь, сыночек?.." Маленьким был, соску не взял, выплюнул. Я сокрушалась, видя, что с соской дети спокойнее. Тогда выплюнул, а сейчас вставили насильно. И я, не дыша, молю Бога, чтоб этот свист не смолк.

...Позвали мен давно-давно в съемочную группу фильма "Комиссар" на собеседование. По пути домой я вспоминала встречу, сценарий и изумилась фамилии режиссера Аскольдов, забавно... "Аскольдова могила". Может, это рок? Может быть, на съемках боев меня конь забьет...

Оставила своего красивого душевного мальчика-подростка на чужую тетку, обеспечила разными "пряниками" и на четыре месяца в киноэкспедицию под Херсон. С картиной не ладилось:

режиссеру преднамеренно не создавали условий дл съемки, мучили, издевались. Приезжал директор студии, съемку приостанавливали.

Режиссер, человек интеллигентный, внимательный, предлагал мне не раз:

Может быть, съездите домой, пока есть пауза?..

Нет, нет, что вы!

Я скрытно жалела его и картину.

Потом его судили. Уволили из штата студии. Дело-то какое вытаскивали! Лошадей много снимали. Конюшня была за двадцать километров от нашего пристанища. Два конюха-алкоголика не подковывали коней. Их было много, а значит, и на пропой хватало с лихвой. Стертые копыта от непрерывных скачек приводили в конце концов к выбраковыванию. Убыток колоссальный. Свалили эту беду на режиссера. Владимир Басов, Ролан Быков и я аккуратно ездили на суд... Додумались все же адвокаты до того, что коней подковывать режиссер не должен был. Картину, еще не озвученную, положили на двадцать лет на полку. И в картине боль, и сына вспоминать было тяжело. Не ехала я к нему. Ну что стоило вырваться на два дня... Старалась не вспоминать его, ни лица, ни пальцев, ни голоса. Бывало, едва сдерживалась, чтоб не бросить все и съездить. Как-нибудь доведу съемки до конца, а там и радость моя сын...

Вот как раз в эти четыре месяца его и "схватили". Вернулась он в больницу... Помчалась туда. Он был веселый и виноватый.

Признался в том, что Сашка Берлога принес пиво и "колеса" (таблетки). Пылко заверил меня, что это больше не повторится. Я поверила. Хотела поверить и поверила. Волнение не покидало меня и дома. Я незаметно смотрела на него и недоумевала, как он произнес "пиво и колеса", такие чуждые слова, с пониманием дела...

Долго потом он не виделся с теми дружками. Призвали в армию.

Появилась надежда: время, режим службы, он окончательно забудет о прошлом. Вернулся из армии, и, не объяснившись с ним, я поняла он прячет от меня вторую жизнь... "Хоть бы нечасто, хоть бы как раньше", молила судьбу. Ходил на студию, ездил с театром по городам... Еще не дошло до окончательной апатии. Спустя какое-то время я молила о другом: "На этот раз пауза длиннее, теперь уже, наверное, навсегда. Хоть бы навсегда..."

Да, мама, все! Сам себе противен...

Снова надежда отдых душе. Жены пугались его "странных" дней и уходили. Тем более ни "мерседеса", ни "видюшника", ни светской жизни...

Здравствуй! эхом под сводами старинного коридора прозвучал знакомый голос.

Здравствуй. Привстав, взглянула на поздоровавшегося.

Это отец его пришел. Я закрыла лицо руками и разрыдалась.

Плакать на его плече не пристало: мы уже давным-давно не жили вместе. Как оказалось, ни на его плече, ни на своей подушке не выплачешься за всю оставшуюся жизнь...

САША

Когда в теплую городскую квартиру втаскивают срубленную елку, в дом входят лес, небо, морозный воздух. Человек рад встретить

Новый год возле наряженного чуда. Елочка смиренно служит хозяевам.

Ей, может быть, не нравится прикасаться к тюлевым занавескам и к полированной мебели, но она помалкивает. Вошедшая в дом зеленая красавица явилась от земли, дороги оттуда, где начинается все и вся.

Вот так же откуда-то "оттуда", где лес, дорога, песни, колоски хлеба, явилась Саша Порогова и предстала перед экзаменационной комиссией актерского факультета Института кинематографии. "Не звали? А я тут", словно хотела сказать. Дыхание не унять, волнение тоже. Будто от самого села Шураново бегом бежала.

С улыбкой, готова выполнить любое задание, Саша никак не могла справиться с волнением.

Что вы будете читать, девушка?

Читать? изумленно спросила она. Ничего!

Как? Вы не подготовились?

Ну...

Приехали издалека...

Да вы не переживайте!

Вы хотите поступать на актерский факультет?

Глаза Саши загорелись, она ждала подсказки...

Давайте я лучше спою вам!

Спойте, согласилась комиссия, стараясь не спугнуть присевшую перед ними редкую птицу.

Саша обрадовалась, улыбнулась, обнажив белые ровные зубы, приподняла брови. Потом приложила ладонь к правой щеке и, чуть склонив голову, запела... Поначалу деликатно, зная, что ее голос тут не поместится, а потом была ни была! "Хазбулат удалой, бедна сакля твоя..." Низкий тембр ее голоса всех заморозил. На второй песне неожиданно голос взмыл, она запела колоратурным сопрано.

Саша поправляла платье, чтоб вырез был в середине. Платье из темно-зеленого трикотажа, явно с чужого плеча. Поясочек "не отсюда", спереди завязан на бантик, подчеркивая тонкую талию, высокую грудь. Русые косы, собольи брови, дымчатые глаза.

Красавица без косметики. Лицо подкрашено природой и молодостью.

"Вы слышали?" "Видели?" "Уму непостижимо!" понеслось по институту.

"Может быть, пойдешь учиться петь?" "Нет. Я сперва буду играть, а потом петь..." Горячо и старательно принялась учиться Саша по всем предметам, особенно по мастерству актера.

На актерском факультете есть любимые амплуа и нелюбимые. Саша скисала, когда нужно было надевать кринолины и в угоду программе быть светской дамой, да еще страдать, кричать и думать на

"ихнем" языке. Отделавшись, она ныряла к своим героям. Бить кулаком по подошве ботинка, возмущаться тем, что простому человеку можно и ненастоящую кожу поставить, шепелявить и не выговаривать букву "эр". На очередном экзамене комиссия валялась от смеха. Иногда вырывались краткие аплодисменты, что не разрешалось. А как в спектакле "20 лет спустя" Михаила Светлова исполняла Тоську! Сцена с типографским наборщиком. Первый комсомольский журнал. Это очень красиво: "Ю-ный про-ле-та-рий", поясняла она нараспев. Точным жестом показывала, каким должен быть заголовок.

Саша училась с душой, с полной отдачей. Радовалась, что не только в селе Шураново, но и в "Поднятой целине" и в "Молодой гвардии" все люди, люди настоящие! Они могут и последним куском поделиться, и помочь, если надо, и спеть песню навзрыд.

"Саша, Саша! Потихе, уймись!" учили ее педагоги. А Саша уж если захохочет, то слышно далеко. "Ну и что? Дите с голосом родилось", говорил преподаватель физкультуры. Она приложит ладонь ко рту и начинает смеяться тихо. А то, бывало, как прыснет, скривит лицо, так засмеются и те, которые даже не знали, в чем дело. Много ли надо тому, кто смешлив, и тому, кто хочет отвлечься от занятий! "Цытьте! грозила пальцем Саша.Ростя идет"

(Ростислав Васильевич). По всем предметам у нее пятерки. Все прочитано, усвоено, но посмеяться хлебом не корми! Мы просили пересказать тот или иной обязательный по общеобразовательной программе роман. Она садилась и рассказывала. Шли и сдавали экзамены, кто на тройку, а кто и на четверку. Сильный голос не соответствовал ее лирической внешности, шаловливости. Мы беспрестанно заводили ее в свободную аудиторию, просили спеть.

Она не отказывала пела и пела. Меня Саша полюбила, урывками заглядывала в нашу аудиторию и, подморгнув, вызывала в коридор на перерыв.

Никто из нас не был еще влюблен: так, поцеловывались с мальчишками по темным углам и все. Ребята с вечера дружбу предлагали, к утру мы им готовили ответы. Через сутки без обид и выяс-

нений альянсы рушились. До серьезного дело не доходило зачем? И так хорошо. Главное блеснуть по основному предмету мастерству актера. И педагог похлопает по плечу, и мальчик какой-нибудь в столовую пригласит или место займет в просмотрном зале, где фильмы показывали по программе.

Саша как-то надела ветхое тряпье старухи и так произнесла монолог на экзамене, что до слез всех довела. Спектакль этот пошел в защиту диплома. Саша утвердилась в амплу драматической актрисы. Ей нравился также спектакль "Гибель надежды"

Гейерманса. Играла рыбачку, которая вечно ждет своего мужа, братьев, отца.

Вот тебе и иностранная пьеса.

Ну и что?

Ты ведь шарахаешься от всего иностранного.

Это не иностранная. Это наша!

По предмету "художественное слово" педагог поручил ей парный отрывок из чеховской классики.

Пускай другие про Лужки орут! "Воловьи лужки наши, Воловьи лужки наши!" завизжала Саша с гримасой избалованной невесты.

Вон! гаркнул педагог.

Слава тебе, Господи!..Она послала воздушный поцелуй сидящим, а в коридоре заорала: Шумел камыш, деревья гнулись...

Коса на камень...

Не простила Саша преподавателю по художественному слову, когда он предложил ей кусок из "Плача Ярославны".

Нудно, мне не нравится.

Поезжай в колхоз. Из тебя получится хороший бригадир.

До хорошего бригадира надо еще покорячиться как следует...
Поняли?

Потом с удовольствием надела дерюгу рыбачки и стала метаться по воображаемому берегу моря...

Пороговой надо прочистить мозги! заявил заведующий кафедрой. Надо проработать ее на общефакультетском собрании.

Так и сделали.

Весь факультет явился на суд Пороговой.

Видите ли, все ей дозволено!

Она оправдывала свою двойку по марксизму-ленинизму: не люблю, мол, Карла Маркса.

Сначала надо знать его, а потом любить или не любить! кричала ассистент преподавателя.

Саша перепугалась. Опустила голову, слушает внимательно. Вынесли строгий выговор. Но прошло немного времени, и она уселась внизу в киоске сигареты продавать, газировку. Торговала

в очередь со старым дедом Ваней. Тот отпускал ее на важные, по ее разумению, предметы.

Что ты здесь делаешь, Саша? изумился как-то педагог.

Богатею, милые мои, кушать-то надо...

По двум спектаклям мы получили высокие оценки и были приняты в

Театр киноактера. В театр-то нас взяли, а ролей никаких, началась полоса застоя в нашей жизни. Саша, как штык, была с утра на репетиции, хоть и не занята в выпускаемых спектаклях:

"Молодая гвардия", "Три солдата", "Машенька"... Решила самостоятельно приготовить роль Любки Шевцовой. Я мизансцены показываю, за всех персонажей подыгрываю. Ее работа понравилась, но... Ведь фильм уже был. Зритель, конечно, покупал билеты на нас тех исполнителей, которых он знал по кино. Спектакль продолжал жизнь фильма "Молода гвардия" при полных аншлагах.

Новую Любу Шевцову зритель не очень-то жаловал.

И вот появляется в нашем театре знаменитый талантливый режиссер

Алексей Денисович Дикий, чтоб поставить спектакль по пьесе А.

Островского "Бедность не порок". Вывесили список назначенных на те или иные роли, и Саша, не увидев своей фамилии, выскочила вон, чтоб не показать своих слез. С издевкой над собой и судьбой она подала заявку на эпизодическую роль придурковатой старухи.

Таким образом она нашла способ, чтоб внимать Островскому и Дикому. Репетиции для всех были чудом. Смотрели все и не занятые в спектакле: "Островского хотя бы послушать, и то радость". Саша зажглась спектаклем, влюбилась в Алексея

Денисовича, а уж своей старухой уложила всех наповал. Придумала говорить низким голосом, сначала завывая, с протяжкой: "А-а-а",

"а-га-а-а", потом отмахивать рукой несуществующего проказника, который якобы норовил ухватить ее сзади или из-за пазухи что-то вытащить...

Островский не нарушался, а зал хохотал. "А-а-э-кхэ, кхэ", и грозит пальцем зрителям, когда те гудят от смеха. Постоит, посмотрит, подождет, пока утихнут... Иногда этот номер не проходил гудели долго. Тогда она садилась за стол. Сидит, степенно чай из блюдечка пьет, пока другие актеры "берут зал на себя", но перед своей репликой заготавливает "вступительную" краску: как прыснет, заквакает, изображая смех, аж чертям тошно.

Однажды вдруг замерла и стала глядеть, не моргая, на исполнителя главной роли. Актер растерялся, подумал, что реплику забыл...

Тогда она внезапно схватила его за ботинок и, разогнувшись, снова смотрит на него. Зал реагировал бурно, актер ушел в глубь сцены, чтобы скрыть давящий его смех. Саша с удивлением и наизиданием посмотрела на зал: дескать, в чем дело?

Боже сохрани, чтоб она помешала другим исполнителям или вышла за рамки спектакля. Режиссер одобрял эксперимент, и она резвилась, как хотела. А чего? У автора написано: придурковатая старушонка.

Мы были приятной массовочкой пели и танцевали в русских сарафанах вокруг невесты. Освободившись, поджидали Сашины проделки. Видавший виды Алексей Денисович Дикий смотрел на Сашу с изумлением. На ее выходы он не хохотал, как все, а, опустив глаза, размышлял. Наверное, о ее таланте. Но вот настал момент усомниться в отсутствии нечистой силы и проделок дьявола.

Известный кинорежиссер, как это иногда делалось, прочитал сценарий будущего фильма. Режиссер не Бог: поначалу и растерян бывает, не знает, с чего начать. А наши "гуси-лебеди" нагого-чут, налопочут рождается атмосфера, жанр. Голодные к работе актеры и выслушают, и посоветуют, а то и предложат свою кандидатуру, хот бы на эпизод. Наши режиссеры, правда, охотнее приглашали на новый фильм уже известных.

Начинались кинопробы. Ох, кинопробы! Это особ статья.

Разрепетуруешься, зажжешься, понапридумываешь, снимешься на пленку, а играть будет кто-то другой... По четвергам худсовет.

Смотрят, дымят, обсуждают и утверждают кого-то на роль. Помню, мне дали в этом фильме роль трактористки в эпизоде. Тут же с

Кубани полетела режиссура от мамы: "Доченька! Ты как к трактору подойдешь, губы не кусай. Перебирай себе запчасти с деловым видом, чтоб было видно, что ты знаешь трактор, как свои пять пальцев..." И вот четверг. Пробы смотрят творцы с "Мосфильма".

Саша беды не чуяла, была убеждена в том, что только она знает, какой должна быть Настя.

...И мы, и преподаватели вздохнули с облегчением, восхитившись точностью ее игры. Ассистент режиссера, искренне сожалея, как могла, подобрала слова и сообщила Саше об утверждении известной актрисы Стрелковой на роль Насти. Оказывается, за два дня до злополучного четверга та изъявила желание попробо-

ваться на эту роль. Мы сидели недалеко от театра и от дома режиссера в квартире учительницы по танцу. Саша накинула пальто, вступила ногами в мужские ботинки и в мороз с непокрытой головой побежала к дому режиссера. Взбежала на четвертый этаж и позвонила в дверь. Открыла жена режиссера. Саша повисла на ней, потом сползла на пол, крикнула:

Вера Николаевна! Меня не утвердили! Пропала моя Настя!

Загуби-и-ли, загубили Настю мою дорогую! завывала она.

Конечно, по законам нашей студии на эту роль могла подать заявку любая киноактриса. А уж утвердят, не утвердят зависит от чувства и мастерства, знания сельского человека. Сыграть Настю плохо

Саша не могла. Я не простила Стрелкову. Зачем влезла? Ни себе, ни людям. Фильм получился прескверный. И особенно дурно Настя.

Сугубо городская "кисейна барышня" перешла дорогу той, от которой расцвели бы и другие образы в фильме...

Переболела Саша не сразу. И в Дом кино мы не пошли на премьеру.

Пусто было в зале. Смотрели позже в кинотеатре. Немного полегчало оттого, что фильм не получился.

Она ровно девятилетнюю играет, глядя перед собой, сказала равнодушно Саша. А ей, поди, девятнадцать, а не девять.

Бикса! выругалась я.

Тих, тих!

Саша не любила бранных слов и всегда стеснялась всяких вольностей. Один раз еще в институте, на занятиях по акробатике, педагог простодушно сделал замечание:

Ты почему лифчик не носишь? Пора...

Саша обхватила грудь крест-накрест обеими руками, села на корточки и просидела весь урок с красными ушами.

Идет жизнь дальше. Приглашают к нам в театр режиссера на постановку комедии из сельской жизни. Пьеса о том, как колхозники готовятс к олимпиаде и как побеждают на ней. Масса песен, музыки и танцев, а также любовных историй. Саше поручили роль героини. Благодаря голосу она без труда опередила двух актрис, назначенных на эту же роль, и радостно вступила в бой за будущий спектакль. Роль мечта! Режиссер первое время разевал рот и цепенел от неслыханного Сашиного голоса.

Сашка, шепчу ей, опять эти пришли, в зале уселись.

"Эти" специалисты, желающие пригласить Сашу на прослушивание в

Большой театр.

Бог с ними! Пусть сидят.

Будете напевать, а не петь, подбадривала она свои соперниц,- речитативчиком. Главное сюжет, правильно?

Радостно улыбаясь, она предчувствовала жизнь на сцене своей полюбившейся героини. Девчонки втягивали головы в плечи, сомневаясь в себе, млели от Сашиного голоса и танцев, от всего, что она творила на сцене.

Порою, когда режиссер давал поблажку трепетно наблюдавшим девушкам, позволив им порепетировать на сцене, получалось очень неплохо. Они приятно напевали, хорошо двигались и танцевали.

Обстановка была теплая и озорная. И вдруг в пустом зале появляется Стрелкова актриса, которая сыграла вместо Саши

Настю. Села в кресло, не знаем, кем приглашенная, и стала наблюдать за репетицией. У Саши подкосились ноги.

И голоса нет, и слон на ухо наступил, безучастно выдохнула она.

Дома расплакалась: кто угодно, только не она! Конечно, у нас театр-студия. Актеры имеют право подавать заявки, тем более

Стрелкова актриса с положением. Подходя к театру, Саша, задыхаясь, слышала упорные звуки рояля и "речитативчик" репетирующей соперницы. Режиссер знал, конечно, кто поддерживает и рекомендует эту актрису "с положением". Она, напевая и пританцовывая, сделала роль неплохо. Неплохо! А Саша гениально!

Пошли репетиции в очередь. Кто будет играть премьеру? Узел туго стянулся в сердце Саши и в душах доброжелателей. Режиссер растерялся: руководство посоветовало считаться с заслугами

Стрелковой. Сорвавшимся голосом он сообщил о возможности жребия.

Наступила гробова тишина. Скрутили трубочкой бумажки со словами

"да" и "нет" и опустили в игровую шляпку. Саша вытащила "нет"...

Шесть спектаклей должна сыграть Стрелкова, потом, как обычно, в очередь...

Ах, студенческое общежитие душа моя! Какою интересною жизнью живет оно, не мен сложившихся устоев и правил! Правила эти простые: где спит студент, где он греется, общается, дружит, туда и идет на ночлег. Очаг! Гурт!

Освобождаетс от него общежитие не сразу. Уж и диплом, бывает, получит, а ноги сами идут к нагретому месту. Его никто и не прогоняет он свой, привычный. Разберись, у кого диплом, а у кого еще нету. Тем более идти некуда и незачем. Койку заняли не беда!

Свободная всегда найдется. Стоит шесть кроватей, шесть тумбочек.

У каждого свой мирок. Помню, Маша Колчина с художественного факультета на последние копейки купит сто граммов хлеба, кусок сахара, беломорину и... ромашку. Утром гимнастика, обливание холодной водой, чай с хлебом, беломорина и ромашка в стакане на тумбочке.

Открывается дверь без стука.

Залепухина Милка еще не пришла?

Пришла. На кухне она. Садись. Ты откуда?

С Рыбного!

Вот и все. Познакомились.

Сновали и знакомые, и незнакомые. Бывало, уж и семья сложится, а завалиться в общежитие святое дело. Благостно на душе.

А как никого не останется из своих, то пора и честь знать.

Перестает тянуть в общежитие, да и становится неприлично светиться там с незнакомыми.

Саша позже нас была лишена удовольствия появляться в общежитии.

Ее учеба в музыкальном училище давала право на койку у девчат в комнате. Как-то звонит она мне по телефону и сообщает:

Нонк, я в Большом театре...

А что ты там делаешь?

Распеватьс сейчас буду. Может, подрулишь?

Раньше я не красилась. Как говорится, подпоясался и вперед! Язык до Киева довел, отыскала концертный зал Большого театра и ахнула. Зал торжественный, любой голос примет... "Вы оперу любите?" "Не знаю..."

Я впервые слушала неподвижно стоящего человека, из которого шел голос, исполняющий классическую партию. Мне казалось, что голос тут же сорвался бы, если б человек шевельнулся. Все подчинено голосу, его посылает неведомая сила. Подходят к роялю и будто помещают себя в кокон. Лицо захвачено звуком и смыслом пения.

Вот и Саша. Я такой ее никогда не видела. Это как бы ее другая жизнь, которую мы не знали. Она подошла к роялю, положила на него правую руку и с выражением "не обессудьте" сдвинула брови домиком, опустила очи и после паузы вывела первую музыкальную фразу: "А-а-ве Мари-и-я..." Шуберт. Хочется плакать...

Слышал этот зал за долгие годы многих. И вот Саша. Акустика стала партнером красивого голоса. Певцам здесь привольно. Голос становится плотным и обворожительным. Сидящие вытянули шеи и стали внимать Сашиному голосу. Да, исполнила она что надо! По окончании выдержала паузу, потом ослабила позвоноч-

ник и сняла руку с рояля. Поклон был почти незаметен. Аплодировать нельзя, но по спинам было видно, с какой силой сразила слушателей Саша.

Она прошла первым номером, но не в Большой театр, а в поездку в

Лондон с группой молодых музыкантов и певцов. Внизу, у выхода, мы группкой остановились, чтоб переварить случившееся.

Пойдемте в общежитие! предложила Саша.

Пойдемте, поддержала я, хоть и знала, что дома на плите обед разогревается сын и муж ждут. Ну да ладно!..

Уехала она в Лондон. Мы уже и призабыли, вдруг слышим возвращается. Поехали встречать. Поезд подошел, молодежь загалдела: встречи, рукоплескания, радостные возгласы. Смотрю,

Саша выставляет заморский чемодан из вагона и с озабоченным лицом ищет нас. Шепчет:

Берите чемодан. Я приеду попозже.

Попозже? Почему?

Извините! Симпатичный парень галантно взял Сашу под локоток, и они смешались с суетой перрона.

Вот это номер! Сели в метро, инородным блеском светил огромный чемодан из натуральной кожи. Приз, наверное, там. Мы знали, что

Саша получила Гран-при. Разъехались по домам. Сколько ни созванивались, новостей никаких. Пришла Саша поздно, а утром тихо сказала девчонкам:

Не знаю, где мне пожить, допросы только начинаются.

Не выдумывай, здесь живи!

Потом мы узнали, что в Лондоне Сашу действительно приглашали в

Королевскую оперу. Угрозы со стороны наших и посулы любых условий со стороны Лондона замучили ее. Кто-то из музыкантов советовал согласиться попеть вдоволь, заработать, кто-то отмалчивался, а кто и понимал, что дома неминуемо возмездие.

Мы до сих пор не знаем, что же тогда произошло. Сашу в Лондоне превратили в дорогой товар и стали драться за него. Она была в смятении. Кончилось дело тем, что за кулисами ее ждал "человек из наших". Саше купили билет на самолет, как и всей группе, но нашлись люди, которые спрятали Сашу, чтоб не дать ей улететь, остаться в Лондоне. Сейчас это уже отработано и не удивляет никого. Но в те времена Боже, сохрани! Подумать о таком шаге не приходило в голову. Сообщали о Барышникове, Нуриеве как о выпавших в Бермудский треугольник. Хана!

Саша похудела, побледнела. Машинально захаживала в театр, ненадолго и в общежитие. Напористость допросов была по при-

чине незнания, дала Саша согласие Лондону или нет. Мы недоумевали: разве можно так долго мытарить человека? Стала она безвылазно лежать на кровати в общежитии. Машина приезжает, увозит ее и к вечеру обратно.

Вдруг ранним утром звонок:

Нонка, скорее! Саша умерла...

Оказывается, она ночью выпила полную бутылку уксусной эссенции, стала метаться, стонать. Девчонки включили свет, напугались, бросились помочь ей. Вдруг она, громко застонав, вскочила, подбежала к окну и выпрыгнула. Пятый этаж не убил ее. Бедняжка была еще жива несколько минут и успела с виноватой улыбкой произнести: "Скажите всем, что я согласилась в Лондоне попеть".

Попросила простить ее и семье передать, написать на родину.

Подъехала "скорая". Медбрат похлопал Сашу по щекам, пощупал пульс...

Конец, сказал он. На носилки, в машину!

Дверцу закрыли, уехали и все...

Замученна кровать, разобранная постель, тетради, книги, окно открытое... Она вылетела из него, как птица, оставив за собой след энергии жизни. Девушки онемели от ужаса, от незнания причины происшедшего. Испугались милицейского мундира, но одна из них, рыдая, осмелилась объяснить, как было дело...

Я поплелась к троллейбусной остановке. Сашки нету. Но осталась сердцевина ее голос, талант, душа...

Суетится Москва и не знает, что на узкой улице Саша лежала еще теплая, унося с собой неоценимое богатство дар показывать людей и воспевать их.

Истинно народный талант угас.

...За прошедшие годы я беспрестанно думала о талантах. На

Тверском бульваре в Москве соорудили памятник прекрасному мальчику с чубом Сергею Есенину. До чего он обласкан рукою скульптора, как свободно выставлено перед всем честным народом произведение искусства!

Появляется талант, и бросаются на него мечущиеся люди, облепляют своим вниманием и любопытством; крутятся, крутятся в его ауре, успокаиваются лишь тогда, когда найдут способ осадить, притушить вырвавшуюся личность молвой или действием.

Почему открытое полезное ископаемое ценят, радуются прибыли от него, а родившемуся таланту человека не радуются? Попользуйтесь!

Испейте, обогатитесь! В развитых странах считают престижным признать талант это как бы приобщиться к нему. Есть и искренние поклонники, знают, что появившийся источник поле-

зен для здоровь души. У нас и для здоровья не берут.

Когда-то я, еще начинающая актриса, снималась на Алма-Атинской студии в фильме "Шторм". Снимал его Владимир Борисович Фейнберг, худенький прокуренный старик. Жил он на студии в отведенной ему комнате. В ней тахта и гора книг. Был он одинок, много курил. А мы липли к нему, будто он медом был обмазан: не успев умыться и поесть после съемки, мчались к Владимиру Борисовичу. Это было интереснейшее времяпровождение: он рассказывал нам о прежней жизни, о своих давних друзьях. К примеру, о Сергее Есенине.

Наш режиссер был когда-то в "свите" известного поэта и находился возле него до последнего вечера, вернее, ночи. Гибель Есенина, говорил Владимир Борисович, ясно и логично свершилась по закону жизни. Он попал в капкан под названием "алкоголь вульгарис". Тут слились гениальность и доступность. Каждый, кому не лень, протягивал пальцы к золотым кудрям, бил свойски по плечу. В последнее время Есенин беспрестанно кричал свои стихи; роняя голову на стол, вздремнув, снова орал во всю мощь. Стали избегать его, не садиться за один с ним стол. Человек пошел в расход.

У Ильи Эренбурга в книге "Люди, годы, жизнь" рассказывается, как перед гибелью Есенин лихорадочно металс меж Ленинградом и

Москвой и как они ночью сидели в сквере на лавочке, а Есенин сказал: "Какое прекрасное слово "покойник"! Покой... Как это хорошо покой, покойник..."

Типичное разрушение нервной системы от роковой болезни. Да и не поклонники ли считали своим долгом угощать, подливать, услаждать своего кумира?

В мое время Сергей Гурзо, исполнивший роль Сергея Тюленина в фильме "Молодая гвардия", быстро стал всенародным любимцем.

Когда он снимался в фильмах и жил по гостиницам разных городов, ему приходилось есть в буфетах, ресторанах. Неистовые поклонники протягивали и протягивали рюмочки, он морщился, надеялся, что завтра заживет по-другому. Но завтра вновь прибывшие почитатели восхищались им и подносили рюмку.

В конце своей короткой жизни Гурзо ходил между ресторанными столиками и ждал угощения...

А уж о Есенине и говорить нечего. Он втянул в себя всех и вся. Тут тебе и кагэбэшники, и завистливые литераторы.

Владимир Борисович был рядом с ним в последние дни: "Он должен был с собой что-то сделать... Он был уже невыносим ни для себя, ни для окружающих". В горячке повесился, прекратив

свои мучения.

Поэт был слаб физически. Веревка оборвалась, упал виском к батарее... Накройте простыней, исполните христианский долг: помолитесь, поплачьте о потере Гения для России. Нет! Копошня, "изыскания"...

До сих пор пытит на экране телевидения бригада по дознанию причин гибели Есенина. В который раз с придыханием что-то меряют сантиметром, смотрят на потолок, и, как обычно, передача заканчивается посмертной фотографией лежащего на кровати Есенина с вмятиной на лбу. Они, изыскатели, сопят, возятся и который год ни с места!..

Сергей Есенин заболел неизлечимой болезнью и от нее умер.

Рассмотрите его новый памятник, перечитайте его стихи, возгордитесь отечественным Гением...

А тот писатель, который сообщил нам, что в составе советской делегации направляется в ЮНЕСКО, чтобы в конце концов отметить всякие сомнения по поводу того, кто истинный автор "Тихого Дона"? Помните, как вы вернулись и мы окружили вас, чтоб рассмотреть чудо-документ? Заключение ЮНЕСКО: считать Михаила

Шолохова автором "Тихого Дона", автором шедевра. Да, шедевр неоспорим, как небо, солнце и земля.

Чего ж вы, дорогой писатель, все молчком да молчком? Показали бы документ по первой программе телевидения, опубликовали бы его в газетах. Наверное, в Союзе писателей "обмолвились", но писатели

"порадовались" молча, без понту и шумихи...

Сейчас живет и здравствует идол, чудо, гений Майкл Джексон.

Короли мира ежегодно вручают почетный приз, считая его актером

Эры. Бедный мальчик, сколько он претерпел, чтоб воздействие своего таланта распространить на всю Землю!

Завистливые пустозвоны знай себе твердят: пластические операции, высветление кожи, пересадка носа...

Посетил долгожданный гость поклонников нашей страны пошло, поехало: "Ше накрашена губной помадой, лицо закрывает, старый мальчик..." Он всегда шел к вам, дарил себя вам, оттого и терпел всевозможные манипуляции над собой, чтоб стать международным образом. Измеримы ли его труд, поиски, отдача? Он живет, стора.

А "изыскатели" не дремлют им подавай клюковки. Мучаются, сучат ножками, облачаются в одежды знатоков... Лишь бы хоть как-то быть с ним. Но с ним не будешь гений недоступен, и по плечу ему только души людей. Никогда он не будет близок к

поднатюрившим в бульварном стиле, к пошлой суете.
Вдохновение не поддается описанию, да и не надо...

ЗАКАДРОВЫЕ СТРАСТИ-МОРДАСТИ

Фестиваль "Шок" в городе Анапа. Одни наслаждаются морем, встречами со зрителями, болтовней с коллегами, другие из любопытства впиваются в экран, смотрят рекомендованные фильмы или так называемые "свои", где сам участвовал.

Самые главные люди – это члены жюри. Мы их называем героями, потому что с утра до заката солнца они должны честно, без отлынивания просмотреть четыре-пять фильмов. Они и едят отдельно от нас, и в море купаются отдельно, потому что, не дай Бог, раскрыть тайну дискуссий о фильмах до момента награждения. Куда там!.. Все равно просачивается. С середины фестиваля уже витают ориентиры, намеки и собственные предположения.

Люди – навсегда дети. Ну, ты ему хоть эскимо на палочке дай, но отметь, поощри, выдели... И вот кувыркались, кувыркались разные фильмы на экране фестиваля, да и смело их прочь из решающей битвы за призы. В финал выходят две картины:

"Барышня-крестьянка" по А. С. Пушкину режиссера Алексея Сахарова и "Ширли-мырли" Владимира Меньшова.

Наблюдать за финалистами было одно удовольствие!

Сахаров, тучный, добрый, с влажным лбом, все курил и курил, ходил и ходил по коридору неподалеку от просмотрового зала. (За дверью шла азартная игра – просмотр фильма при полном аншлаге.)

Смолоду мечтал похудеть – и никак! Так и остался милый

"бегемотик" – медлительный, вежливый и очень талантливый. Я у него снималась в фильме "Случай с Польшинным" – именины души!

Знает и свою профессию, и жизнь, и людей. К примеру, привез он съемочную группу аж в Сибирь. Фильм этот был у него первый по счету. И вот первый съемочный день, знакомство с коллективом, и надо не ударить в грязь лицом при первой разводке кадра. Кругом заснеженные кедры и непроходимые сугробы. "Светики" и "технари" ждут, куда волочить нешутейную по величине и весу "амуницию".

Леша и так, и так объясняет оператору, возле какого кедра обосновываться. Оператор смотрел-смотрел на красавцев кедрочей и не понимал, какой из них тот самый. Леша оглянулся, пошарил глазами, увидел спасительный плотницкий топорик и запустил его вперед. Топорик пролетел метров восемьдесят и воткнулся в ствол дерева.

– Видишь? – Белозубый Леша, с красным от мороза лицом, улыбнулся.

Съемочная группа восхитилась его мастерством. Зауважала.

Познакомились... Личный пример – это сила, это основа.

Вот и сейчас на фестивале Алексей Сахаров личным примером призвал наконец бросить всяческую бузу, мутившую в последние годы киноискусство. Он выставил фильм, на котором мы будто испили ключевой воды, надышались свежим воздухом, напитались чем-то нашим, родным.

После просмотра облепили его с поздравлениями. Сенсация! Леша, взволнованный, оглядывал всех с благодарностью. Коллеги признали и поняли: блестящий фильм! Я расплакалась.

Растеплился фестиваль. На обеде обнимали создателя фильма. Те места за столом, где сидели режиссеры картин о "сексе с трупом", были пусты. Об этих не будем.

Назавтра выставлялась картина Владимира Меньшова "Ширли-мырли".

Прочитав сценарий, я отказалась сниматься. Еще бы! Володя сказал, что роли нет, но я должна прийти и "привнести".

– Да не привнесется, Володя! Если нет, на чем привносить...

– Ну ты... сможешь. Заплатим хорошо... Три миллиона.

Я замолчала в раздумье. Три миллиона! Я и не держала в руках таких денег тогда: перестройка шла, денег не хватало, талоны появились...

– Согласна?

– Согласна.

Ну ничего! "Пропутаню". Бочком, бочком, незаметненько и отработаю.

На съемках всячески увиливала от кинокамеры, потому что артисту необходима конкретность в действии. А этого нема! Меньшов – настырный: то рюмку даст подержать, то велит станцевать с

"послом". Хорошо, что спиною. И набралось "гениальной" игры – не нужной ни мне, ни зрителю. Особенно торт, брошенный мне в лицо...

Три миллиона отсчитали и разошлись по-хорошему. Больше никогда не буду сниматься за деньги!

Остальные работали с душой, каждому было, что играть.

И вот Анапа, фестиваль. Володя на просмотр не явился. Его видели купающимся в море в одиночку, потом отдельно от всех на ужине.

Несмотря на аншлаг в просмотрном зале и на успех в Москве в кинотеатре "Россия", он знал, что после фильмов "Любовь и голуби" и "Москва слезам не верит" планка успеха резко упадет вниз. Так и вышло: "Ширли-мырли" кинематографисты приняли спокойно и тихо. "Барышня-крестьянка" смела с пути и этот

фильм.

Видим, Меньшов является к обеду, ужину один, ни с кем не общается... Обиделся! Как мальчик – обиделся... На рейде стояли корабли. Моряки с удовольствием приглашали к себе на творческую встречу тех, кто свободен. Володя деловито уходил к машине, присланной за ним, к вечеру возвращался. Морякам до лампочки оценки фестивалей! Главное – увидеться с известным актером и режиссером. Однажды Володя приходит к обеду, держа в руках подарок – бескозырку. Слегка просветлело лицо "поверженного героя".

Когда улетали, он с благоговением поставил в проходе самолета спортивную сумку, в которой сверху лежала бескозырка. Через проход возле сумки сидела я. Мы разговорились с ним и с его соседкой по креслу Инной Макаровой. Инна защебетала что-то о необходимости выпить водки. Чего там говорить, все побаиваются летать на самолете, а рюмочка-другая снимает страх. И правда – выпили, осмелели. Набрали высоту, табло погасло. Вижу, как протискивает себя между креслами Леша Сахаров. Он, наверное, вспомнил мои восторженные слезы, когда я поздравляла его с картиной, и решил потолковать обстоятельно. Он дошел до меня, неся две рюмки водки, как в светском собрании. Неторопливо уселся на сумку с бескозыркой и подал мне выпить. Мы чокнулись, выпили, я увидела, что Леше хорошо. Он приготовился к долгому разговору со мной. Тем более давно не виделись. Друзья все же.

– Леша! – закричал Володя Меньшов.- Леша! Встань, встань! Ты сел на мою сумку!

Он взял его двумя руками за локти, но куда там! Леша блаженно курил сигарету, затянулся дымком и приступил к беседе. Володя, негодуя, попытался поднять его, но центнер не поднимешь, тем более "расслабленный" центнер...

Тут Володя сбивает его собою вбок, Леша не замечает, как оказывается на ковровой дорожке, и продолжает беседу. В гневе

Володя, чуть не плача, берет в руки искореженный подарок. Мнет его, выпрямляет, но тщетно – бескозырочки не стало. Сел, уперся лбом в иллюминатор, так до посадки в Москве ни разу и не повернул лица в салон.

Неподалеку сидел маститый, богатый и славный актер театра. Я смотрела на него: важный стал, тихий, степенный, семейный. А раньше бывало – разлетайтесь кто куда! Чуть что – в драку. Из

Сибири приехал – когда и рюмочку примет, а когда и вторую.

Большой, мускулистый красавец шахтер встал перед экзаменационной комиссией да как крикнет, расставив руки: "Не шуми, мати зеленая дубравушка, не мешай мне, добру молодцу, думу

думати!" Талант пришел, человек из народа пришел, от самой русской земли... Весь женский род задохнулся: выбирай любую! А ему только роли учить да книги читать в общежитии, по всем предметам сплошные пятерки.

На семестровый экзамен Сталина сыграл. Еще больше тогда актер славился, если вождя сыграет. А он – и Кирова, и дядю Ваню, и

Эзопа. Уж так внимательно слушал режиссера – хоть в кино, хоть в театре. Сам такой буйный, неумный – в ролях, а в жизни – мягкий, нежный и... суровый.

Явление в искусстве становится известным еще на корню, то есть еще во время учебы. Разные театры и студии приглашали его в штат, а он не мычит, не телится, будто что-то задумал. А задумал не он. Задумала зазноба из Харитоньевского переулка. Красивая, чопорная однокурсница, обиженная актерскою судьбою. Таланта в ней ни на копейку. Она металась, искала себе применение, но...

Один раз даже Надежду Крупскую пыталась сыграть в учебном спектакле о революции – не получилось. Хотели отчислить за профнепригодность, но она вступила в партию, и ее оставили учиться до конца. Дальше задача была полегче – приручить этого шахтера в штопаном свитере и кирзовых сапогах. Стали они иногда исчезать и жить на ее барской двухэтажной даче. Машина "форд" привозила и увозила их. Он ничего такого сроду не видел. Не заметил, как оказался в золотой клетке. Что делать?! Захотелось на волю. Бросился в общежитие, к своим. Наварил картошки, бутылку поставил и пригласил ребят "на возвращение". Уж так баловался с ребятами, так щекотал девчушек – любо-дорого.

Но ненадолго, вернулся. Началась игра – перетягивание каната.

Один раз даже ее мамаша пожаловала за ним на машине. Он опять поддался комфорту: отмылся хорошенько, отъелся, отпился, а в понедельник утром – "по-над забором, по-над забором – и до

Колчака". От этого перетягивания каната защищался только неистовой работой в театре и в кино. Вскоре стали вручать ему ордена, звания, вплоть до Ленинской премии. Отменный актер и сейчас. Я с ним не раз снималась в разных фильмах, у нас до сих пор приятельские отношения.

Привезут, бывало, его на съемку, а он ляжет на траву и, глядя в небо, как заорет: "Ой, девчата! Ой, как с вами хорошо! Вы, как картошка, никогда не надоедите!" Однажды после такого вступления помолчал, потом тихо сказал: "Тяжело мне живется... Ну я когда-нибудь расскажу..." Вдруг вскочил как ошпаренный, крас-

ный как рак, и закричал на весь лес:

– Сейчас вот Ленке проспорил бутылку – не на что купить! Не на что! Меня из дому выпускают с рублем, не поверите? Правда. У нас целый дом фарцы всякой, спекулянтов... Только и слышишь: "Шуба, сервиз, ковер, дубовый паркет..." И никто никогда не спросит:

"Не тяжело ли тебе играть главные роли в кино, в театре?" И на рад-ди-о теща не рекомендует отказываться!.. Валидол сую в рот...

Вот только с вами и отдохнешь... Втянулся я... Она баба неплохая, но больно клетка золотая... С вами лучше...

Приезжаю я как-то в Касимов на съемки, останавливаюсь в Доме крестьянина, бывшей церкви, глядь – старинной массивной ручки на двери уже нет.

– Да тута ваш артист был, ручищи большие, сильные... Он ее и свернул... Два мешка церковной лепнины набрал. Сказал – для дачи. А мне что? Церква заброшенная. Все растаскали... Не охраняется.

Догадалась я, о ком речь. Значит, свыкся окончательно с золотой клеткой.

Так он и ужился с женой, сделался солидный, важный. Препо-дает, ставит спектакли. И вот заворачивается грандиозный фильм. Орава известных актеров приглашена со всей страны. Он на самую главную роль.

Для съемок выехали в экспедицию, расположились среди русских красот средней полосы.

Утром за завтраком появляется буфетчица. Модно одета и на-крашена. Игриво облизывает губы, спрашивает: "Что прикажете?"

Посмотрела завлекающим взглядом на нашего героя: "Ой, ка-кой вы!"

Покраснела, прикусила пухлые губки.

– О-те-то-да-а! – оценила ситуацию пожилая с юмором актриса.

-

Откуда вы, такой пончик? Как вас зовут?

– Ничего особенного, Зина.- И залилась звонким смехом: – Зин, поди-ка в магазин! Ха-ха-ха!

– А выпить у вас есть? – спросил он.

– Для вас любой каприз! Ха-ха-ха!

Съемочная группа насторожилась, зная об очень редких, но метких запоях маэстро. Пропустили момент, когда буфетчица Зи-на и маститый артист с корнем были вырваны из земли и похи-щены неведомой силой. Паника. В мегафоне звучит призыв ис-кать.

Облазили все улицы и дворы деревни. Вдруг в один из вечеров главный "сыщик" – помреж, глядя на компас, уверенно сообщил: последний раз его видели ночью, когда он перебежал шоссе, а потом махнул мимо пахоты.

Режиссер тяжело дышал, глядя себе под ноги. Каждый день простоя стоил больших денег...

– Чего вы ищете? – спросила проходившая мимо бабка с ведром. Артиста?

– Да! Где он?

– Где она, там и он,- ответила бабка и рукой указала на окна избы.

В избе на столе натюрморт длительного запоя. Укрытые тонкой простыней гуляки спят крепко...

К вечеру примчалась жена, подогрела воду, помыла своего амурчика мочалкой с мылом. Поди ж ты! Талантливый, бурный в разговорах, интересный и остроумный, он при виде жены ментально затих.

Ничего из себя не представляющая жена убедила муженька, что тот

Богу должен молиться за подарок в лице супруги. Это она снизошла до него, подарила себя ему.

Съемки идут. Жена сидит под деревом, от мух отмахивается, а Зинка в купальнике загорает неподалеку. Вдруг наш ненаглядный наклонился над плотницкими инструментами, собрал в кулак штук шесть гвоздей-двухсоток, засунул за ремень молоток, деликатно взял свою супругу под руку и повел на второй этаж дачи, где они квартировали.

Слышатся мощные удары молотка, потом наш герой спускается и кивком головы подает Зинке знак к отходу.

– Дорогой! – кричит режиссер.

– Креста у тебя на животе нету,- отвечает ему "дорогой" и тает с Зинкой в зарослях.

Что за фокус? Оказывается, жена заперта на втором этаже – вернее, замурована за забитой дверью, а нашему герою – несколько часов свободы от всего и всех...

А между тем Москва свои жернова крутила. Как-то зазвонил телефон.

– Нонночка! Наш кинотеатр "Космос" устраивает юбилейный вечер, творческий отчет героя вашего фильма.

– Отлично... А я при чем?

– Ну как же! Вы в стольких фильмах с ним встречались!

Расскажете, вы можете...

– Хорошо, я согласна.

Времени было еще достаточно, но дама из кинотеатра дергала меня чуть ли не каждый день, да и не только меня – всех почти из нашей съемочной группы.

– Раз сказала – буду.

И вот по закону подлости ближе к юбилейному вечеру ненаглядный наш и канул со съемок с буфетчицей.

Я ничего не знаю, продумываю, что надеть, как выглядеть хорошо, что сказать...

В назначенный день долгожданный звонок.

– Нонна Викторовна, мы вышлем вам машину к семнадцати часам, начало в восемнадцать.

Выхожу, сажусь, еду... Водитель молчит. Чувствую, витает напряженка. Подъезжаем. У входа стоит бледный, словно мелом припудренный наш администратор Эдик.

– Что с тобой? Ты болен?

– Хуже.

– Юбилей-то будет?

– Обязательно, но... без юбиляра.

Мы переглянулись с пришедшими актерами... Стали думать.

– Ну, Нонна, что вы, не выкрутитесь? Такая бригада!.. Я предлагаю так: все выходим на сцену, аплодируем и садимся на стулья под экраном. Вы по очереди будете рассказывать о нем все, что только можно. Шалевич пусть, как от театралов, начинает, а ты, как от киноактеров. Я за это время съезжу в Монино на съемки и упаду в ноги режиссеру, чтоб отпустил его на вечер.

– А почему так уж падать? Всегда отпускают. Что мы, его съедим, что ли?

– Вы же знаете, какой режиссер вредный! Он никогда не отпускает актеров из экспедиции, кроме как на спектакль. Ладно, ребята, я поехал, а вы начинайте.

Первый выступающий задал стиль неспешной дружеской беседы. Из кабинета администратора несло винегретиком и жареным луком...

– Ничего, выкрутимся!

Выходили мы друг за дружкой, говорили, говорили. Зритель доволен, слушает, аплодирует. Мы и по второму разу подходим к микрофону. И когда вконец обалдели, я как раз стояла у микрофона, слышу: сзади стул скрипнул, – обернулась. Эдик садится. Я выразительно глянула: "Ну, как?" Он отрицательно покачал головой: "Не отпустил".

Потом Эдик встал рядом со мной, зааплодировал, зал тоже... И сказал:

– Дорогие зрители: съемки закончились, актер переодевается – и сразу к вам. А чтоб время зря не проходило – сделаем небольшой

перерыв и покажем вам двухсерийный фильм с участием нашего героя.

Публика вышла в фойе, а мы – к винегрету.

Кончился перерыв, и Эдик попросил меня объявить фильм.

– Ой, я боюсь! Мне кажется, они стащут с меня юбку и начнут лупасить за обман.

Выхожу на сцену, а зрителей-то всего человек пятнадцать осталось, а ведь был полный зал. Может, обман почуяли, а может, просто утром рано на работу, да и всегда в Москве с транспортом проблемы...

Разные характеры и всякие ситуации бывают в кино. Он, актер, потом и сам мучается, стыдится своего поступка. Зато как отлетит в дали дальние, в думы творческие, то и не вспомнит ни о каком таком случае, и люди радуются, глядя на экран или на сцену: он ли это? Откуда такой талант в человеке? Актер рождается с запасом на бесконечное сострадание, на крайности в поступках своих и постоянную надежду. Актер не копит свои силы, не думает о безбожном расточении себя.

Наше орудие производства – душа, анализ, поиски живой крови, искренности и многого не видимого никому. Со стороны незаметно, но "прижигание" души временами бывает нестерпимо жарким. Вот и ответ тут зрителю, как мы работаем в кино. Ведь все равно, рассказывая о съемках, актер будет крутиться вокруг да около, потому что передать лепку роли, проследить за каждой стадией ее развития он не сумеет. Процесс актерской работы непоэтичен и неромантичен. Это грызня, споры, поиски и попытки, и снова попытки, то есть дубли. Много дублей. Попадание в "яблочко" – радость, восторг всей съемочной группы. Но это "яблочко" зарабатываешь иногда целую смену. Я не говорю о кинематографе, скатившемся к бессмыслице, когда легкой походкой ходят актеры, лежит на раскладушке под зонтиком режиссер, примитивный текст сам выговаривается, что над ним суетиться... Режиссеру остается только уловить момент, когда высказать свое резюме: "Ну что, ребятки, отстрелялись?" Потягушечки, сладкий зевок – и к машине.

Дело сделано. Но зато с какими значительными лицами они, сидя рядом с вождями, слезно просят деньги на высокое и нужное народу дело – искусство кино. И таким-таки дают деньги.

Так вот, те фильмы, что десятки лет не стареют, не обесцвечиваются и волнуют и по сию пору весь мир, снимаются не так.

Надо подобраться к нам вплотную во время споров, репетиций, взглянуть в наши глаза и увидеть, как в такт сердцу бьется кончик воротника режиссера и как трудно дышать актеру, так трудно, что вопль вырывается наружу.

Например, как в "Родне" у Никиты Михалкова. Идея фильма была ясна: показать, что не надо торопиться разрушать семью, как много теряют люди, когда порывают со своей родней, с местом, где родились. Но это только кажется, что все ясно и просто... Боже, что это была за работа! Сердце иногда останавливалось, режиссера ненавидела, а он неотступно требовал исполнять только так, как он видит. Такого, как Никита Михалков, можно и послушаться, но ведь не всегда. Бывало, все в тебе сопротивляется, тянет к другому решению. Ссоры были, творческая любовь была, единение и смешливость возникали обязательно, как награда за трудный рабочий день,- смех, смех и смех... Он заводной, остроумный и изобретательный. Футбол, чаепитие, гитара, песни, рассказы... И вот драка!

Началось с того, что Никите нужно было снять мое лицо с наитрагичнейшим выражением. Это финальный эпизод на вокзале, где провожают новобранцев в армию и я между ними кручусь с ведрами, ищу бывшего мужа, Вов-чика ищу. Я твердо решила позвать его домой, в деревню, обо всем сговорились вчера. "Ведь ты же обещал... Нам надо ехать... Э-эй!" Мне сыграть надо было смятение, граничащее с потерей и гибелью. Я знала, как готовиться к такому крупному плану и как его выдать на-гора!.

Никита знал мои возможности, но хотел чего-то большего. (Мы слышали, что за границей кинорежиссеры сильно бьют актрису по лицу, отскакивают от камеры, и оставленная актриса "гениально" играет – и слезы ручьем, и тоска прощания. Люкс!) И вот Никита

"приступил к получению" такого выражения лица, которого не было у меня еще ни в одном фильме.

Уселся, лапочка моя, на кран вместе с камерой и стал истошно орать – командовать огромным количеством новобранцев и выстраивать в толпе мою мизансцену. Я на миг уловила, что ему трудно. Мегафон фонит, его команды путают, а мы с Ванькой

Бортником – "мужем" – индо вопреки от повторных репетиций.

Вдруг слышу недобрую, нетворческую злость в мой адрес. Орет что есть духу:

– Ну что, народная артистка, тяжело? Тяжело!.. Подложите-ка ей камней в чемодан побольше, чтоб едва поднимала.

Шум, гам, я повинуюсь. Чемодан неподъемный, но азарт помогает.

Снова, снова и снова дубли. Чувствую, что ему с крана виднее и что-то не нравится. Для него быть в поднебесье на виду у молодежи и не решить на их глазах, как снимать, невыносимо.

– Ну, что, бабуля, тяжело? А? Не слышу! Подложить, может, еще?

– Мне не тяжело! – срывая связки, ору ему в небо.- Давай снимай!

– Нонна Викторовна! Делаю картину я. Могу слезть и показать вам, как нести тяжесть и в это же время искать свою надежду, своего мужа Ваню. Где ты, Иван?

– Здесь я! – с готовностью кричит Ваня Бортник.

– Вы видите его, народная артистка? Или вам уже застило? Да, трудно бабушкам играть такое.

Я поставила тяжеленные вещи и устремилась к вагончику. (На съемке у нас вагончик – комната отдыха.) До сих пор не могу понять, как Никита почти опередил меня, и в тот момент, когда я стала задвигать дверь, он вставил в проем ступню и колено. Не пускает. Я тяжело дышу, вижу, что и он озверел. Ткнула его со всей силы кулаком в грудь – не помогает. Схватила за рубашку, посыпались изящные пуговички с заморской пахучей одежды. Тут я пяткой поддала по его колену и, ничего не добившись, кинулась на постель.

Сердце вырывалось из ушей.

Секунду он постоял молча, потом закрыл дверь и вышел вон.

Через некоторое время входит Павел Лебешев, оператор.

– Нет! – вскакиваю. – Уезжаю в Москву! С этим козлом я больше незнакома.

К окну подъехала "скорая". Она всегда дежурила у нас на съемке.

Пока врачи щупали пульс и готовили укол, я орала на весь вокзал:

– Уйди, Пашка! Не будь подхалимом. Сниматься больше не буду! И его духи больше нюхать не буду.

Пашка садится на противоположное сиденье и говорит:

– Понимаешь, сейчас отличный режим...

– Не буду!

– Солнце садится, объемность нужная!

– Не буду!

– И отменная морда у тебя...

– Не буду! Отстань!

Он встал, попросил сообщить, когда я буду готова продолжить съемку. У меня мелькнула реальная, практическая мысль: "Морда отменная, режим природы отменный, надо скинуть этот кадр..." И, придерживая ватку на месте укола, я встала как вкопанная в кадр.

Боковым зрением вижу: к камере подходит Никита.

– Значит, так...

– Молчать! – ору я.- Пашке говори, а он – мне! Через переводчи-
ка, понятно?!

Подходит Павел.

– Сейчас мы снимем крупный план, где ты зовешь мужа.

– Хорошо,- говорю.- Давайте. Ваня, ты здесь?

– Здесь.

– Паша! Слушаюсь твоих команд.

Никита тихо ему в ухо, а Пашка корректирует: правее, левее,
туда посмотри, сюда.

– Приготовились! – кричит Никита.

– Приготовились. Начали,- тихо говорит Павел для меня.

Я им выдала нужный дубль и резко пошла к машине.

– Давай еще один,- попросил Пашка.

– Обойдетесь! Небось на кодаке снимаете. Я сегодня Род Стай-
гер, даю один дубль!

В гостинице долго стояла под душем, пытаюсь решить, что де-
лать.

Бросить картину я могла по закону. Но роль бросать жаль...

Вытерлась, застегнула все пуговички халата, слышу деликат-
ный стук в дверь.

– Кто?

– Мы.

Это мои "товарищи по перу" – Всеволод Ларионов и местный,
днепропетровец.

– Садитесь,- говорю.

Ставятся пиво, кукуруза вареная и нарезанное сало в газете. Я
сучусь с посудой, достаю колбасу, вяленую рыбу, хлеб.

– Негоже позволять мальчишке так унижать тебя перед всем
честным народом.

Я молча накрываю на стол, ставлю стулья. Снова стук, но уже
не деликатный.

– Да-да,- говорю.

Входит Никита и прямым ходом в спальню. Такое впечатление,
что и не выходил из нее никогда.

– Нонночка,- зовет меня. Я не гляжу на него. Он еще раз: -

Нонночка...

Обернулась, вижу красное, мокрое, в слезах лицо, тянет ко мне
ладони, зовет к себе. Я посмотрела на сидящих, их как корова
языком слизнула.

Так и стоим – он ни с места и я. "Нонночка",- заплакал.

Ох, негодный, таки добился! Пошла я, не торопясь, к нему, он
обнял меня и смиренно застыл.

Так постояли мы, потом он сказал:

– Пойдем, милая моя. Пойдем ко всем нашим, чтоб они видели, что мы помирились.

Выходим, на Танюшку, его жену, наталкиваемся. Она взволнована.

– Танечка! Посиди у телевизора. Мы скоренько придем,- говорит

Ни-кита.

С криками "ура" нас принимали, целовали, угощали, пока Таня не крикнула:

– Никита, тебя Берлин вызывает!

Хорошо, когда у режиссера жена не актриса. Уютно в экспедиции, чистосердечно поболтать можно, потискать маленьких еще тогда их деток. Танюшка – переводчик и в прошлом фотомодел. Что я ей?

Чем лучше работаю, тем как бы лучше для фильма, а значит, и для ее мужа Никиты.

Но не приведи Господи с талантливым режиссером найти общий язык да с полуслова понимать и восхищаться друг другом, когда появляется истерзанная завистью его жена-актриса. Искусство, как ты сладко и как ты горько! Если способная и профессиональная актриса поглядывает на наш с ее мужем творческий "пинг-понг", для нее сильнее боли нет на свете. Ей видны все точки нашего душевного единения, наш эмоциональный подъем, наше торжество в момент достижения искомого решения кадра или эпизода. Когда это случается, удержаться от благодарной улыбки невозможно, пусть даже в это время за нами наблюдает жена. Это всесильная ревность и всесильная измена жене-актрисе. Разве можно сравнить чувственность к мужчине с чувством совместного достижения взаимопонимания в творчестве? Искусство сильнее всего.

Жена-актриса готова броситься с обрыва не от земной ревности, а от отторжения ее от этого локомотива искусства, который мы ведем сейчас без нее.

Мне частенько приходилось испытывать на себе ревнивый взгляд жен-актрис. Я не находила способа унять их муки.

Но один случай был вселенский. Не знаю, почему меня избрала для своих терзаний та актриса. Я в фильмах ее мужа снималась редко, и то в эпизодических ролях. Перед ее глазами была масса женщин, и наших, и иностранок, в десятках фильмов мужа. И сама она снималась у него. Так чего ей? Как случилось, что я задела ее сердце, заставила страдать, ревновать, завидовать? Не отрицаю: между мной и режиссером возникли единение и понимание, когда я тютелька в тютельку исполняла то, о чем сговорились.

Волей-неволей торжество выразалось на наших лицах. Ну как бы это все объяснить поточнее... Пришел ко мне телевизионный мастер настроить новый телевизор. Сел к нему лицом, стал пальцами перебирать, как по клавишину, заулыбался: "Ищет, ищет, милый..."

Совершенство аппарата восхитило мастера, и он улыбнулся. Вот наконец я и добралась до характеристики творческой близости, тяги и благодарности друг другу.

Так вот, запускает муж очередной фильм, и жена узнает, что одну из ролей он хочет поручить мне. Представляю себе, какая завертелась история! На подушечке, лежа с мужем, много можно чего наворковать. И ворковали во все века. Вплоть до разжигания войн... Пользуясь подушечкой, жена переправляет весь фильм снимать "за кордон", хоть он весь из русской жизни, а мою роль беретса исполнить сама.

Искусство, жестокая ты вещь!

Помню, ездила я по Сибири с творческими вечерами. Машина теплая, водитель Иван Герасимович, упорный такой. Гололед не гололед – гонит с любой скоростью. Надо поспеть. Люди ждут.

Неразговорчивый: налег на руль – и вперед. Я все же сумела распознать, что у него пятеро детей, живут в маленьком поселке, жена валенки катает на фабрике, а дети любят рисовать. В каком-то городе накупила цветных карандашей и альбомов для рисования. Купила не от щедрости, а от воспоминаний детства.

Собственно, и вспоминать было нечего: этого добра у нас в детстве не было. Когда уже в старшие классы пошли, и то лекции писали на ненужных книгах между строк... Я покупала все это и представляла онемение детишек при виде альбомов и цветных карандашей. А запах... Сейчас повсюду есть бумага и краски, но дорого, а их пятеро, и они любят рисовать.

Потом заехали мы на какую-то ферму. Я раздухарилась, выступаю, народ доволен. Перед дорогой не только ужин был, но и убийственный подарок. Сначала гром аплодисментов, потом вижу: дом едет на колесиках размером с собачью будку. А это не будка, а огромный торт-теремок. Вот это да!

Водитель с каким-то дяденькой хорошенько пристроили торт на багажник на крыше. Мчимся дальше. Я сперва сама мозговала свою мысль, а потом и Ивану Герасимовичу сообщила:

– Решила вашим детям торт подарить. Во радости будет – на всю жизнь!

– Да что вы, Нина Викторовна...

Я не поправляла его, потому что он не знал, что, кроме Нины, есть еще и Нонна.

– Не о чем говорить! Завезем торт детям.

– Спасибо, спасибо...

– Обрадуются?

– О! Не то слово!

Ну вот, отлично. Опять я не из щедрости. Я не знаю, что такое щедрость и скупость. Представилось мне чудо чудное – въезжает дом, а его можно есть. Когда я маленькая была, то мечтала, чтоб скамейка или кадушка была из конфет. Укусил и дальше пошел...

Вот и закончились мои гастроли. Вздохнула с облегчением, приустила я за восемь дней. Подъезжаем к вокзалу. Провожаящих немного, но есть. И из местных руководителей, и просто зрителей.

Обычная вокзальная суэта, размещение по купе. Сердце екнуло: не забыть бы проститься с Иваном Герасимовичем.

Поезд цокнул колесами и тихо начал двигаться... Я увидела машущую руку своего водителя и то, как он спускался по лестнице в темноту. Крикнула ему что-то на прощание. Чую, беспокойно у меня на душе. Поезд маленько ускоряет ход. Вспомнила: торт!

– Стойте! Стойте! – кричу во все горло.

Проводница с недоумением взглянула на меня.

– Миленькая, остановите! Он забыл... Понимаете, торт для детей забыл.

– Не могу, дорогая, не могу.

– Остановите!

– Не хулиганьте! Думаете, если артистка, то вам все можно?

Из купе высунулись люди.

Я побежала к стоп-крану, дернула рукоятку вниз, а сама спрыгнула на ходу на заснеженный кустарник. Тапочка по пути слетела с ноги

– черт с ней! Вижу, Иван Герасимович протирает стекла машины.

– Ива-а-ан Гера-симович!

Он выпрямился, пшикнули тормоза всего состава, а я, едва дыша, ругаюсь:

– Ну как же вы забыли торт?!

– Я не забыл... Неловко было без вашей команды.

– Так бы и уехали?

Поезд стоит...

– Быстрее в машину! – скомандовал он.- Простыть в наших краях ничего не стоит.

Я юркнула на сиденье рядом с ним, и мы поехали к моему вагону.

Несколько железнодорожных фуражек появились возле вагона. Как могла, ерничала, умоляла, просила. Иван Герасимович

вошел в вагон и попросил помочь вынести торт на перрон. Фу-у! Вот теперь до свидания... "Так это такой торт?!" Я только молча кивнула.

Душа начала успокаиваться, но ни одна дверь не открылась, никто не пригласил на чай. Проводница и та успела сообщить: "Чай будет утром".

Слышу: "Что хотят, то и делают", "Ну, это же Мордюкова", "Самолет остановит", "А что ей!", "Такие торты получать!". Я поменялась с одной дамой, чтоб укрыться на верхней полке.

Укуталась одеялом и стала "думу думати". Представила, как дети раскроют глазки, им будет непонятно, что калитку от заборчика можно положить на тарелку и съесть.

"Дающая рука не скудеет",- гласит мудрость. Насчет отдать, подарить, помочь – это я всегда готова. Наверное, и дающая душа не скудеет. Уж так хочется до доньшка выложиться в каждой роли, чтоб аж подрумянилась, как хлеб... Тогда и подавай зрителю.

Колеса поезда мягко постукивают, а я взялась подхвалять себя, чтоб снять неприятный осадок ("Такая да растакая эта

Мордюкова!"). "Да,- говорю себе.- Ей все можно! Остановила поезд, видите ли..."

Ну, не выходить же мне в коридор и не сообщать всем, что детям торт подарить хотела, радость доставить...

Я еще и не то могу... Знали бы вы, как прекрасный режиссер Григорий Чухрай ("Баллада о солдате", "Чистое небо") приступал к фильму "Трясина". Сколько актеров мечтали в нем сняться!

Сценарий, роли заворожили всех. Жанр – трагедия. Ну, сначала, как обычно, кинопробы. Режиссер пригласил на них шестьдесят актрис. Но даже репетиции и пробы были интересны. Старались, искали, находили. Лишь Людмила Гурченко посчитала это унижением и добровольно вышла из "очереди". Да еще одна актриса, боевая, физически сильная, додумалась пойти к жене Чухрая, пыталась убедить ее в том, что была не в форме и поэтому сыграла на кинопробе плохо. От этого Григорий Наумович остыл к ней окончательно и вычеркнул из претенденток. Семь раз я играла самые трудные, самые драматические эпизоды. Как-то не выдержала и заняла:

– Я не доведу, не дойду, больше не могу...

Так горько рыдала в темном павильоне, что чуть не потеряла сознание.

– Дойдете! Кто другой не дойдет, но только не вы...

С театром мы поехали на гастроли. И от синего моря и красот юга дважды приходилось выезжать по телеграмме в Москву на пробы.

"Опять к Чухраю?! Он сошел с ума",- сказал на проходной студии редактор Карен. А я сдаваться не хочу. Вдруг?! Меня вся группа жалеет, обещает – скоро конец, мол, пробам.

И вот однажды – я стирать собиралась – звонок. Мыльной рукой взяла телефонную трубку: меня утвердили на главную роль.

Машинально подошла к ванне с замоченным бельем, села на табуретку. "Молодец, Нонна,- сказала я себе.- Победила!"

ДУРКА

Ой, чай малиновый,
Один раз наливанный,
Один раз наливанный,
А семь раз выпиванный...

Ой, чай малиновый! Хорошо тому, кто родился в капусте... Тихий, добрый хутор. Трудовой народ нажарился за день на солнце, накрутился в поле досыта. Ночь пришла. Утомонились, млеют в постелях. Глаза закрыты, думу думают, "убаюкалку" поджидают. Вот она уже слышна. Знакомый сипатый голос приближается и мурлычет из года в год одно и то же четверостишие. Это блаженный

Коля-Портартур. Появился он здесь с незапамятных времен, как и хутор. Люди уважают Колю – боязно брать на себя право оценивать тайны внутреннего мира нормой привычного типа человека. Всех устраивает его простая сущность, в которой только и есть что послушание, беззащитность, трудолюбие и всегдашнее ожидание поозоровать с детишками.

– Коля-я-я! Скажи "Порт-Артур"!

– Па-та-туй! – счастливо выкрикивает он, предварительно поставив ведра с водой на землю.

– Покатай, Коля (на плечах)!

Он выставляет указательный палец и отвечает: "Ни-изь-ля!

Ни-изь-ля!" Дескать, дело на безделье менять нельзя.

Наутро хутор как мертвый – все до единого в поле: страда. Пекло, тишина. Мне девять лет. Я посажена мамой встретить самый-пресамый дорогой груз...

"Не пропущу, мамочка! Я тебя люблю, и то, что везут, мне тоже позарез нужно. Я тут, у хаты. Я жду!" Сижу, не шелохнусь, позволяю себе только кусачую муху отогнать. Вижу лишь ту часть дороги, что ныряет вниз... Наконец-то с провального места повалила пылюка! Я вскочила, прыгаю. Дядя Ваня с деревянной ногой толкает впереди себя двухколесную повозку, а на ней поперек что-то продолговатое. Будь она неладна, эта пыль, стоит на месте и не дает как следует увидеть обнову. Вижу наконец прилипшую к мокрому телу майку и качающегося от хромоты человека и понимаю: поперек повозки лежит шифоньерка!

– Шифоньерка! – кричу я.

Дядя Ваня заводит повозку во двор и ставит красавицу в тень под яблоню. Обтирает пыль, достает рисунчатый гребешок и надевает наверх. В гребешке выжжен кораблик.

– Ну вот, Петровна попросила... Сама и рисунок составила.

– Мама не составила рисунок! Она срисовала у Кукаречихи в городе!

Дядя Ваня набрал воды ковшиком из кадлушки и, припав к ковшу, замер. Высосал весь ковшик, крякнул, сел в тень и стал крутить сигарку. Я вынесла из хаты железную коробочку из-под зубного порошка. На ней негр смеялся большими белыми зубами. Мама любила чистить зубы щеточкой.

– Вот вам деньги. Мама наказала взять, сколько надо.

Он достал все деньги из коробочки, потом часть из них взял, а остальные положил на место.

– На, поставь, куда следует... На что оно, такое высокое?

Как в городе! Мама сказала: "У нас будет шифоньерка. Как в го-ро-де!"

Отец по ее просьбе поставил обнову углом, как икону, и от нее мама протянула к двери домотканую дорожку. Жизнь стала интереснее. И вставалось утром, и ходилось как-то по-новому: глянешь на шифоньерку – и сердце радуется. Мы стали другие – по хате дух богатства и красоты стал летать. Первые дни я и из дому не хотела выходить, потом привыкла, стала бросать шифоньерку и бегать с детьми на край села.

– Е-е-дут, е-дут!

Мы наперегонки. Это на арбах наши мамы с песнями возвращаются с работы. У каждой в торбе засохшие крошки хлеба. Считалось – от зайчика. Мы верили и уплетали с радостью – как же, от зайчика! В сельпо дети не ходили, потому что деньги нам еще не давали.

Конфет ни у кого никогда не было, вместо них стояла патока на прилавке...

И на тебе – попадаем в сельпо! В нем не сразу приморгаешься.

Окон нету – лампа керосиновая висит, да двери здоровенные разведены по сторонам. А приглядишься, тут и увидишь: хомуты, сбруи, коромысла, платки, материя, бусы. Поправей – соль, уксус и пряники.

Вдруг в раскрытую настежь дверь заглянуло солнце. Я испугалась, слезы подступили к горлу... Ой, Боже ж ты мой! Откуда оно, это чудо? Висит и светится синим-пресиним огнем!.. Это матросочка из такой материи, как у мамы платье, кашемировое, праздничное.

Юбочка в крупную складку, кофточка с флотским воротником.

Манжеты и воротник окантованы белой и красной тесьмой. По синему полю да по шерсти шелк белый и синий. И главное – белая тесьма с палец шириной и рядом красная, как узкая соломка!.. Тут солнце зашло за двери, сумно стало в сельпо, предметы попрятались, но матросочка светилась синим фосфором, сопротив-

ляясь темноте.

Тут и началась моя никому не известная трагическая жизнь.

"Мамочка, были б мы с тобой счастливые люди, если б матросочку купили..." Я стала каждый день захаживать в сельпо, чтоб проверить: не купил ли кто? А может, это как пояснение для людей

– учитесь шить?

Сидим ли мы в канаве, купаемся ли в реке – где только нас не носит! – матроска не отпускает мою душу. Залезли как-то на высокую грушу. Жара. Двор пустой. Листья шлепают зеленым глянцем. Одинокая бабка спряталась от жары в хату да и прилегла.

Мы – с дерева вниз. Откушали огурчика, увидели печку, на ней чугунок. Подползли по-пластунски, жменями подчёрпнули по хлебки – не понравилось: сильно рыбная. А "сторож", собака Шарик, вот-вот сдохнет, но раз среди людей, то еще живой. (Это мы таращим глаза, орем, требуем помощи, когда нам плохо, а собаки уходят с глаз долой, пропадают безвозвратно.) Ох, Шарик, Шарик... Кости местами оголились, шерсть вытерлась. Хочет залазать, а получается

"пук". Посмотрит в сторону хвоста и вздохнет печально. Большой, нескладный, из последних сил пытается встать, чтоб оправдать роль сторожа. Вынимает из-под себя одну лапу – кость, потом вторую; мордой по земле мажет, стараясь ее приподнять. С великими муками встает на все четыре лапы и – хах, хах – тут же падает.

Перед сном жалко стало Шарика, и мама отвлекла меня хорошим, родным голосом. "Эх, не успела заснуть",- посетовала я. Сейчас поставит мои ноги в таз с холодной водой. "Ножки мои, ножки, и кому ж вы только достались?" Я канючу, зеваю, вскрикиваю, когда она ногтем больного места касается. Падаю, погружаюсь в глубокий сон, а мамочка еще вытирает мои непутевые ноги.

Наступает утро, пахнет молоком, оладьями и зубным порошком.

– Дочка, вставай, поедем в степь. Там начальство из района будет, сделаем маленький концертик. Ты закончишь.

– Ой, мама, мамочка! – вскочила я.

– Шо таке? – напугалась мать.

– Мама, я поеду в степь... но, мамочка, сперва в наше сельпо зайдем.

– А чего мы там не видали? Ну, зайдем, все одно мимо.

– Тетя Ася,- кричу я,- открывайте двери!

– Шось горыть?! Чи шо? – отзывается продавщица.

Мы заходим. Матросочка на месте. Вроде туманом взялась, живая...

– Мама, бачишь?

– Бачу, дочка.

Мама услышала от меня просьбу такого рода впервые. Она спокойно оглядела матросочку и попросила продавщицу подать ее.

– Дорого, Петровна. Дуже дорого, як за платье на здорову людыну.- Мама неторопливо взяла мою мечту, понюхала, отставила на вытянутые руки и цокнула языком.

– Якая кра-со-та-а...

Она разложила матроску на прилавке и с легкой улыбкой задумалась.

– На шо она тебе? По огородам лазить и чужие груши рвать? – решила поддержать маму тетя Ася.

– Побудь тут, дочка. У батькаЪ там шось есть...

Она пошла быстрым шагом, а тетя Ася, увлекшись авантюрой, предло жила:

– А ну, давай померяем.

– Нет! – крикнула я.- Мерить не надо – подходит! Понятно?.. Ну, ладно, давай померяем!

Я прижала к себе матросочку, понюхала, как мама, и быстро поменяла сарафан на чудо-обмундирование. Тут и мама вернулась. Я возле магазина попрыгала счастливая, мама расплатилась, и мы пошли. Я впереди, она сзади, держа в руке мой сарафан.

– Ну и матросочка... Ну и люди! Придумали такую одежду для девочки,- негромко восхищается она.

Я до самого "концертика" бегала по хатам и дворам. Просили покружиться – пожалуйста! Юбка поднималась, как зонтик.

Мальчик, медленно проходя мимо меня, грустный, с влажными глазами, шепнул:

– Мне тебя жалко...

Ему было девять лет, как и мне. Я опешила от непонятной доселе печальной ласки. "Жалко" получилось как "люблю". Кинулась прыгать с телеги на телегу, чтоб скрыть испуг и согласие с его

"жалко".

В степи, на концерте, ели много, а дядьки выпивали. Мама шепнула: "Те стишки, что про Ежова, не рассказывай". "Ладно".

Угомонился хутор, лежу и я, подложив ладонь под щеку. Хороший день получился: тут матросочка, а тут еще и пацан со своим "жалко". Хороший...

Ох, и сладко Коля завел:

Ой, чай малиновый,

Один раз наливанный,

Один раз наливанный,
А семь раз выпиванный...

Утром мама дыхнула зубным порошком и приказала:

– Сегодня и завтра будь дома! Я в Краснодар. Завтра вечером обратно.

Днем на хуторе появились заезжие начальники. "Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону",- заорала детвора, увидев их.

Посоветовались начальники мимоходом в правлении, раки (местный самогон) выпили и наметом поскакали на большак. К вечеру зажурились люди. А нам и "байдуже" (все равно) – купаемся в речке Уруп. Хорошо!

Увидела своего "жалкого" – быстрее в хату. Матроску надела – и на улицу. Что это по всем лавочкам и завалинкам тетки шепчутся?

А на следующий день никто на работу не вышел – все ловили поросят на сдачу. Дурка, как всегда, первая.

Вообще-то ее звали Шурка, но после одного случая за ней навсегда закрепилось имя Дурка. Но об этом позже. Так вот, Дурка растопырила руки – и ну ловить своего шестимесячника. Поросята и пасти-то трудно, а поймать... Он то прыгает, визжит, а то, хитрец, подлез под вагончик и ну носом толкаться в дно. Прыгнет – ткнется; отдохнет, визгнет – и опять сначала. Он будто увлекал

Дурку в игру: дескать, не лови меня, лучше посмотри, как я пяточком до вагончика достаю.

Отец наш без одной ноги, стоит, опершись на костыли, и вздыхает:

– Куда его уничтожить?.. Он еще маленький. Вырос бы к зиме... Куда там! Наказ есть наказ.

По всем дворам суета, все норовят поймать своего порося – и в сетку.

"А то еще и за рогатый скот примутся",- ворчат женщины.

Мама была председателем правления. Вернулась из Краснодара, а тут такое.

– Кто распорядился? – спросила она.

– Из района прискакали,- сообщила Дурка.

– Кто такие?

– Бэба Григорий, Кузьма Хуецкий и Хыдыный Тимоха.

Крыть нечем. Кому-то помощь понадобилась. Значит, поможем.

А вечером мы сидим с мамой на берегу Азовского моря, буксирчик ждем, чтоб утром в Ейске на базаре я тюльку продала.

Солнце село, пивнушка в три стола опустела. Мама улыбнулась и показала на соседний столик. Матрос, шатаясь, сел к нам спи-

ной и уронил голову на кулак. Подсела женщина, вытянув к нему шею, что есть силы стала убеждать его, говорить о каком-то флигельке, где можно будет устроиться жить.

– Я буду вспоминать тебя в море,- отвечал он на все, что бы она ни говорила.

Женщина напрягалась, еще и еще страстно сулила своему собеседнику какие-то перспективы.

– Я буду вспоминать тебя в море...

– Смотри, смотри! – Мама положила мне руку на плечо.

Из-за кустов показался красавец казак Еремей. Фуражка в руке, голова опущена, на ней катаются кольца черных кудрей. Кончик шашки скребет береговые ракушки, он не пьяный, просто печальный.

– Ерема,- шепчет мама.- Свою подружку ищет.

Тут и она, Дурка, появляется из-за кустов. Села за свернутый канат. Ерема опустился на освободившееся место напротив матроса.

Тот, не заметив смену собеседника, сказал погромче:

– Я буду вспоминать тебя в море.

Едва сдерживая хохот, мы пошли к буксиру. Устроившись возле чьих-то коленей, я проводила взглядом любимую фигурку своей мамы. И, глядя на воду, вспомнила вчерашнюю перепалку в правлении между Еремеем и Дуркой.

Атаман негромко постучал по столу и призвал утихомириться.

– Цыть, дамочка! Еремей, гутарь дальше!

– Ну, пошли мы на обрыв отдохнуть. Сели культурно. "Ера, мне холодно",- заявляет. Я снимаю китель, собрался накинуть ей на плечи. А она как с цепи сорвалась! Ка-ак схватит за грешное тело, я чуть не крикнул... Ну, не стерпел и врезал ей по первое число...

Дурка все это время придерживала марлю на правой щеке, а тут забыла – с синим подглазником и вздутой щекой кинулась в наступление.

– Ось, послухай, батько! Послушайте, люди добрые! Усе пошли на кладбище. Мы тоже с Еремеем. Бес попутал – хлеба забыла взять.

Все взяла – и закуску, и раки взяла. Сами знаете – поминальная.

Ну, он и пошел до соседней могилы хлеба взять. А там эти блинда сыру купили, стали его угощать. (Сыр, замечу, в те времена был редким лакомством.) Жду-пожду... Уже и рюмочку выпила – сердце чуть не лопается, а его чуб все ветерком колышет и колышет.

Уселся – и ни с места! Я и дернула с кладбища, аж тырса загорелась. В сарае поплакала, потом заснула как убитая. Тут он и является. Позвал на обрыв для примирения... Ну, там я не сдержалась,

истинный Бог...

Дружный смех.

Атаман достал кисет, скрутил сигарку. Встал.

– Цыть! Не затем я вас позвал. Поважнее есть дело.

Все затихли.

– Так, Мешкова, назначаю тебя в гурт на Москву,- обратился он к

Дурке.- Поедешь с делегатами района на получение грамоты нашему колхозу от товарища Калинина. А когда – скажу.

И вот как-то ранним утром атаман стукнул Дурке в окошко.

– Ты одна?

– Одна! С кем же, батько?

– Бери документы – и в правление.

– Якие документы? У меня нема. Паспорт у колхози.

– Метрики, свидетельство о смерти мужика.

Он ушел, а она быстренько сполоснулась, причесалась в момент – и уже на табуретке перед ним в правлении. Тут же и председатель, и парторг.

– Юбка черная есть?

– Есть.

– А кофточка белая?

– Есть, батько, прошвой вышитая.

– Шаль хорошая есть?

– Трошки потертая.

– Жинка моя принесет хорошую.

– Благодарствую.

– Завтра верхи (верхом) двинемся. Коня смирного дам тебе – и в район.

Дурка струхнула от незнания ситуации, но сработало "как все, так и я".

Так мы и жили: не дослушав как следует задания, кидались выполнять.

Приехали в Москву. Целый день они потели в одном из залов Кремля, зажатые охраной. Ни сесть, ни встать, ни воды выпить.

Колхозы все шли и шли... Выкликали области, районы, деревни, станицы... Наконец наши услышали: "Мировой Октябрь" Куцевского района". Как на подбор, казаки и казачки пошли по ковровой дорожке. Аплодисменты. Красиво прошли, будто при танцовой.

Взгляды устремлены на лесенку, по которой будут подниматься.

Стали подходить к сцене. Калинин улыбается, ждет, держа грамоту в руке. Поздоровался за ручку со всеми. Его улыбка была мятая и усталая, а наших распирал восторг. Дурка не просто пода-

ла руку

Калинину, а и встряхнула ее как следует. В зале негромкий смешок.

– Идите назад,- шипели незнакомые люди.- Возвращайтесь...

Ну, наши с достоинством пошли к лесенке, чтоб спуститься со сцены.

И тут произошел исторический казус, о котором долго потом вспоминали в селе. Дурка подождала, пока все спустятся, и твердой походкой вернулась к центру сцены, минуя Калинина. Все изумленно замерли. А она подняла правую руку и крикнула:

– Товарищи делегаты! От имени нашего колхоза про-си-мо нас обложить хоть каким-нибудь налогом!

Тут она низко поклонилась с особым казачьим шиком: выставила ладонь и дотронулась ею до пола. Выпрямилась, поаплодировала залу и гордо пошла к лестнице. Раздалось несколько неуверенных хлопков. Никто не знал, как реагировать на эту незапланированную выходку. А Дурку окружили "вежливые", взяли под руки и проводили в комнату, где молча пили чай с баранками растерянные станичники.

– Дурка ты, дурка,- ласково оценил Еремей ее поступок.

Так и стала она с тех пор не Шуркой, а Дуркой – уж очень подходило это имя к ее безотказному до дури характеру.

Много лет подряд эту байку про поездку в Москву у нас пересказывали, присочиняли, но из истории своего села не выбросили.

Найдется ли сейчас такой человек, как Дурка, чтоб бежать выполнить наказ, не дослышав, не поняв его содержания?

ВОТ ТАК И ЖИВЕМ

Телефон сегодня раскричался не на шутку. Бывают дни спокойные, а бывают и, наоборот, такие, что, когда стелишь на ночь постель, с надеждой думаешь, что, может, завтра потише будет.

– Нонна! Ты хорошо меня слышишь? – Это Зея, моя подружка из Тбилиси. – Здравствуй, это я.

– Здравствуй, Зеечка дорогая!

– Завтра подойди к шестому вагону, я послала сулугуни, зелени, винца и пышек.

– Ну зачем? Мы живем нормально. Приспособились. И какая может быть зимою зелень?

– Что?

– Приспособились, говорю. А вы как там? Говорят, у вас с продуктами плохо?

– Да, но мы тоже перестроились, то есть приспособились, и вообще не твое это дело.

Она бросила трубку, а может быть, разъединили. Ох, грузины! Что за люди!

Вспомнилось, как выступала я у них во Дворце культуры. Зал плотно набит зрителями. Концерт идет академически-торжественно.

И вдруг объявляют меня. Я выхожу и чуть не сбиваюсь с намеченного пути к микрофону. Весь зал встал – стулья затрещали, как грома обвал, – зааплодировал. Это получилось быстро и неожиданно. Я стояла в растерянности, сдерживая слезы. Ведь грузин, я заметила, так просто со стула не встанет. Только если перед стариком, перед отцом, матерью. А здесь стояли все – и пожилые, и совсем молодые. Еле-еле остановила зал. Такая теплота шла от зрителей, такой восторг! Это значит, что вожди будут разделять Россию и Грузию, а мы – простые люди – никогда не смиримся с отчуждением, всегда будем родными друг другу.

Потом пошли, положили цветы на могилу Бори Андроникашвили –

Пильняка. Его сынок Сандрик – точный портрет отца.

– Я не Сандрик, я уже Сандро!

Действительно, ведь он уже закончил киноинститут в Тбилиси.

Красивый и по-особенному, по-грузински, добрый.

Не успела погрузиться о Грузии и грузинах, как снова звонок телефона.

– Нонночка Викторовна! Здравствуйте! Это Иветта Федоровна.

– Здравствуйте, Иветта!

– Только не отказывайтесь, умоляю!

– Что такое? – бурчу недовольно.

Конечно, мы попали впросак с этой перестройкой. Были какие-то деньги – вырвали из рук, облапошили без спросу. Приходится подрабатывать. Несмотря ни на что, ведь давление мое уже не всегда бывает "на месте", как прежде. Я и сверстники мои стали зависеть от разных атмосферных явлений, магнитных бурь... Бывает и так, что валидол под язык – и на сцену. Смотришь, раздухарилась, разогрелась и будто здорова – отпустило.

Чувствуешь себя семнадцатилетней. Скорей, скорей домой! Там таблетку коринфара – и в койку, чтоб эта нахлынувшая молодость не обернулась чем-то совсем уж плохим. Сколько раз бывало и так

– наутро после подобного омоложения совсем скверно себя чувствуешь. "Последний раз, последний раз,- говорю себе,- больше не поеду, хоть убейте!"

– Вы меня слышите?

– Слышу, слышу! Что там?

– Тут такое! Соревнования!

– Соревнования? А я-то при чем? Соревнования...- Ох, не на ком зло сорвать! Не хочу ничего.- Да я у вас уже была.

– Ой, ой, Нонночка Викторовна, общественность города и слышать не хочет о другой кандидатуре.

– А что надо?

– Как обычно, творческий вечер.

– Для кого?

– Для всех. Молодежь съехалась со всего Советского Союза, то есть Эс-Эн-Гэ. Со всех республик до одной...

– Мне только спорта не хватает!

– Да все будет хорошо, все путем.

Обе замолчали, и она поняла, что я начинаю склоняться к согласию.

– У меня завтра поезд из Грузии, посылку послали, понимаете?

– Утром?

– Да.

– Отлично! Я пошлю нашего водителя в Москву, он переночует там, утром съездите на вокзал. Саша. Вы его знаете. Что ему семьдесят кэмэ!

– Да нет... Зачем так уж?... Я сама утром съезжу на вокзал.

– Прекрасно. Он подрулит к вам в три. Начало в пять.

– Ладно.

– Миленькая Нонночка Викторовна! Целую вас! До встречи. Тут есть одно предложение... Но – на месте...

– Нет, нет! Хватит, Иветта.

В сердцах положила трубку на рычаг: навыступались мы все бесплатно за всю свою жизнь. А теперь, когда стали платить, сил не всегда хватает.

Утром поплелась на вокзал. Поезд опаздывал. Я нервничала. Но вот он подплывает к перрону, я увидела взмах флажка, будто матрос сигнал "SOS" подавал с корабля. "Шестой вагон",- догадалась.

– Нонна, Нонна!- зычно кричала грузинка.

– Иду, иду!- смеялась я.

– Не суетитесь,- приказала она напирющим пассажирам и встречающим.- Нонна, вот видишь?

Она кряхтя выставила тот еще баул, коробку с нешутейным весом.

Хорошо я с коляской пришла – знаю эти "небольшие посылочки" из

Грузии.

Поцеловала в щеку проводницу, подарила фотографию с автографом, и мы с нею прикрепили посылку к коляске веревкой. Спасибо тем, кто придумал эти каталки – никакой тяжести не чувствуешь, хоть мизинцем вези. Прикрылась темными очками, косынкой во избежание взглядов сочувствующих: "Как, без мужика и без "мерседеса"?!"

Бывало и такое: из больницы выпишусь и поглядываю – с кем бы выйти. Никогда не сообщала никому о своей выписке. Люди на работе. У братьев и сестер – дети, семья, заботы. Однако очень важно, как выйти. Все поглядывают: что да как, кто встречает, в чем одета. Один раз пристроилась к молодой паре. Муж приехал за любимой женой на машине, с большим букетом цветов. Я "под чужим флагом" шикарно подкатила к Театру киноактера и взяла на проходной ключ от квартиры, оставленный сыном, который уехал на гастроли. "Мордюкова явилась с красивым мужчиной и охапкой цветов",- так говорили потом.

...И вот приезжаю с посылкой домой. Саша уже подпирает подъезд.

– Ох, Саша, еще и двух нет! Шустрый ты!

Он закрывает машину и берет мой груз.

– Ого!- крякнул.- Кто-то постарался неслабо.

– Из Тбилиси. Ты раскурочивай посылку, а я соберусь, и кофейку выпьем.

Вскоре помчались мы по Подмоскovie. Дороги неплохие, а где так и очень хорошие. Все в инее.

– Ох, Нонна Викторовна! Не отпустят вас сегодня.

– Не пугай! Что за намеки? Знаешь, что лошадь мечтает о конюшне, а актер об уединении?.. Понял?

Люблю ездить на легкой машине, люблю дорогу – нервы успокаиваются. Я смирилась с неизбежным. По накату пошел творческий вечер. За кулисами поймала Иветту.

– Иветта, говори, что надумала?

– Потом, потом! Я побегу насчет стола.

Слышу – знакомая музыка из фильма "Председатель". Зал загудел – это я в задранный ночной рубашке слезаю с печки. А чего? Кругом секс, свобода нравов. Шучу, конечно. Не гожусь я для порнографии. Колхозная коровушка да и только. Все равно аплодисменты. И фильм хороший, да и я там сыграла неплохо. Встык идет фрагмент из "Женитьбы Бальзамина". Там богатая тетенька сильно любви хочет и мнет у забора бедного Мишеньку – Вицина.

– Мне бы домой,- мяукает он.

Но куда там! Попался!

За эту небольшую роль я была удостоена престижной премии – братьев Васильевых. Вместе показывать фрагменты из разных фильмов – это наша хитрость: дескать, видите, какие разные роли играю. Еще немаловажный сюрприз – мой выход на сцену. Аплодируя, жадно разглядывают и меня, и одежду мою, и лицо – ведь видят впервые. Мы умеем себя приукрасить для сцены, чтоб не быть похожими на то, что показано с экрана.

Вижу – несколько рядов занято спортсменами. Теперь пусть хоть съедят меня с солью – мне стало хорошо, тепло. Недовольства, раздражительности как не бывало. Сцена – наш лекарь и друг: я стала добрая, веселая, заводная и простодушная. Приятно думать, что трудилась на съемках на совесть, и теперь хоть какой фрагмент выбирай – не стыдно.

– Банкет, Нонна Викторовна.

– С этими пацанами – "иностранцами", спортсменами?

– Боже упаси! С ними вы познакомитесь завтра.

"Так,- думаю,- арестовали, как хотели!"

Иветта холодными пальцами жмет мой локоть и ведет на этаж выше.

Тут представители города. Рассаживаемся вокруг стола. Хочется есть, еда красочная и разнообразная. Ткацкой фабрике исполнилось аж восемьдесят лет. Рюмочку выпила. И сцена, и банкет вернули мне бодрость. Как на сцене ни старайся, второе отделение, застолье тоже на мне. Все ждут, что и как скажу, ждут каких-то особенных рассказов об особой, по их мнению, столичной жизни.

Глянешь на какую-нибудь хорошенькую "курочку" и позавидуешь: как ей легко – отдыхает в полном смысле этого слова – ест, пьет, кокетничает. Грянула танцевальная музыка. Вот хорошо,

потанцуйте, дорогие, а я отдохну, расслаблюсь. Что это? Иветта уже стоит в шубе и держит в руках мою.

– Господа хорошие! Гуляйте до утра, а Нонна Викторовна устала.

Тем более ей завтра рано вставать.

Не успела оглянуться, как я у Иветты в гостях. На кухне за столом нас трое – хозяйка, ее сын Витя и я. Парень высокий, крепкий, с доброй улыбкой. Оказывается, у Иветты дело ко мне.

Вернее, дело не у Иветты, а у Виктора.

– Ну пусть он сам скажет.

– Он не только скажет, но и покатает на буере.

– На буере?

– Не пугайтесь. Послезавтра международные соревнования.

– А я при чем?

– Витя обещал пацанам покатать вас, чтобы все увидели кинозвезду на буере. Сфотографируйтесь с ними.

– Какой позор!

– Нонночка Викторовна, это честь, а не позор. Я вам все расскажу об этом виде спорта.

– Я в сто раз больше вам расскажу. У нас на Азовском море еще не такие буера.

– Они одинаковые,- вставил Витя.

– Почему тетка должна с пацанами кататься?!

Кончилось дело тем, что меня все же уговорили. Завели будильник.

А для меня раннее вставание во все времена было высшей мерой наказания: коленки дрожат, в глазах "песок", все идет наперекосяк. Напяливаю спортивное, буерное, обмундирование, Витя помогает, Иветта тоже. Я хохочу, и они за мной. Смех – мой спаситель, я приободрилась, повеселела, и мы почапали.

Идем, идем – никаких буеров и никакого льда.

– Ну и что же дальше?

– Сейчас, сейчас... Давайте, я вас возьму на руки,- предлагает Виктор.

– Еще чего, ты совсем уж того!

И вдруг неожиданно за углом амбара открывается огромная театральная сцена: бесконечный, уходящий к горизонту лед, и на нем подковообразно застыли паруса и их капитаны. Все напомидало визит вежливости – молодежь улыбается и торжественно ждет. Я видела этих ребят вчера со сцены. Подтянулась, спину выпрямила.

Витин буер стоял у берега в центре. Он предложил мне "засунуться" или "вставиться" так, чтоб только голова торчала.

Бесцеремонно дергает меня за плечи, поправляет что-то на мне, укрывает как следует, закрывает шалью лоб.

– Голову не поднимать!- с улыбкой командует и демонстрирует, как от движения паруса перекладина может сильно ударить.

– Может быть, не надо? Ну его к черту, Витя! Я боюсь.

– Все будет о'кей!

Смотрю, остальные паруса как корова слизала – мы одни. Он что-то сделал, и мы полетели, как в самолете. Скорость очень большая.

Сердце замерло сперва от страха, а потом от наслаждения. Вдруг откуда-то брызги с шумом.

– Это полынья,- пояснил Витя.

Парус, а значит, и перекладина мотались перед моим лицом влево, вправо...

– Не холодно?

– Нет, хорошо, Витя! Хорошо! А другие где?

– Они за нами.

– Едут?

– Идут... Как надоест – скажите.

– Гоняй, Витя, сколько влезет. Хорошо!

Он хохотнул, мы замолчали, как-то дружно, ладно замолчали, каждый думал, конечно, о своем. И все же мы были рядом. Капитан правил, а я наслаждалась неопишуемым полетом. Размечталась, стала философствовать. То всплакнуть хотелось, то радоваться.

Вспомнился чеховский рассказ о том, как вез дед на телеге свою бабушку в больницу и стало ему жаль ее, потому что жили они плохо, неласково. Решил, что, если даст Бог и она поправится, все будет по-другому, и он готов был купить ей даже новый гребешок. Пока он мечтал, погоняя лошадь, бабушка умерла, и голова ее билась о перекладину телеги. Я перекинула на себя эту историю. Такая уже немолодая тетя, умученная работой, ответственностью за все, не умеющая отдыхать, заботиться о себе, лежу в этом летящем по льду сооружении... Романтика! А голова моя, хоть и мягко, периодически касается стенок буера...

Однако, глядя в синее небо, решительно подумала: надо взяться за себя. Буду ездить отдыхать, бывать на природе. Буду жить и жить...

Морозец накалил мое лицо. Щеки огнем загорелись. Спасибо, Витя,

Иветта...

Спасибо зрителям, что не дают мне сиднем сидеть. Зрители – это моя жизнь.

ТУДА, СЮДА И ОБРАТНО

Лежим на дне баркаса и помалкиваем – подозрительная тучка появилась. Не жди от нее добра, если комочком она висит в небе перед закатом солнца, такая хорошенькая, но пугающая всех тучка...

К третьему курсу института стала я печалиться, тосковать по своему хутору, по маме, скучать в чужой Москве по дому. Что делать? Уже и фильм "Молодая гвардия" снимали вовсю, и хвалят всех, и мысли нет бросить начатое дело. Боже сохрани! Ко мне будто какой-то датчик подключили – киноактриса навек. Но по дому, по хутору крепко тоскую, все вспоминаю, как в детстве заснешь на теплой земле и сквозь сон слышишь: купальщики в реке плещутся. А тут и мама проведет ладонью по плечам: "Это кто на закате солнца спит? Нельзя, голова будет болеть. Вставай, дочка, пойдём вареничков с вишнями поедем".

Мысли в институте высокие, втягиваемся в неведомое доселе, но неудобно в Москве приезшему человеку. Война недавно кончилась, голодно, холодно было. Все никак не согреешься нигде, полное отсутствие отопления в общежитии, в тех комнатах, где ютились студенты. Отогревались только в институте. Решали стратегическую задачу: как остаться здесь ночевать? Выйти в буран на ледяную платформу к электричке было наказанием Господним. В начале лета теплело, но голодно было всегда, худоба наша пугала родителей, когда мы приезжали домой отогреться, отъесться и выспаться вдоволь.

Институт захватил, вобрал в себя. Учиться было интересно, а жилось в тогдашней Москве очень тяжело. И лет десять моталась я по разрушенному, голодному маршруту Москва – хутор – Ейск.

Насколько хутор был теплее и добрее, вот уж точно – "север вреден для меня".

Послали нас как-то осенью капусту рубить. Сыро, ботинки протекают, ноги мерзнут. Бригадир постучал по моей спине и поставил рядом валенки с галошами. Приметил, видно, мое обмундирование. Валенки отстоялись на припечке, прямо горячие стали. Какое счастье! Впервые север обогрел мои ноги. Ведь невыносимо вытаскиваться из теплоты в подсушенные, но дырявые ботинки. Они выжаривались, однако воду на мокрой улице впускали сразу... Тяжко было иногородцу. Судьба и время не щадили. Так казалось мне тогда, казалось, что я никогда не отогреюсь.

А в институте – блаженство. Предмет "мастерство киноактера", конечно, волшебный, открывающий неторопливо мир литературы, искусства, истории. Скорее в Москву – в институт!- вопила

душа в конце августа. А потом еще один зов: в Краснодар, на съемки фильма "Молодая гвардия"!

Когда человек уезжает, то всю дорогу живет еще той жизнью, которая осталась позади. Нам обычно задавали на лето прочитать какое-нибудь произведение из классики и запомнить интересные случаи из жизни. На особых занятиях мы рассказывали их всему курсу. Меня же всегда тянуло встать и поведать о своем с мизансценой, то есть с помощью жестов и мимики. Летом, бывало, лежу, смотрю в небо и смеюсь, как представляю, что рассказываю студентам и педагогу обо всем, что произошло. Много чего было за лето!

К примеру, такое. Мама ведет собрание, за окном летний дождь льет, как из ведра. Вдруг она видит, как входит белобрысая толстененькая Дурка, а следом – незнакомец. И он, и Дурка промокли до нитки. Дурка ставит табуретку углом и садится, незнакомый мужчина – рядом, положив руку Дурке на плечо. В зале смятении...

Дурка подмигивает президиуму, а мама делает выразительную паузу, призывая к тишине.

Собрание шло долго, и, как только дождь перестал, Дурка, согнувшись, вышла за дверь, незнакомец – за нею. Оказывается, он подводник, приехал из Москвы подводные лодки проверять, но почему-то ни разу никуда не отлучался, кроме как ночью в дом отдыха. Приезжий – новый человек, из чужих краев, из иной среды, даже выговор другой, а это всегда пленяет.

Маме чуть обидно стало рано ложиться спать, ей хотелось в хату к

Дурке, где еще две-три товарки гуляли да рюмочку-другую пропускали. Какая-то новизна летала вечерами – незнакомец появился. Позже стали гулять впятером.

– Эх, Петровны нету!- накрывая на стол, сначала говорила Дурка. Вот бы попели с нею – отпад!

– Да, Петровна у нас дюже гарно поет, хором руководит,- вторят товарки.- Она еще в детстве в церкви на клиросе спивала. Батюшка хвалил ее...

Мама не сразу согласилась прийти на вечеринку и нагрнула без предупреждения. В руках она всегда держала папку – скорошиватель.

– Вечер добрый,- сказала мама.

Лучше бы ей не появляться, притягивала она к себе людей, в любой компании становилась лидером. Рассказчица была талантливая, вела себя естественно, чем и располагала неизменно всех к себе...

Побыв немного, собралась уходить.

– Пойду. А то дети и муж погонят из дому.

– Иди, иди, коммунистка! Все дела партийные у тебя.

– Да хоть бы и не партийные. Петровна есть Петровна. Надо будет – и до утра просидит, распоеется, рассмешит всех,- заступилась за маму Дурка.

– Ну, ничего, кадась мы ее заграбастаем.

Мама вмиг оценила Дуркиного кавалера: и форму рук и затылка заметила, и тембр голоса ей понравился. Да и одет опрятно.

– Ничего, чистенький, аккуратный,- ответила она Дурке, когда та спросила: "Ну как он тебе?" Мама с ее проницательностью не раз отмечала подходящего мужчину, но это, как правило, ни во что не выливалось. Она была самолюбива, строга к себе и тем сильнее, чем больше осознавала свою нелюбовь к мужу.

Они там гуляют, но мама знала, что тот, Дуркин, ждет лишь ее.

– Может, пойдём, пройдемся?- сказала она как-то мужу.- А то все работа, работа... Посевную закончили – чего теперь?

– Вот еще!- Он скривил лицо, будто ему касторку предложили.- Иди одна. К Дурке зайдешь, частушки споешь.

Мама никогда не пела частушек, она пела, как богиня, красивым контральто задушевные народные песни. Сам Алексей Денисович

Дикий спрашивал меня: "Мама не скоро приедет?" Он слышал, как она поет,- в ВТО отмечали мы какую-то премьеру. Спрашивали о маме и другие режиссеры. "Как приедет – сообщу",- смеялась я. А рассказчицей, равной ей, была только я.

– Молодец, дочка!- хвалила она меня, когда я, бывало, подхватывала ее рассказы.

Дурка торжествовала. Привела такого мужика... Да еще москвича.

Отличался он от колхозников. Почему-то особенно поразил всех его несессер.

Как-то приходит Дурка в слезах. Мама ну ее утешать:

– Не плачь, Дурка. Чует мое сердце – прохвост он. Никакой он не подводник. Брешет. Скорей всего надводник: поверху, сама знаешь, чего плавает. Це такой, шо шукае, где плохо лежит...

Бродяга-курортник... На выпивку налегает, а гроши давно кончились.

– Каже, с жинкою живут плохо.

– На черта ты ту накидку из бисера купила на толкучке? А теперь плачешь.

– Долгу богато... Я ж ему еще с собой дала на одежду. Сказал, что поженимся. Прошел уж месяц – ни гу-гу.

– Так ты ему еще и денег дала?!

– От радости.

- От какой такой радости?
- Дите будет...
- Это неплохо. Ты одинокая. Еремей твой без вести пропал.
- Да пора уж, скоро тридцать мне.

Бедная Дурка: она не только продала кое-что за этот роман, но и купила себе у пленной немки пелерину из бисера. Думала, что наряд этот сблизит ее с тем высшим классом, к которому, по мнению Дурки, относился и ее будущий муж. А он уехал – и с концами. Родился мальчик. Слала Дурка письма в Москву – ни ответа, ни привета.

...Сейчас лежу на брезенте баркаса и придерживаю тугой конверт с письмом, которое мне пришлось переписать более мелким почерком.

В нем и фотография Валерочки – Дуркиного сыночка. Каждой женщине, родившей в одиночку, хочется похвастаться перед отцом ребенка – какой, дескать, сын у меня хороший получился. А

Валерка разинул "варежку" и хохочет во всю ивановскую, сидя на мотоцикле...

Конверт отдала подводнику – и до свидания... Дурка вытягивала из меня обнадеживающие детали, но тщетно. Хватит и этого. Шли годы, она нет-нет да и попросит вновь рассказать о моей встрече с отцом Валерки.

Как-то заехала я на хутор по дороге на юг, к морю,- сыну бронхит полечить.

– Папаня!- слышу ломаный мальчишеский голосок в Дуркином дворе. Тетя Нонна з Вовкою.

Постаралась не выдать удивления: Еремей Дуркин вернулся.

– Дядя Ерема, где Александра Григорьевна?

– Заходяте – она на берегу белье трепае.

– Я схожу к ней,- упредила я его.

– Она во-он за той вербой.- Просветленный Еремей охотно указал пальцем.

Обнялись мы с Дуркою, сели, буруем ногами прозрачную, чистую воду. Мальки кусаются...

– Батога хорошего дав мне и усе,- говорит Дурка.- Пацана признал. Тот его баткой зовет. Малой был – четыре месяца. Ото и весь сказ...

– Да, Григорьевна. Такую любовь сроду не найдешь, как Еремей тебя любит.

– И я его тоже,- ответила Дурка.

Бывают же такие люди, как Дурка. Без нее на хуторе пусто. Пускай хоть спит, хоть борщ варит – лишь бы хутор не становился порожним. Вот уж отрада для всех, игрушечка и для взрослого, и для дитяти. Смотришь, ребяенок еще только ползать начинает,

а до их двора первым делом доберется.

– У-у-ка!

Хохоча, Еремей берет чужого ребенка – и в палисадник. Родители, случалось, даже ревновали. Некоторые матери ждали: вырастет и прибьется к сверстникам. Нет, и сверстники хороши, а все:

"Ду-у-ка!" Одна девочка расплакалась, когда узнала о существовании Валерки.

– Мама! Теперь тетя Шура не будет нас любить. Она будет любить своего сыночка...

Многие на земле знают таких людей, а разгадать не могут.

Еремей вернулся из плена и все присматривался к Дурке. Казалось ему, что чересчур насели на его любимую. То "дай", то "пойдем", то "спой". Он подождал немного и забрал ее к себе навсегда. Мама рассказывала, как Дурка ухитрилась принадлежать только ему, семье. А как Еремея нету – тут же или чье-то дите перелезает через плетень, или тетка-соседка идет с какой-нибудь мазью, просит спину растереть. Валерка был в курсе и непременно знак подаст: "Батяня едет". Тут уж все по домам, а Дурка в фартук кинет несколько огурцов и спросит у Еремея:

– Оте-то хватит? Может, еще помидор взять?

– Бери, что хочешь. Сейчас соберемся – и на берег. Там скупнемся и повечеряемо.

Еремей лицом старел, а фигурой никак. Смуглые мускулы, тонкая талия.

Я тоже ловила себя на том, что первым делом спрашивала: "Дурка в хуторе?" К ней очень тянуло.

– Ты там поосторожней, а то еще и пристрелит,- напутствовала она меня, когда я собиралась отвезить в Москву письмо ее "подводнику".

– Да ты что!- испугалась я.

– Он сказал, что наган имеет. Не упрекай его, поняла? "Баба не схочет, кобель не вскочит". Тьфу, дура я, прости меня, Нонк!

Любила я его... Какие там упреки! Отдай письмо, чтоб никто не видел,- наставляла она меня.

И вот я в Москве. Еду на улицу Лесную, дом такой-то, квартира такая-то... Батюшки! Старый-престарый дом, еле держится.

Поднимаюсь по стертым, с выемками, мраморным ступенькам. Сколько прошагало подошв по ним! Звоню. Сердце в пятки, но не отступать же! Волнуюсь и оттого все делаю не так. Дурка просила не отдавать конверт сразу, а сначала вызвать его в коридор. Выходит он в полосатой пижаме. Пижаме когда-то белой была, а полоски коричневые. Хмурый, деловой. Конечно, сразу вспомнил меня, но сделал вид, что не узнал:

– Вам кого?

Через захламленный коридор коммуналки вижу настезь открытую дверь, стол с дымящимися тарелками. Некрасивая бледная женщина с плоской фигурой режет хлеб. Она спрашивает испуганно:

– Кто там? Это к нам?

– Здорово, друг!- говорю подводнику.- Тебе привет из станицы Отрадной.- У меня даже в глазах потемнело.- В чем дело?! Вы запамятовали?..

Я вошла в комнату и шагнула к столу с тарелками. Женщина таращит глаза.

– Повторяю: вам привет из станицы Отрадной, из города Ейска. Положила конверт на клеенку возле хлебницы и оборачиваюсь к нему:- Почему вы так много растратили тети Шуриных денег? И взяли у нее тоже много на какие-то покупки? Сколько лет уж ни покупок, ни денег.

Я все не то говорила: разве можно заводить речь о деньгах?

Однако это был разговор не о деньгах, а о нечестности. Мы никогда не были жадными. Но в подлость надо человека ткнуть носом – пусть понюхает.

– Гражданка, я вас не знаю...- лепетал отец Валерки.

– Знаете! И помните.- Я вскрыла конверт, вытащила фото и поставила перед ними.- А теперь еще и Валерку будете знать!

Я сбегала вниз по ступенькам под истерический крик:

– Вон отсюда! Шантаж!.. Вера, это шантаж!..

...Тучка кинула две-три крупных капли на нас. Мы – под брезент.

Затарахтел дождь. Дяденька накрыл нас сверху клеенкой. "Вот она, дождалась, налетела, коварная",- подумала я. Потом треск! Грах!

Какой-то краткий получился налет. И снова тихо. Откидываю брезент – сбегала: ни тучки, ни ее проделок. Солнце почти у горизонта. Ему недосуг на такую мелочь реагировать. Глянула на хутор, далеко он от меня...

Интересно, где теперь шнергает подошвами сандалий, не отрывая ног, дорогой наш, любимый всеми Геронтий Александрович?

Симанович Геронтий Александрович – участковый врач, один на три хутора. Не идет народ в поликлинику проверяться, пожаловаться, подлечиться. Ни в какую! И вот Геронтий Александрович уже который год ходит к народу сам без приглашения. А ведь он сердечник. Тучный, толстогубый, с не сходящей с лица улыбкой.

Между толстыми пальцами непременно зажата горящая папироса. На нем полотняный костюм, куртка-толстовка с множеством карманов, на голове панама. Он знает, что любим всеми и

желанен всюду. Он всегда облеплен детьми. Женщины при встрече кланяются ему в пояс. Любой ездовой снимет кепку и пригласит подвезти.

– Не-е, спасибо. Так полезнее.

А какая уж там "польза"! Два шажка пройдет – остановится. Еще два шажка – и снова остановка. Дышит шумно и хрипло. В один день он успевает обойти один хутор. От прохладненького компота или простокваши не отказывается. Пациенту велит лечь на траву. Сам сядет рядом и осматривает: помнет живот, постучит пальцами по позвоночнику. Пацан норовит выскользнуть: "Стоп! Ты куда?!"

Хватать за ногу...

– Ты в реке долго сидел, курносый. Знаешь, что у тебя скоро верба из попки вырастет? – Пацан замирает.- Вот тебе утром и вечером по одной таблетке.

– Горькая? – гундосит пациент.

– А как же? Еще какая!

– У-у-у...

– А премию хочешь?

– Хочу! – бойко встает пацан.

– А... Это заслужить надо. Сначала таблетку, а потом вкусное лекарство.

Доктор достает из широких штанин бутылочку гематогена и наливает несколько капель в золотую стопочку размером с наперсток.

Насчет меня он тоже справлялся:

– Ну как тут моя Нунча? – Не заходя во двор, улыбается мне в окно.- Поди ко мне, любимая Нунченька, угощу гематогенчиком. Так уж и быть...

– Да я уж здоровая детина, маленьким отдайте.

– Пока не выпьешь, не уйду.

Я смеюсь и с готовностью открываю рот – вкусно.

– Геронтий Александрович, а почему вы меня называете Нунчей?

– Принесу тебе книжечку Максима Горького. Вырастешь и прочтешь.

...Лошадь убила Колю Портартура. Она дремала стоя, а Коля подошел сзади с ведром, чтоб ее попоить. С хвоста-то нельзя подходить. Лошадь, испугавшись, ударила задним копытом Колю по голове. Народ собрался. Геронтий

Александрович сел возле убитого, сжав кулак возле рта. Принесли рогожи, и он бережно прикрыл пострадавшего.

Жаль было на доктора смотреть, и когда умница одна мучилась, мучилась от болей в ногах, да и послушалась народную

"докторицу": "Собери побольше пиявок и подпусти к больным местам". Та обрадовалась и подпустила их несчетное количество.

Лежала в сарае и блаженно уходила от болей, а также от жизни...

– Боже мой,- дрожащим голосом произнес Геронтий Александрович. Я догадывался, я говорил с ней...

На похороны пошел тогда впервые, до этого не ходил никогда, может, оттого, что свою вину чувствовал.

Я все думаю и думаю о родном хуторе, о дорогих мне людях...

Скольких уж нет... Ненароком и Геронтий Александрович скончается

– похуже он стал, послабее. Недаром на кладбище пошел...

Может, вернуться мне домой? Может, все к черту – и эту Москву, и искусство? Я с ними хочу быть! Мне без них плохо!

– Ба-а-тюшки! Шторм начинается! – завопила тетка.

Каким он будет – малым, большим? Бабы, как обычно, на колени с мольбой к небу. "Свят, свят",- бурчим мы под брезентом. Вот она, негодная тучка! Покидало, покидало нас на штормовых волнах да и сбило с меня печаль-тоску по дому...

МАМА

В школе я успешно писала сочинения, они даже в край посылались как лучшие. Есть люди, сами собой выделенные. Есть смиренные, боязливые, усердно выполняющие свою работу, но все молчком. А есть боевые, как мама. Меня все время понукали: почему про мать свою не напишешь? Пускай вся округа знает, какие мы. Напиши про мать. Убедили. Я рано стала пером по бумаге водить, свои впечатления записывать. В Москву даже приехала с какими-то

"наработками". Маленький рассказ "Квартирант" был опубликован в газете "Пионерская правда".

В деревне, в гурте, все про всех знают. К примеру, надо печку сложить – ясно, кто сможет. А кто – сделать резные наличники.

Кто платки вышивает, а кто песню заводит... Мало ли разных умельцев! Меня вот в сочинители зачислили. А я села писать про маму – не получается. Про других – пожалуйста. С детства за всю жизнь я столько нацарапала, насочиняла, что до сих пор шебуршу в мешке, перебираю листочки, перекладываю свои записки. Нет-нет да и найду что-то к нужной теме. Сейчас вот вытаскиваю все о маме.

Она девочкой работала в поле на помещика. Вечером пела в церкви на клиросе. Детей всего было четырнадцать человек. Хата ее под камышовой крышей в станице Старощербиновской. Жили бедно. Вышла замуж. И тоже детей было много. "Оте-то уже лишние", - говорила мамина сестра, бездетная. Она справедливо выводила: "Чем меньше детей, тем больше хлеба останется..."

А что поделаешь – в станице в основном дети, взрослых даже меньше.

А эти, как саранча, - туда-сюда, туда-сюда! "Ма-амк! Исть есть? Давай!"

Тетю Елю в счет не брали, не слушали ее советов.

Работали люди, как кони, с утра до вечера, едва переводя дыхание, с заката до рассвета. Колесо так и крутилось. Еще успевали посмеяться до упаду и песню завести, все больше, больше воздуху в легкие набирая, чтоб петь, как надо.

Мама была небольшого роста, в работе не отставала от других, потому что то было время всенародного энтузиазма, время боевого труда. На собрании народ сидел тихо, муха пролетит – слышно. Замерев, впитывали ушами задания на завтра.

Слыла мама певицей, заводилой. И пела она не для того, чтобы выделиться, и не ради похвал, а чтобы поделиться хорошим. "Пение

– это добро",- считали люди. И, как нарочно, муж ей попался не любящий музыку, пение, наоборот, стыдился мамы, когда она, откинув голову, глаза обратя к небу, запевала красивым низким голосом.

– Не пой, Ира,- молил ее отец, когда они шли в гости.

– Погляжу! Я бригадир, и решать буду я – петь мне или нет.

Главнее бригадирства и работы тогда ничего и не было, ведь так верили, что строят прекрасную, светлую жизнь!

Еще у мамы был всем на удивление дар красноречия, дар, так сказать, сельского красноречия. Мазюкают, мазюкают на собраниях, что-то буровят, бубнят, а скучно и ничего не понятно. А как

Петровна прыгнет к столу, накрытому красной скатертью, так зал расшевелится, загудит одобрением. Чем больше распалялась, тем лучше у нее получалось. Так складно, легко, понятно, увесисто текла ее речь. И шутку учудит, и гримасу состроит, и все в точку. На важных собраниях маму часто просили выступить по какому-нибудь вопросу. Речь ей никто не писал, говорила всегда свободно. Не было случая, чтоб она не нашла слова или выражения, не могла бы залихватски закончить речь. Вроде шутит, озорничает, а послушаешь – дело сказано, да еще как. Уж что-что, а ораторские способности ей даны были от природы. Если на каком-нибудь слете или пленуме не было мамино выступление, то мероприятие как бы не имело завершения. Ищут ее, оглядываются:

"Неужто, Петровна, не скажешь ничего?" Переставала мама ходить на собрания, только когда была в положении.

– А где же ваш Плевако? – спросил какой-то начальник, прощаясь с председателем райсовета.

– Прибавления ждет.

А потом пошло: только один ребенок из пеленок выберется, на ножки встанет, она уже другого чувствует в себе...

Председателем маму выбрали первый раз в Щербиновке – на родине.

Думаю, что не последнюю роль здесь сыграли сельские трудяги. Тут бы и порадоваться всем: человек нашелся путевый, известный, с подходом к людям, вся жизнь ее на виду. Ее всегда все любили, и она словно оведала всех своей любовью, колхоз при ней был, как одна семья. Так бы дальше и растить на радость всей стране лучший колхоз. Но нет! Умели высокие начальники похвалить, сунуть грамоту, премию – одеколон и патетически сообщить: "Будем посылать тебя, Петровна, на отстающие колхозы! Кто, как не ты, управится?"

Мама слушала, едва дыша от волнения: она верила, что надо распространять свой метод работы, надо вытаскивать бедноту,

искоренять пьянство, лень, неумение трудиться, и выбрали для этого не кого-нибудь, а ее!

Помню, доведет мама отсталый колхоз до передового, люди полюбят ее, привыкнут, а нас вместе с подушками и чугунами вновь грузят на телегу – в путь-дорогу, в другой колхоз.

Помню скривленные от рыдания лица женщин, они всегда долго шли за нашей телегой, пока мама сквозь слезы не крикнет: "Хватит!"

Вертайтесь до дому! Вы что, хороните меня? Или не знаете, где колхоз "Мировой октябрь"? За сто километров уезжаю, чи шо?"

Колхозницы замолкали, переставали плакать и останавливались.

Мама была для людей радостью и надеждой – любили ее, я уже говорила, все без исключения, только и слышишь: "Петровна, Петровна".

В страду и школьников, и горожан, и студентов мобилизовывали к нам в колхоз на помощь. Помню, с грохотом по неровной дороге тащится телега. На ней котел, посуда, буханки хлеба, старенькая гитара. Повариха тетя Вера заделает тот еще кондер. Это – кукурузная крупа, вымоченная за ночь, лук, зелень всякая – вкуснотища! Котел громадный – уплетают все за милую душу. Потом компот из абрикосов. Мамину гитару возят всегда: а вдруг случится чудо, и она споет. Любо-дорого было ее слушать.

Приезжие раззявят рот и не могут оторвать глаза от нее. Все с нетерпением ждали, когда солнце сядет на горизонт – конец работы. А оно, казалось, стоит на месте – так душно, жарко,

"силов нема". Наконец повариха как даст бруском по висячему рельсу – все, отработали.

– Обед, обед! Налетай! – Довольные работнички подтягиваются к котлу.

Раскидываются по траве алюминиевые миски и ложки. Неторопливо сходятся и наши, и студенты. Большим черпаком тетя Вера накладывает во все миски: "Смотри, горячее!" Вижу, один из студентов отошел в сторонку, платочком обтирает мамину гитару, садится возле своей миски, кладет гитару рядом. Я заметила: он всегда норовит сесть с мамой. Ей нравится быть среди людей, в гурте – обед, общие разговоры. А тут она припоздала, ищет глазами, куда сесть.

– Ирина Петровна! – зовет студент.

– А, вон она, моя красавица!.. Я сейчас из бочки ополоснусь немного. Пускай пока остывает, кивает она на миску и уходит в густые заросли – там стоит бочка с нагретой солнцем водой.

– Фу! Хорошо!

Жара была весь день нестерпимая. Мама села возле гитары к своей миске. Застучали ложки, закричали от удовольствия проголодавшиеся. И мама тоже уминает. Ее сосед по застолью вынимает какой-то листочек и кладет возле нее. Она осторожно берет, читает, удивляется:

– Ой, какой ты красавец! Какой костюм и скрипочка!

– Это все ерунда. Главное, я занял в Краснодаре первое место по классу фортепьяно.

– Вот это да! Молодец, парень. Как тебя зовут?

– Виктор.

– Как моего мужа.

– А вы мне сказали, что у вас нет мужа.

– Куда он денется. Сейчас на сборах. Военный он. А я пока разгонюсь, песен попою. Не любит он песен.

– Голос ваш божественный.

– Я знаю, что хороший, но не так, чтоб уж божественный.

– Божественный, божественный! – Студент с восхищением произнес эти слова, и стало понятно, что восхищается он не только голосом. Так он и страдал: и место маме занимал, и гитару протирал, а маме "байдуже", что значит "все равно". Однако парень не мешал ей своим присутствием. При нем, музыканте, она и пела наиболее задушевно. Иногда и он брал гитару и тихонько, умело аккомпанировал.

– Петровна,- сказала маме как-то тетя Вера,- не своди с ума пацана!

– Он не пацан. Ему двадцать три года, армию отслужил. Глупостями всякими заниматься не спешит. Ему надо догонять своих аж за два года. А так он мальчик хороший, смешливый...

– Смешливый! Да он как аршин проглотит, когда тебя нету.

– Я ему вольностей не разрешаю. Что-то он мне расскажет, споет тихонько, посмешит. Ну и дура ты! Он в консерватории учится. Отличник. Мне и хочется петь для него. Вот и все.

Настала осень. Мама нас с младшей сестрой взяла в Ейск к тете Еле. Та жила на главной улице, в маленькой хатке. Солнце еще не село. Мама приказала ждать ее, ей сейчас надо уйти. "А потом, вечером, пойдем на концертик..." Стемнело, и мы оказались под старой акацией, раскинувшей пышные ветки. Вдруг распахиваются окна богатого, красивого дома, и студент Виктор, здороваясь, улыбается.

– Прошу вас, заходите.

– Не-не, в дом не! – сказала мама.

Он пододвинул рояль поближе к окну, потер ладони, лицо его стало серьезным. Выждал паузу – и грянул Первый концерт Чайковского.

Вечер. Красивая улица, красивый парень в белой рубашке за роялем. Звуки полетели по улице к самому Азовскому морю. Мама, подавшись вперед, словно окаменела. Мы с сестрой тоже дохнуть боялись. Деликатно подходили отдыхающие. Исполнитель взмок, рубашка прилипла к спине. Прозвучал финальный аккорд, мама кинулась к окну, поднялась на цыпочки, пальцами зацепилась за наличник, волнуясь, поблагодарила:

– Молодец! Ох, молодец! И люди те молодцы, что научили тебя...

– Я сейчас вас провожу.

– Нет. Тут недалеко. Пошли быстрее! – заторопилась она, чтоб он не догнал нас.

Мы скрылись в темноте чужого двора...

Заночевали у тети Ели, утром на базар сходили, и на попутке до порта.

Убрали урожай... Зори стали холодные, лето кончилось. Но на работу ходили: то кукурузу лущить, то везть на ветру пшеницу, то еще что. Кроме того, занятия в хоре, где мама была главной.

Незаметно я стала ее равноправным собеседником.

– Ты знаешь, дочка, нелегко бывает. Вот тут как-то вас спать уложила, а сама на улицу вышла. Темно – глаз коли. Собаки и те незнакомым лаем гавкают. Стою посреди села и думаю: с чего начинать? Третий колхоз уже, а каждый раз все другое. Надежда только на людей.

И не бывало у мамы так, чтоб не заладилось.

Уехала я от нее в Москву, поступила в Институт кинематографии.

Она приезжала, но очень редко. Студенты радовались тогда:

"Петровна приехала!" Бывало, муки кукурузной привезет, сварит чего-нибудь и угощает, и чудит, а то на картах гадает. "На черта он тебе сдался?" – говорила она, когда чувствовала, что девушка брошена. Я ее почти и не видела. То в одну комнату затащат, то в другую. И пела много, конечно.

– Цэ дуже сильная артистка. Якой голос! Якой голос! – Это она говорила о Саше, подруге моей.

Помню, в Доме кино была премьера фильма "Чужая родня", мама в это время гостевала в Москве. Ее восторгу не было конца.

– Смотри, доченька, сколько людей заинтересовались вашим трудом, ни одного места нема свободного.

Глаза ее расширились, когда она увидела такой же, до отказа заполненный, зал и на втором сеансе.

– Видишь, люди уважают вас, пришли.

Нас опять вызвали на сцену. Бурные аплодисменты. Мама аплодировала громче всех, сияя своими белыми-пребелыми зубами.

ми. А когда мы сели в метро, она вдруг заплакала.

– Хотела я признаться тебе... Только не пугай детей... Знай как старшая: заберут меня скоро в больницу. Думаю, не вернусь обратно.

– Что ты, мама! Что ты говоришь такое!

– Тише – люди смотрят...

– Немедленно перебирайся к нам! Тут Москва, врачи хорошие.

Она приехала, устроилась работать в совхоз "Люберецкие поля орошения". Дали ей комнату в бараке: съездила за детьми – их трое оставалось. Одну из сестер я к себе взяла. А куда – к себе?

Комната все та же – 14 метров. Мама и сестра на полу, а я сердилась, что мы с мужем на кровати, хотелось к ним под бочок.

Сын спал в кроватке своей. Брат после пограничного алма-тинского училища был назначен начальником заставы на

Памире. И как все в жизни связано! Его сын Илья закончил

Институт кинематографии, факультет документального кино, стал кинооператором и с камерой летал по самым "горячим точкам".

Первой оказалась та самая застава, начальником которой когда-то был его отец. Там шел бой – сегодняшнее военное наше время. Илье напомнили о службе его отца, Геннадия Викторовича Мордюкова.

Журналисты сняли этот сюжет на пленку. Потом показали по телевизору нашего племянничка с камерой на фоне гор Памира.

После Таджикистана он много раз летал в Чечню. Вечером, как скажут в "Новостях" по телевизору: "Хабаров и Илья Мордюков", ложимся спокойно спать: ага, живые. И Босния, и Афганистан, и снова Чечня... И всюду он, наш Илюша.

Да, вернусь к маминой болезни. Скрутила она ее. Стала мама твердить, что когда я куплю новый платяной шкаф, то свой старый должна детям в совхоз переправить. У них там через всю комнату веревка протянута, и на ней висят носильные вещи.

И вот маму забрали в больницу. Помню, она просветленно сказала:

– Доченька, тут такие условия, такое обхождение! Разве они дадут умереть?

В электричке я плакала после разговора с хирургом: мама натрудила грыжу. Посоветовали вырезать. Она так боялась ножа, что и температура вдруг упала до нормальной. Она ведь никогда не обращалась к врачам. "Ото только в роддоме и отдыхала, и лечилась", - говорила. Грыжа не стерпела дальнейших нагрузок, может, от нее и завелся рак. Пятьдесят лет – разве это возраст?

"Разрезали и зашили" – есть у врачей такой роковой диагноз.

Привезла я маму назад в барак. Кругом лес, красота. Начинаясь весна, стали выводить ее во двор, сажать на табуретку, чтоб воздухом дышала.

– Знаешь, дочка, я сельский человек, а природу не знаю...

Некогда было изучать. Все работа, работа. А сейчас все знаю: и время зари, и когда какие птицы щебетать начинают. Ну, ладно, вот выберусь из болезни... Ничего мне не надо, только глядеть на вас. Это великое счастье – на своих детей смотреть...

– Да, мама, хорошо, что нас много.

– Вы, дети, проследите за Дарьей Васильевной, чтоб она не подстроила чего-нибудь божественного.

– А чего? Она ж твоя подруга.

– Я знаю все ее уловки. Помните, что я коммунистка? Проследите, чтоб никаких свечек, тем более икон.

– Успокойся, дыши ровнее. Дарья Васильевна нет в совхозе.- Ее сухое, желтое лицо выразило недовольство: не проводить свою подругу в последний путь, как же так? – Больно, больно! Укол скорее!

Побежали за Ниночкой Зайцевой. Она на медсестру училась.

От укола мама успокоилась и почти до самого вечера моргала и смотрела в потолок.

Потом прошептала:

– Нонна, я тебя вот о чем попрошу... Слушай меня, доченька, внимательно. Дети! Сделайте, как я прошу...- Медленно она старалась внушить нам что-то.- Как я умру, позовите старушку с книгой, потушите электричество и зажгите свечи. Принесите иконку от Васильевны, поставьте передо мной... Пусть будет как положено...

Она надолго замолчала, мы сидели и поглаживали ее руки. Открыла глаза, улыбнулась – и все.

Мы исполнили ее пожелание, обряд свершили, как полагается. Я в душе довольна была, видя, как старушка, встав на колени, читала и читала молитвы всю ночь... И свечи были какими-то теплыми, иконка. К этому времени Дарья Васильевна включилась во все.

Когда мы шли за гробом, нам непривычно было то, что люди клали деньги маме к ногам.

– Это ничего... Это так надо – на поминки...- пояснила женщина. Люди от души... преподношение.

Кажется, совсем недавно большой блестящий автобус забирал маму, трех моих сестер и увозил их из совхоза в Большой театр на репетицию предстоящего концерта самодеятельности, в котором будут выступать артисты со всей страны. Это была ее стихия! Как пылко она распорядилась аранжировкой, чтоб петь на четыре

голоса. Жаль было маму: мы видели, как она держалась за правый бок перед выходом, преодолевая боль.

– Сестры Мордюковы! – объявляют. Я сижу в партере, наслаждаюсь красивым пением, горжусь своими самыми близкими. Меня в концерт не включили, потому что я профессиональная актриса.

В последний раз, возвратившись с репетиции, мама с белыми губами села на табуретку и сказала:

– Простите меня, дети, больше не поеду.

Вскоре ее забрали в стационарную больницу. Руководитель самодеятельности расстроился. Оставил сестер моих Людю и Наташу спеть в два голоса "Сулико". Иностранцы аплодировали им восторженно: две хорошенькие девушки со светлыми косами прекрасно исполнили песню на грузинском языке. Получили приз: газовые косыночки и браслеты грузинской чеканки. Мастер Коба Гурули. Когда пришли к маме, она приподнялась на постели и радостная попросила дочерей: спойте "Сулико", как там, и станьте так же, как там, на сцене.

Да, она могла бы стать прекрасной актрисой, это все замечали.

Известные режиссеры и актеры интересовались, когда приедет Ирина

Петровна. Я уже писала, что ею восхищался Алексей Денисович Дикий. Он грустнел даже, слушая мамино пение. Самойлов, Герасимов, Шпрингфельдт, все они в восторге от тембра ее голоса, ее музыкальности. Как же несправедлива судьба. Только стали выпутываться из тисков тяжелой жизни. Попели бы на радость себе и людям. Нет, умирай! Да помучительнее, подольше!

Плакать уходили в лес, чтобы она не видела наших слез.

– Как умру, не плачьте... Пойте наши песни, которые мы вместе пели.- Материнское сердце как бы загодя, авансом утешало плачущих детей.

С похорон пришли, я села к столу, кем-то накрытому для поминок, и подумала: "Я не дочь... я ничья не дочь. Я тетка". Физически прочувствовала – тетка.

Мамочка, дорогая, мне и сейчас тебя не хватает, хотя я уже старше, чем была ты.

КАРЕТКА

Саман – глину, смешанную с навозом,- сначала месят ногами, потом

– для получения кирпича – орудуют кареткой. Это прямоугольная рама, сделанная плотником по заказу. У кого большая, у кого поменьше. В раму эту натаптывают месиво, затем осторожно выталкивают на траву, чтобы подсохло. Получается саманный кирпич, и испокон веку хата называется саманной. Заботливо хозяева обхаживают такую хатку. Часто белят, голубую каемочку наводят. Цветы рисуют, петушков. Она невысокая, и за нею можно ухаживать, как за малым дитем. Под окнами сажают цветы: панычи, чернобривчаки, граммофоны, "рожу" – мальву по-научному...

Для человеческого бытия тоже выдумывают разные каретки: живи честно, трудись, детей рожай, не будь скрягой, гордецом. Эта каретка вечна, да только не удержится человек в ее границах.

Человек единожды входит в жизнь, в которой ему наперед уготовлен его путь. И каждому намечена судьба. Заранее расписал кто-то, как человеку жить. Смолоду и до конца. Он не думает об этом, потому что считает свои планы незыблемыми, уверен, что он хозяин жизни – как задумает, так и сделает. В каретку эту входят любые пожелания: дети, работа, дом, угодная судьба и путевка в искусство.

Молодость с амбициями. Все препятствия легко устранимы. Не топят в общежитии? А ребята на что? К вечеру любыми путями добудут досок, натопят, и будет тепло. Помню, в Лосиноостровском общежитии не стали мелочиться, спилили сосну. Она упала на провода – остановились две фабрики. За ночь все распилили, попрятали, натопили как следует, но наутро все обнаружилось.

Пришли из милиции, стали акт составлять. На полтора миллиона убытку. Да что с нас возьмешь? Свалили на стихийное бедствие.

Нам погрозили: так больше не делать! Мы, конечно: ни-ни. Зато неделю или две на обоих этажах черные голландки были раскалены.

На школьной форме, в которой я приехала в Москву, локти штопаны-перештопаны, заплатка на заплатке. Ну и что? Пошла в профком, дали ордер на покупку хлопчатобумажного изделия. Ох, изделие мое! Какое ты мягонькое и уютное – халат на пуговках.

Запах-то, запах! Магазиновый, шикарный. Никому и в голову не приходило, что я в халате по институту хожу. Следующий заход в

профком – парусиновые туфли на розовой резине. Потом купила на

Тишинском рынке две пары ношенных шерстяных носок, распустила и самодельным деревянным крючком связала косынку.

– И все на наряды, все на наряды деньги тратите,- съязвил наш общий любимчик Ростислав Васильевич, преподаватель физкультуры.

Общежитие – это по мне, это отрада. Я первый раз и от мужа удрала, чтобы снова очутиться в гурте: кто голову в тазике моет, кто кофточку гладит. Готовимся к понедельнику – занятие по мастерству актера. Любимый и строгий Борис Владимирович с Ольгой

Ивановной приедут. Это бал-маскарад, это праздник! Мало ли что есть хочется и день и ночь! Всем хочется. Всем людям, всей стране неотступно хочется есть. Мы учили друг друга, как тренировать желудок, чтобы он не просил еды, чтобы не отвлекал от основной жизни.

Бесконечно влюблялись, целовались по углам. Местные мамы или папы отрезвляли, отвлекали, умоляли не реализовывать свою любовь или хотя бы отодвинуть реализацию.

Один раз сидим на "западной литературе", всовывается в дверь знакомое лицо пожилой женщины.

– Простите, можно Мордюкову на минуточку?

Выхожу, таращу на пришедшую глаза, вспоминаю, что Гарик ихний гуляет с одной девочкой, слушаю ее.

– Нонна, доверяю только тебе: каждую неделю буду вам пышки печь, только не трогайте Гарика!

– Я его не трогаю. Мне вообще все до лампочки – я отличница, на доске почета вишу... А Гарик ваш скачет от одной к другой.

– Он сказал: люблю Мордюкову.

– Брешет! Ладно, давайте пышки. Приносите каждую неделю, и мы

Гарика спасем...

Вот так бывает: у меня сердце колотится оттого, что пышки едим и еще на вечер останется... Приезжаем в общежитие, на плитке целое ведро булькает с пшенной кашей. Это Сережка Пыров где-то

"скоммуниздил". Где – не наше дело. Спрашивать не полагалось.

Потом мы усаживались с отличниками натуральными и заседали на них, чтоб те рассказали содержание "Бесов" Достоевского или пьесы Н. Островского. Обычно задают на лето прочесть, но разве летом откроешь книжку? Мама родная, а на танцы к морячкам, а в море покупаться, а рыбы или раков половить? Какой там

Достоевский... Оглянуться не успеешь, как мама уже собирает тебя в Москву. Но эти наши читаки-отличники здорово пересказывали произведения. Бывало, и два, и три расскажут. А мы ухитрялись четверки получить на экзамене.

Однажды стою я на бортике бассейна – шли занятия по плаванию.

Ростислав Васильевич, наш физкультурник, подплывает, пальцем подзывает наклониться к нему. Я наклоняюсь.

– Ты у гинеколога была?

– Зачем это? – подтягиваю купальник.

– Ведь ты беременна. Пойди в медпункт и возьми направление.

Я закрыла руками свой живот и побежала в раздевалку.

Там села на кучу какого-то инвентаря, задумалась.

– Переоденься, ты вся дрожишь! – крикнула на меня староста.

Я медленно переоделась – и в медпункт. Случилось это на четвертом курсе. Профком в очередной раз схватился за голову: куда девать? Общежития два – женское в Москве, возле метро

"Кропоткинская", мужское – в Лосинке. Там как раз и была резервная, четырех-пяти метров, комната для тех женатых студентов, которые ждут ребенка.

Я наведывалась в Лосинку, присматривалась: висят пеленки на веревке или нет? Было такое правило: диплом защитил и – айда на простор, снимай угол или к чьим-нибудь родителям просись...

Наконец входим в долгожданную комнату. Две "солдатских" кровати, стол, печка – отлично! Муж с Евгением Ташковым нанялись пилить дрова дачникам, чтоб купить приданое для будущего ребенка.

Я бегала по двум этажам, на кухню, в умывальник. Жарила на рыбьем жире картошку. Все немного морщились от запаха, а мне он не мешал: плохо ли – рыба и картошка вместе. На второе – кипяток из пол-литровых банок.

Я шустрая была. Стал живот увеличиваться, я поддерживала его руками, но бегать не переставала. Вокруг меня были веселые мальчишки. Я им подкину какую-нибудь шутку – хохочут, аж потолок дрожит. Характер у меня был тогда золотой – легкий, веселый, покладистый, – все без исключения меня любили. К примеру, Сергей

Параджанов. Бледный он был и худой, одежда без цвета и формы. Он шастал все время по комиссиям, искал "счастья": кулоны, броши, разные золотые изделия. Антиквар!

Однажды мы собрались все на кухне и варим "че нито".

Сергей входит с интригующей улыбкой и достает из кармана зеленую с золотыми точечками-глазами собачку. Моя неуклюжая

рука потянулась: "Ой какая!" И с концами!.. Уронила я, разбила бедную собачку.

– Эх, мама Нонна, что ты наделала! – охнул кто-то.

А Сергей засмеялся, негромко, беззащитно.

– Ничего, найдем еще...

Я чувствовала ценность утери, но он замял происшедшее, вынужден из-за пазухи вяленую воблу.

– Ура!

Тем дело и кончилось.

Прибегаю однажды из института. Муж остался там в шахматы поиграть. Вдруг меня как скрутит в узел!..

– Ой, ой, мальчики, мальчики, помогите!

Ребята несмело подошли к открытой двери, взглянули на меня скорчившуюся. А боль внезапно отпустила.

– Все прошло, слава Богу!

– Что с тобой?

Входят несколько человек во главе с Марленом Хуциевым, я смеюсь... И вдруг снова: "Ой! ой!" Марлен выпроводил всех в коридор, в приоткрытую дверь наблюдает за мной. Тишина.

Появляется комендант с трубкой.

– Не паникуй, к утру родишь.

Ушли. Лежу, смотрю в потолок. Опять как даст в поясницу молотком, я снова в крик: "Ой, ой!" Слышу в комнате против нашей ключом кто-то дверь открывает. Я кричу, как родственнику:

– Ваня! Ванечка! Беги, звони! Я, наверное, сегодня все!

– Сейчас, сейчас!

Куда побежал, не знаю. Чередование "Ой!" с тишиной, подходящих к двери и уходящих мальчиков. Наконец прибегают Ваня и успокаивают: сейчас, Нонночка, они приедут сюда роды принимать!

Я сбегал на мебельную фабрику и дозвонился!

– Как сюда?!

Я испугалась, заплакала. Вижу, сквозь толпу ребят протискивается мой муж. Он раздраженно: сколько вокруг чужих... Стал надевать мне ботинки, с досадой ворчит: "Зачем они здесь. Это – наше дело... Сейчас поедem в Москву. Машина стоит внизу..." Как ни крутилась в машине, а про счетчик не забывала: надо же платить!

Вернулась с ребенком в эту же комнату. Чуть не ослепла, увидев на моей, а значит, на сыновней кровати бумажные цветы на подушке. "Он хотел как лучше..." Я мягко так собрала цветы, положила их на окно, а потом уж опустила сына на подушку. В институт ходим, ребенка с собой таскаем. Он лежит в медпункте,

нянчат его по очереди кому не лень. У меня душа разрывается – жаль сыночка. Я полюбила его сразу так жгуче, сильно, какую-то ненормальной любовью. На ручке – еще в родильном доме – привязана была клееночка с надписью "Мордюков – мальчик".

Сидим как-то утром, уже в институт собрались, стук в дверь.

Входит медсестричка, поздоровалась и шутя спросила:

– Мальчик Мордюков здесь живет?

– Нет,- сухо ответил муж, швырнув клееночку на стол.

– Этот мальчик – Тихонов Владимир.

– Извините, у меня так написано...- смутилась сестра.- Прививку надо сделать.

После ее ухода резко сказал:

– Собирайся, пойдём в загс!

На улице свистел морозный ветер, я несла сыночка и чувствовала, что ватное одеяльце не защитит его розовую спинку от холода. Так и вышло – застудили. Потом несколько лет лечили от бронхита...

Хорошо, что, еще учась в институте, я сыграла в фильме "Молодая гвардия" Ульяну Громову и иногда появлялись дяденьки с приглашением выступить от общества "Знание". Все-таки приработок.

Как-то позвонили: "Ленинград просит для старшеклассников

"Молодую гвардию" и тебя..." В поезде дяденька незнакомый кидает три коробки с фильмом и, буркнув: "Там встретят",- уходит. У меня стали слипаться глаза – было уже за полночь.

Утро выдалось хорошим. Недаром испокон веку есть надпись на станциях "Кипяток". Кипяток – это жизнь, и в купе у нас бурлила жизнь. Кипяток с парком, какая ни есть еда очутилась на маленьком столике. Как хорошо!

– Мне твои фильмы всю ночь снились,- сказал молодой пассажир в солдатской рубахе.

– Фильмы... Это не фильмы, а фильм "Молодая гвардия", и то три части всего,- ответила я.

– Так вы лауреат Сталинской премии?! – взвизгнула с восторгом попутчица.

– Да, вот так...- вздохнула я.

В кармане у меня было четыре рубля. Выступать в субботу и воскресенье, а вечером домой. Приняли меня на "ура". Все были очень довольны, обнимали меня, целовали.

– До следующих встреч! – радушно говорили люди.

Было семь часов вечера. Я додержала улыбку, пока не завернула за угол. А как же гонорар? Мне не на что даже хлеба купить. А ехать на что?

Шла я, шла и оказалась у Политехнического института. Села на лавочку. Красота-то какая! Еще горше стало от такой красоты.

Тетеньки мимо меня носят на носилках желтые листья и кидают в кучу. И вдруг одна опустила носилки, подсела ко мне, положила руку на колено и спрашивает:

– Что с тобой? Кто обидел тебя, казачка?

Я подняла лицо.

– Откуда вы знаете, что я казачка?

– Да видно. У нас кубаночки подрабатывают, а днем учатся.

Вставай. Пошли чай пить. Пока шли, я все-все рассказала ей.

– Ну, чего ж тут особенного? Заработала, а деньги в зарплату получишь,- сказала она.

Зашли мы в четырехугольный дворик, похожий на колодец. Она стукнула по низенькому окошку, и изнутри прыгнула на стекло кошка так высоко, что соски на пузе видны были.

– Раздевайся, садись. Непорядок у вас там... в кино – картину погрузили, оформили, а человека.

– Я первый раз выехала. Не знала, что за гостиницу платить и за обратный путь.

– А с едой как? Голодная небось.

– Нет. На выступления за кулисами стоял столик и чай с хлебом.

– Ну тогда ничего. В другой раз расскажу тебе, как я Кубань люблю... до одурения. В госпитале нянечкой работала. Любовь была с кубанским казаком. Молодые были. Налюбились, нацеловались вдоволь и без обещаний расстались. Еще не вошли в тот возраст, когда жилы друг из друга тянут обещаниями да уговорами... А насчет отъезда – устроим. Пошли, скоро поезд. С моей подружкой поедешь, на уздах с бельем.

Подружка оказалась улыбочивой, тихой ленинградкой. Выложила из кармана шинели мелкую картошку в мундире, кулек морской капусты, чаю с сахарином попили. Хорошо!

Радость моя сменилась на досаду: не хотелось мужу объяснить, почему без денег явилась. И откуда у парня в двадцать два года командирское начало? Это, пожалуй, единственный человек был, от которого я днем и ночью мечтала избавиться. Но как? Раньше нельзя было: ребенок, семья, что скажут в институте. Боже сохрани! Надо терпеть. А про маму и говорить нечего. Бывало, чуется, что мне не живется с ним, начинает причитать: "Ой, дочка, не бросай его! Он домашний. Никогда семью не оставит. Смотри, как бы одной не пришлось жизнь коротать, а он – судьба твоя".

Так больше десяти лет просуществовали. Мама умерла – мы и разошлись, куда глаза глядят...

Развалилась моя "каретка". Вот только "золотник" остался при мне. С ним не пропадешь. Он главнее, чем муж и несуразная моя жизнь личная. Золотничок – это предназначение быть мне актрисой с пониманием и умением создавать свое искусство на интерес людям.

Сейчас 1997 год. Я в Тбилиси. Гала-концерт в большом зале.

Артистов много. "Переаншлаг". Объявили меня. Весь зал сразу встал. Я уж говорила об этом, о том, что такое для гордого грузина встать со стула. Слезы залили мне лицо... Я аплодировала, они тоже.

Вот это награда. Вот это и было всегда моей невидимой кареткой жизни – служить профессии. У каждого человека, занимающегося искусством, главное "пиршество" в творчестве состоит в работе, в которой он расходует накопленное своей жизнью, то есть самое дорогое, что когда-то привело к горьким слезам или к неудержимому смеху. И я тоже из большой семьи художников, людей, занимающихся искусством. И у меня "под ложечкой" есть болевая точка. В детстве мне довелось увидеть у колодца упавшую без чувств женщину, получившую похоронку с фронта. Я все понимала, я сочувствовала ей до глубины души, потому что родилась актрисой.

У меня национальные струны тугие оттого, что мне судьбой было предназначено срастись с горем окружающих меня женщин, срастись с их характерами, умением работать до десятого пота, веселиться, песню завести такую, что проберет всех до слез. Так и получилось, что мое богатство было в окружающем меня вечном жизненном сюжете.

Помню, мы были в экспедиции на съемках в глухой деревне. Померла старуха... Несут гроб, за ним группа людей идет.

– Сколько лет ей было? – спросила я.

– Шла до упаду! – не поднимая головы, ответила одна из провожающих свою подружку в последний путь.

Истинная характеристика наших женщин – "шла до упаду". И я, если ничто не помешает, буду идти до упаду. И кто же не согласится с тем, что таких женщин нет больше нигде, ни в одной стране! Нету таких тружениц, как наши. Боже ж ты мой! Одну только войну вспомнить, и того достаточно, чтобы всю жизнь играть ее, писать, рассказывать о женской военной доле. Все у нее, у женщины нашей, получается безропотно, обязательно, нерушимо...

Всегда она бегом. Как бы несправедливо ни обошлась с ней судьба, с какими бы страданиями, лишениями она ни встрети-лась, крепка в ней уверенность, что плохое – ошибки, неприятности – временно, надо подождать, перетерпеть, и все наладится.

Сколько в нашей женщине взрывной силы, дипломатии, милосердия! И все мы разные: есть тихие, есть крикливые и требующие, а крик не помогает, тогда ляпнет такое, что аж чертям тошно: все катаются от смеха.

Есть и вульгарные, вроде ведут себя вызывающе, а в работе никому не уступят, такие все время на Доске почета висели. Это мои героини и мои зрители, моя любовь. Таких женщин я знаю, это я сама.

Пошла я недавно на рынок за квашеной капустой. Вижу, бочка стоит, возле нее суетятся подросток и женщина с гипсом на руке от кисти до локтя. По лицу ее видно, что болит рука нестерпимо, но она этой правой рукой взвешивает свой товар. Пацан получает деньги. Все сочувствуют, кто и сам накладывает себе в бидон и ставит на весы. Я в аптеку: "Дайте что-нибудь обезболивающее".

Дали. Угощаю несчастную "пятирчаткой" – две таблетки сразу.

– Как же это вы? – с состраданием спрашивает какой-то мужчина.

Женщина смахнула слезу фартуком.

– Да как же, как же... Вчерась вот тут поскользнулась – и на руку! Вывих и трещина, сказали. Вправить-то вправили, но болит, болит.

– Поезжайте домой,- искренне советует кто-то.

– Я и то говорю: поехали, Мария, домой,- бурчит ее напарник, молодой паренек.

– Куда домой? Срам-то какой – явимся с капустой. Помалкивай там!

– ответила в сердцах хозяйка.

Я ее взяла себе на заметку. Напишу о ней, а может, и сыграть когда придется на нее похожую.

Еще эпизод. Собрались как-то у знакомой актрисы отметить очередное событие. Пришли известные режиссеры, актеры. Надо сказать, что актриса эта и сейчас живет в коммуналке – не все же ретиво рвутся в отдельные квартиры. Пришла в гости и соседка-сторожиха. Вечерами надевала бесформенную волчью шубу, брала ружье без патронов и шла охранять чье-то добро. Мы обычно липли к ней, любили слушать ее рассказы, ловили, запоминали каждое слово – все шло в копилку. Однажды моя подруга влетела на кухню и закричала:

– "Мону Лизу" везут по Москве в особом автобусе, с особым режимом и климатом!

Сторожиха спокойно помешивала суп в кастрюле, чем вызвала еще большее желание убедить ее в чуде происходящего.

– Вы слышите, Антонина Федоровна?

– Чую, нэ глухая...

– Она будет выставлена в музее! Пойдемте!

– Проститутка якась... Че на нэи дывыцься?

Иногда, как сейчас, осчастливит нас – постоит у притолоки, что-нибудь сказанет... Один режиссер спросил у нее:

– Антонина Федоровна, какая у тебя пенсия?

Та нагнулась и ответила ему на ухо. Тогда режиссер ставит рядом с собой табуретку и жестом приглашает соседку сесть.

– Где вы были во время войны?

– У Белоруссии.

– Приходилось ли вам скрывать партизан или кого из бойцов?

– А як же!.. Разве я одна? Мы усе помогали... И у нас тоже партизаны ночевали, харчей им давала.

Режиссер отводит собеседницу в сторону, и они о чем-то шепчутся.

"Это законно!" – уверяет он. Соседка неторопливо надела шубу, взяла ружье и пошла на пост.

Забыли мы это, не замечали, что несколько дней Антонина

Федоровна не попадает на глаза. Вдруг открывается дверь, и входит долго отсутствующая соседка. Ее и не видно – вся завешана венками чеснока, лука, с плеч снимает мешок, до половины заполненный семечками.

– Антонина Федоровна приехала! Наверное, ездила в деревню насчет пенсии?

– Ну да,- простодушно отвечает она и рассупонивается.- Бери вот, от моей младшей сестры. Насилу узнала ее... Хорошо съездила...

Ставь чайник – в горле пересохло.

– Сейчас, сейчас! О, и тыква, и фасоль!

– А как насчет пенсии? – Надо ведь было найти одного-двух свидетелей, которые бы подтвердили помощь Антонины Федоровны партизанам и бойцам.

– Якая там пенсия! – воскликнула соседка.- Хлопцы все усе-е до одного повмирили!

Она это сказала, как бы радуясь за себя, что сама-то жива, здорова... А пенсия...

– Це надо хлопотать да просить... На что оно? – Потом задумчиво проговорила, дуя в блюдечко с чаем:

– Скоро, ох, скоро пробегла жизнь... Садись,- кивнула она мне, чайку попьем. Ты не приучайся, чтоб кто-то тебе поднес. Сперва заслужить должна. Вот сколько заслужишь, столько и дадут тебе пенсии. Но это еще тебе не ско-о-ро...

Теперь, спустя много лет, я все думаю о встреченных мною простых женщинах, так похожих на моих героинь. Укладывались ли их жизни в кем-то заготовленные каретки? Образование, ма-

нящее в дальние дали, любопытство, талант, войны, зависть – да мало ли еще что ломает желанные формы, корежит спокойное жизненное течение. Вот и Илюша, племянник мой... пропал в Чечне. Пишу это, а мысли сейчас только о нем – не знаем мы, жив ли он, что с ним... У него двое детей – женился он рано, жену привез с Кубани. Отдыхал там и влюбился в кубанскую казачку. Валя, его мать, жена моего брата Геннадия, переживала, плакала, ругала его: мол, рано жениться, сам ребенок еще. А он, глаза потупив, брови домиком, серьезно так, по-взрослому: "Я – жертва любви!" "Ну раз жертва, рассмеялась Валя,- женись". И жена его тоже совсем молоденькая, он ее и звал "девочка", она его в ответ "мальчиком". Так и до сих пор они "девочка" с "мальчиком". Читает он много, и молчун он у нас. Прежде чем сказать, помолчит, подумает. Я еще раз повторю (только о нем мне сейчас и хочется, нужно говорить, писать): все он в самые горячие "точки" рвался, снимал на переднем крае бесконечных нынче войн. И как мы им гордились, как за него переживали! Как-то я ему об этом сказала, посетовала: зачем тебе это – постоянная опасность, взрывы, стрельба?.. Он, помолчав, тихо ответил: "Тетя Нонна, это мое призвание".

Вот и уложи жизнь в каретку, попробуй втиснуть ее в удобную форму...

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ КЛИПМЕНОВ

Прошлым летом мы вышли как-то из павильона "Мосфильма" во двор, чтобы продышаться немного. Сели на скамейку и стали разглядывать стайку подростков, почти мальчиков, сидящих на траве. Они такие симпатичные, одеты по моде, пахучие, приветливые. Щурятся от солнышка, потрескивают жвачкой, смеются, толкают друг друга. Это клипмены. Видать, что-то снимают и тоже вышли подышать. Я вспомнила понравившийся мне телеклип – реклама водки. Там черная кошка гуляет сама по себе между предметами и забавно проецируется – превращается в пантеру на водочной бутылке. Клип удался. Он прошел по всему миру и получил разные призы.

Меня не один год волновала мысль о форме кино. Всегда напрашивается возможность очистки от ненужных заусенцев, от лишних по смыслу метров пленки. Порою и на стуле ерзаешь и зеваешь от тяготы эпизода. "Воды много",- говорят про такое кино. А бывает наоборот – ритм фильма слишком вольно меняется.

Тот клип с кошкой и водкой подтверждал известную истину – краткая выразительность только украшает фильм. Я преклоняюсь перед односерийными фильмами. Кино – это не театр, не телевизионные "посиделки". Классики его изначально создавали как выдох, как выстрел: "А-ах!" – и все! Кино родилось, появилось на свет односерийным.

Помню, как мы сидели в просмотровом зале на "Мосфильме" и затаив дыхание смотрели двухсерийный фильм Шукшина "Калина красная".

Василий вертелся, чесал макушку, кряхтел. За несколько секунд до финала громко встал, хлопнул в ладоши и решительно сказал:

"Одна!" – серия, имел в виду. Бывает, что в процессе съемки студия и создатели восхищены текущим материалом. Дирекция незамедлительно провоцирует изменить серийность – из одной сделать две. Студия выигрывает: получается за те же деньги и время не один фильм, а два. Студии, съемочной группе и актерам платят как за два фильма. Обоюдный интерес. Однако Шукшин в угоду этим интересам не стал корезить картину. Но вот в

"Трясине", которая изначально была запущена как

"А-ах!", как выстрел, как выдох, то есть односерийным фильмом, режиссер не устоял – угодил "Мосфильму". Виктор Мережко знал, почему сценарий был рассчитан на одну серию, но в кино принято не считаться с автором. А надо бы... Есть определенная

заданность жанра, сценария. Недаром, скажем, в спорте – четкое разделение по дистанциям: сто метров, километр и так далее.

Односерийный "забег" сценария должен быть неукоснительно односерийным.

Когда я увидела удачный клип, подумала: все же молодежь кумекает, ищет... Уловить момент, крик, подтекст – это много.

Налетел на меня где-то на презентации клипмен. Слегка ерничая, убеждала его, что я не клиповая актриса. Он распалился, стал доказывать, что можно забавно снять. Я бы и рада была продолжить спор с ним на съемочной площадке в новом для себя качестве, но мысли нет.

– А зачем она? – говорит он.

– В этом-то и интерес: снимать срез, миг, намек. Пусть по времени это будет сорок секунд, но сорок секунд мысли, настаивала я.

Мы расстались, а через несколько дней звонит Денис Евстигнев. Я обрадовалась: "Вот это другое дело!" Его фильм "Лимита" очень понравился мне. И вдруг он предлагает сняться в клипе. Я-то думала, что в фильме...

– О, нет, нет, ни за что!

На другом конце провода пауза и дыхание. Он начал говорить о железнодорожниках в оранжевых жилетах.

– Сколько по времени это должно пройти?

– Полторы минуты.

– Денис, дорогой, клип мне не осилить – я реалистка до мозга костей. Полторы минуты!..

– Это много.- Он еще помолчал, а потом предложил встретиться завтра на "Мосфильме".

Там нас уже ждал художник Павел Каплевич, и мы затерялись в море одежды, хранящейся на складе. Увлечлись, как дети. Пашка прыгал по узлам и ящикам и отменно одевал нас. Этот процесс важен очень. Мы, потные и красные, вздохнули наконец, и довольный

Пашка сообщил Денису:

– Ну вот так, я думаю.

Режиссер потер руки и, смеясь, сказал:

– Пойдемте, теперь займемся тем, зачем вы, собственно, сюда и приехали.

– Действительно! – засмеялись мы.

Два дня на жаре между рельсов снимались с Риммой Марковой ради полутораминутного изображения на экране. В этот клип вмещен глубокий жизненный смысл. Такой вот клип по мне.

В XX веке много чего появилось. От фривольности ядерных игривости народились неизвестные доселе вещества, имеющие фор-

мулу, но не поддающиеся познанию. Крутятся неизвестные соединения, которые располагаются как и где угодно. Англия согласна на полное уничтожение любого скота... А СПИД? Разве есть хоть малая надежда, распознаю этого монстра. А дети-мутанты?.. Это уже другая формула в науке. Кино тоже заслужило наказания. Людям нужен фильм "Белоснежка и семь гномов", а им подают всевозможные откровения патологии. Распад страны, распад всего – в том числе и кино. На этом фоне обнаружилась незаполненная ниша, куда непринужденно и легко вошли клипы. А клипы бывают разные. У

Евстигнеева – с мыслью и состраданием. С клипом надо на "Вы".

Бойтесь полностью попасть в его вечные объятия. Клип опасен...

Мне припомнился фильм, где Чурикова и Скляр обрадовались безжизненной территории, совсем без людей. Как хорошо! Бурьян, палисадник и скошенное сено ничье. Дом пустой. Ходи, разглядывай, подавайся любви... Хорошо! А между тем эти два человека находятся в радиационной зоне. Наблюдающие сообщают друг другу: "Они светятся..." Так и вошли в свою гибель – ни боли, ни страха, а только блаженство... Не случится ли так, что сугубо клиповое творчество выест реальное предназначение профессии кинорежиссера?

Экран – это магическая зрелищная сила. Его функция – забрать зрителя без остатка. А мы разошлись: "Бей, кроши, бросай детей в окна!" Тут тебе и мозги на асфальте, и кровушка течет, и голый зад, да и секс – пожалуйста. Так лучше уж бессмысленные клипы – там хоть крови нет!

Святое изобретение человечества – экран, а мы порою делаем из него помойку.

Не возраст мне подсказывает это, а опыт. Экрану пристало изображать, как актер Закариадзе в фильме "Отец солдата", забравшись среди перестрелки в пустое здание, нашел сына. Они перекрикивались. Гулом гудели их голоса. Отец добрался до сына и осел, держа в руках выдохнувшего его: "Отец..." "Какой ты стал большой, как ты вырос",- гениально запрочитал Закариадзе.

Ну, черный кот прошел, отражаясь в водке,- это лишь забавный миг. У нас и того нету, не видать что-то подобного в наших клипах. Наслаждайтесь жвачками, радуйте родителей, работайте не покладая рук, но, когда начнете взрослеть, посматривайте на жизнь нашу. Если не собираетесь уехать, волей-неволей пожелайте, чтоб вся ваша жизнь не распалась на клипы, не превратилась в пир во время чумы.

Меня во время учебы во ВГИКе общефакультетским собранием решили отчислить со второго курса за "богохульство". Познакомившись с личностью Карла Маркса, я заявила педагогу и курсу:

– На черта он нам сдался! Все равны, тишь да гладь, да божья благодать! А как же искусство? Оно не может возникнуть без страдания!

Это высказывание, конечно, было интуитивным. Какой из меня политик! Но из души неграмотного человека раздался крик – это предчувствие мучений, страданий и тяжелого труда в своей профессии, потому что мы не могли себе представить, какую песню заводить, если не о родимой стороне, о людях наших, если не творить на радость, на надежду простому труженику. Гамлета играть можно и нужно. Образовывать людей необходимо, но все это получится только тогда, когда хлеб будет, вода будет, воздух чистый будет. Идет по синему морю белый лайнер, человеку хорошо разлечься в шезлонге, подставить лицо солнцу и ветру. Он счастлив целых двадцать дней отдыхать между небом и землей. Но в трюме идет другая жизнь – трудовая. Не будь ее – лайнер утонет.

Так когда-то в коммуналке Григорий Чухрай ночами на кухне писал режиссерский сценарий "Баллады о солдате". Фильм полетел по белому свету. Классическая библейская картина. Я не утверждаю: чтобы стать талантливым, нужно пройти нищету, голод, лишения.

Но знать почву, своих людей, их образ жизни – это необходимо для творческого человека.

"Хочешь оставить след в искусстве – вторгайся во все отечественное", – говорил художник Васнецов. Где живешь, там и спасение. К примеру, я хорошо знаю горцев, вообще Кавказ, потому что там выросла. От души позавидовала режиссеру Хотиненко, его таланту понять душу горца, его жизнь через русского солдата, роль которого исполняет в фильме "Мусульманин" Женя Мионов.

И клип обязан доносить до зрителя свою мысль. Смешной ли это случай или грустный. На первой стадии беззаботная игра, как любая игра, вплоть до компьютера. Шарик разного цвета. Здесь же и прелестный задик Ветлицкой, на него мастерски накладывают масло-какао. Она улыбается, выставляя красивые зубы. Зачем это все? Так, за здорово живешь, хорошие мальчики незаметно внедряются в радиационный палисадник. Они не догадываются, что в зону никчемности идут... Вряд ли кто восхитится нашими клипами, потому что клип – это продукт таланта, поднаторевший в большом кино или в другом виде искусства.

Недавно показали клип Майкла Джексона. Вот это клип! Майкл пошел, а вернее, поплыл, то есть он пошел по сцене медленно, не говоря уже о его пластике. Мы впились, замерли, заволновались: впустив нас к себе на сцену, чтоб мы последовали за ним, он едва заметно дернул на миг подбородком, дразня зрителей знакомым движением. Ради этого мига был сочинен клип. Значит, только богатый талантом, богач таланта, оцененный всем миром, способен на такую драгоценную зарницу. Цветными шариками и поющими рок-попами, под ветродуем, как говорится, ни с того ни с сего разве увлечешь зрителя?! И разве на этом можно сделаться богачом таланта? Нет, детки, нельзя. Правда, в клипах есть возможность ознакомиться с техникой съемок, с аппаратурой, освещением, с хорошенькими актрисами. И больше ни-че-го!

Вот я вам подарю одну из десятка зарисовок, возникших в моей голове. Ну-те-ка! Снимите! Представьте: иду по широкой улице

Москвы. Вдруг слышу, как десятки машин одновременно остановились и загудели во все моторы. Оказывается, старая худая женщина на середине перехода буквально влипла в неостывший асфальт. Одну ногу вытаскивает, а туфель остается на старом месте. Вторую вытаскивает – то же самое. Машины – исчадие ада – орут, как бешеные. Женщина пытается как-то двигаться, боясь их угрозы: ноги освободила, но оставила вытянутые пустые чулки в туфлях.

Вернее, чулки еще тянутся за ней. Несколько шагов сделала, пока не освободилась от приставучих чулок. Наконец босая ступила на тротуар. Я подбегаю к ней, беру под руку, мы возле цинкового карнизика полуподвального окна. Я сажаю ее на этот карнизик.

Иссохшая, худая, она хватается за жизнь. Кажется, что грудная клетка пуста, так сильно и гулко бьется сердце, со свистом дышат легкие.

– Ничего, ничего,- убеждаю я ее и бегу вытаскивать туфли.

– Чулки,- прошептала она.

Сбегала я и за поменявшимися цвет чулками. Завернула их в газету, а туфли напялила ей на ноги.

Подождала, пока она более или менее отдышалась, и спросила:

– Что вы там так крепко прижимаете к груди?

Она развернула целлофан, вытащила из него сберкнижку, ногтем открыла ее и, сдвинув брови, выдохнула:

– Сегодня обмен денег назначили, разве ты не знаешь?!

Сорок секунд чистого действия... А какую горькую мысль оно несет! Хоть горькая, хоть сладкая, хоть соленая, а мысль в клипе должна быть, уже не говоря о том, что клип – это хобби, а не профессия.

В комедийном фильме тоже очень точно надо выводить мысли.

Комедия по делу должна служить людям...

Расселили нас как-то с киноэкспедицией в деревне по разным хатам. Мне достались очень хорошие хозяева. Маруся, ее сын Коля и муж Анатолий – комбайнер. Жили они в любви и согласии. Одно плохо: муж пил по-черному. Пока работал в поле – ни капельки, потом с дружками на грузовике в магазин. Гур-ур, буль-оуль, кто домой, кто тут же прилег. Анатолий валялся мертвяком где-нибудь недалеко от магазина. Колька ежедневно брал двухколесную тачку и ехал за ним. Посадив с помощью взрослых невменяемого папку в тачку, он трогался к дому. Старался, чтоб ни рука, ни нога отца не попали в колеса. Для сельчан это привычно, никаких упреков.

– Мама, мамочка! Заплаканное сердце мое! Любимая! – кричал пьяный Анатолий, когда Маруся шла навстречу, чтоб помочь высадить его из тачки. – Любовь моя! Единственная! И тебя люблю, и Кольку.

– Ничего, ничего... Сейчас на топчанчик ляжешь под яблонькой и отоспишься, – приговаривала молодая красивая казачка. А потом мне: – Вы знаете, у него золотые руки и характер хороший. Утром будет, как огурчик. Покормлю его – и на работу. Ударник!

Как-то задождило. И нам плохо, и колхозу тоже. Сидим мы под яблоней, вареники лепим. Анатолий очень смешливый – от души прыскал от всех моих рассказней. Надо же было так сблизиться с этой семьей и так в общем-то обнаглеть, что сама уже не помню, как я скорчила ему ту самую рожу, с которой он кричал по пьяни:

"Мама, мамочка, заплаканное сердце мое! Маруся схватилась от смеха за живот и выскочила из-за стола. Коля тоже пунктирчиком, как-то дробью захохотал. Анатолий внимательно взгляделся в мое лицо, будто видел впервые. Потом, застенчиво улыбаясь, мотнул головой, отошел в сторонку и стал крутить цыгарку. Колька замолк, почуяв, что отцу моя шутка не понравилась. Обедали молча. Маруся еще кусала губы, сдерживая смех, Анатолий съел борщ, вареники, выпил молока и пошел к сараю. Вскоре он вышел с мотором от лодки.

– Папаня, можно я с тобой?

– Пошли, – буркнул отец.

Коля догнал его, и они скрылись в камышах. Маруся лбом уткнулась в клеенку и расхохоталась всласть:

– Ой, как у вас натурально получилось!

– Может, мне съехать на другую квартиру? Он, по-моему, обиделся.

– Кто? Толя? Вы что! И не выдумывайте. К вечеру все забудет.

Вон, видите, на закате небо светлеет? Завтра работа будет всю.

...Прошли годы. Присылает письмо Мария. "Дорогая ты моя да разлюбезная, да какое же доброе дело ты сделала, Нонночка! Толик у нас так с тех пор и не пьет. Уже шестой год пошел. И не буду, говорит. И "мамочкой" больше меня не называет. Теперь я у него

"дорогая", "миленькая моя".

"Какую же рожу я ему скривила?" – подумала я. Человек на миг остановил в себе течение крови и повернул его в обратную сторону. Этот эпизод я дала возможность использовать другой актрисе в подобной ситуации, но ничего не получилось: завод и концентрация ей оказались недоступными.

Так что и комедия, и трагедия должны быть пропущены через душу исполнителя до самого дна.